

$P_8 \frac{21}{15}$

1903 n 7

2015595711

Вестник Знания

СОДЕРЖАНИЕ № 7.

А. А. Радцигъ. Торговля Манчжурии въ 1902 г.	Стр. 3
Г. М. Пиллпенко. Наше горе. (Изъ поѣздокъ по Уссурийскому краю). III. Ночь въ деревнѣ.—IV. Каторжный.—V. Угольная.	7
Л. Долиновъ. Странная души современности.	36
Г. Пушъ. Земледѣліе и бактерии	47
Проф. В. И. Ивановскій. Изъ поѣздокъ по Англіи.	55
Проф. В. Оствальдъ. Инженерное искусство и химія	68
Лео Бельмонтъ. Жизнь-кошмаръ. Изъ дневника непризнаннаго философа. (Окончаніе)	72
А. А. Радцигъ. Наша официальная статистика.	85
Левъ Горскій. Буря вокругъ Сенкевича	93
Проф. К. Фламмаріонъ. Земля и человѣкъ во вселенной. I. Разборъ положеній А. Р. Уоллеса.—II. Млечный путь и вселенная.—III. Условія жизни	106

Изъ литературы и жизни. —I. Босяки о Горькомъ.—II. Популярность Горькаго за границей.— III. Біографія Горькаго въ цифрахъ.—IV. Опасенія сибирскихъ крестьянъ.—V. Казнь у китайцевъ.—VI. Преподаваніе журналистики въ университетѣ.	129
Вопросы народнаго образованія и—библіографіи. А. А. Илюковъ. Кооперация и народное образованіе.	137
Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія. — <i>«Искорки»</i> Рубакина.— <i>«Княжны-подвижницы»</i> . Свящ. Т. С. Петрова.—Рольцевъ. <i>«Что такое казна и казенныя деньги»</i> . А. А. Н.	145
Библіографія.	148
Г. Пятигорскій. О книгѣ А. А. Радцига и о причинахъ оскудѣнія деревни. 1) <i>«Les limites du Connaissable. La vie et les phenomenes naturels»</i> . Par Felix Le Dantec. R. S.—2) <i>«На родной землѣ»</i> . Повѣсти и рассказы изъ народнаго быта. З. Б. Осетрова.— <i>II. II. B</i> —3) <i>«Край гордой красоты»</i> . С. Васюкова.— <i>Б. И—ва.</i> —3) <i>«Мытарства. Очерки Московскаго работнаго дома»</i> . С. Подъячева.— <i>Д. Д.</i> —4) <i>«На скалѣ»</i> . Дмитріевой.— <i>Д. Д.</i> —5) Е. Пѣтуховъ. <i>«Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго»</i> .— <i>А. Я.</i> —6) Каманинъ. <i>«Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи»</i> . — <i>П. Александрова.</i>	161
Научная хроника. <i>Антропология, медицина, зоологія.</i> —Вырождаются ли культурные народы.—Мечниковъ и Ру о прививкѣ сифилиса обезьянамъ.—Ассоціація идей у попугая.—Величайшее изъ летающихъ существъ.— <i>Физика, техника.</i> Еще о радіи.—Поглощаютъ ли радіоактивныя вещества энергію тяжести?—Успѣхъ, достигнутый воздушнымъ кораблемъ Лебеди.	162
Отвѣты подписчикамъ.	169
Книги, присланныя для отзыва.	
Объявленія о журналахъ и книгахъ.	

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ № 7:

1. „Общедоступный Университетъ“: „Теплота“ въ трехъ частяхъ. Часть вторая.
2. „Энциклопедическая Библіотека для самообразованія“: Ф. Лоліе. *Обзоръ исторіи всемірной литературы.*
3. Читальня „Вѣстника Знанія“: *Общественно-политическая жизнь Запада. Англія.*

Дозв. ценз. СПб. 11 августа 1903 г.

Типографія Т-ва Народная Польза, Коломенская 39, собств. домъ.

Р-21/15
№ 7.

1903.

Вѣстникъ Знанія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

и

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ

ПРИЛОЖЕНІЯМИ

для

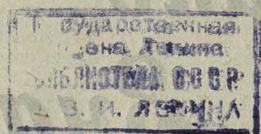
САМООБРАЗОВАНІЯ.

70868
Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903

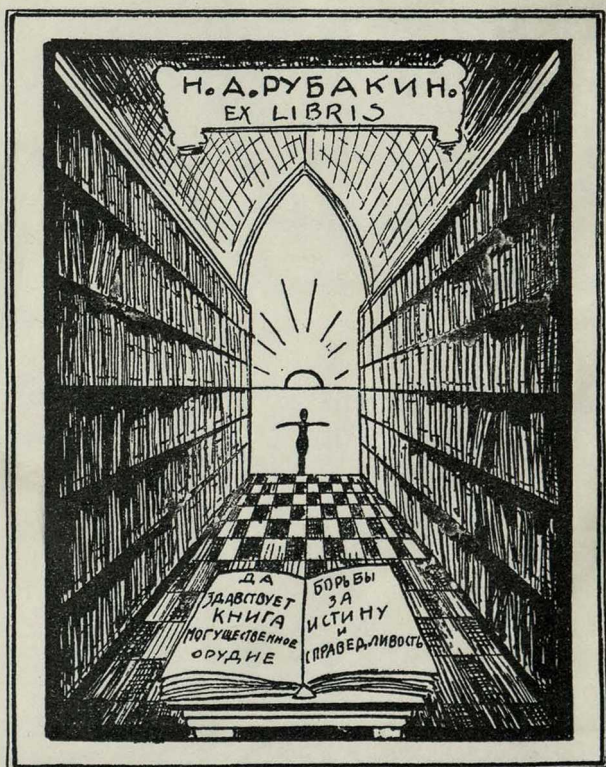

П-3126-48

Дозволено цензурою. Спб., 10 августа 1903 г.

Типография Т-ва «Народная Польза», Спб. Коломенская, 39.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый
11						8	29
							2160

16

А. А. Радцигъ.

Торговля Маньчжуріи въ 1902 г.

О торговлѣ Маньчжуріи. — Можно-ли благодаря постройкѣ желѣзной дороги надѣяться на увеличеніе нашей торговли съ Маньчжуріей?—Заключеніе.

До проведенія Восточно-Китайской ж. д. и сейчасъ еще вся внѣшняя торговля Маньчжуріи производилась и производится моремъ черезъ Инкоу (Newchwang), при чемъ торговые обороты этого порта идутъ увеличиваясь.

Въ Китаѣ въ обращеніи находится серебро, цѣнность котораго въ прошломъ году сильно падала. Такъ, средняя цѣна одного гайкванскаго тѣля была 1 р. 57 коп. въ 1896 г., 1 р. 35 коп. въ 1897 и 1898 гг., 1 р. 42 коп. въ 1899 г., 1 р. 40 коп. въ 1901 г. и 1 р. 19 коп. въ 1902 г.

Благодаря такому упадку курса серебра, стоимость торговыхъ оборотовъ по суммамъ, считая тѣли по вышеприведеннымъ курсамъ, также упала, хотя въ китайскихъ деньгахъ привозы и вывозы 1901 и 1902 гг. были почти одинаковы и значительно выше общихъ торговыхъ оборотовъ 1896 — 1901 гг. Въ 1900 г., вслѣдствіе безпорядковъ въ Китаѣ, торговля временно была приостановлена.

Считаемъ необходимымъ привести суммы торговыхъ оборотовъ. Слѣдующія цифры показываютъ привозы и вывозы Ньючванга, или Инкоу *) въ среднемъ за 1896—1901 гг. (безъ 1900 г.) и за 1901 и 1902 гг. Всего было привезено и вывезено:

---

*) China. Diplomatic and Consular Reports. Annual Series № 2999. Trade of Newchwang for the year 1902. Foreign office, June 1903. London.

	Въ среднемъ за 1896—1901 г. 1901 г. 1902 г. (безъ 1900 г.)		
	въ тысячахъ кред. рублей.		
Привозы иностранныхъ товаровъ. . .	18.782	23.842	22.341
Привозы китайскихъ товаровъ. . .	6.715	9.034	8.577
Вывозы	23.076	26.198	21.529
Общіе торговые обороты.	48.573	59.074	52.447

Сравнительно съ 1901 г., въ 1902 г. замѣчается сокращеніе какъ привозовъ, такъ и вывозовъ, но если взять средніе привозы 1896—1901 гг., то можно отмѣтить значительное увеличеніе такихъ, въ особенности въ 1901 г. Вывозы 1901 г. были ниже среднихъ вывозовъ и значительно ниже вывозовъ 1901 г.

Сокращеніе привозовъ произошло вслѣдствіе уменьшенія привозовъ опіума, въ особенности китайскаго происхожденія; привозы хлопчатобумажныхъ тканей также уменьшились, а именно они упали съ 16.606 тыс. рублей въ 1901 г. на 15.801 т. руб. въ 1902 г. Хлопчатобумажныя ткани привозятся преимущественно изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Великобританіи. Въ 1902 г. изъ Соединенныхъ Штатовъ было привезено 1.513.795 кусковъ хлопчатобумажныхъ тканей, главнымъ образомъ простынь (sheetings), изъ Великобританіи 471.551 кусокъ набивныхъ тканей, 64 т. дюжинъ бумажныхъ платковъ, 99 тыс. дюжинъ полотенецъ и около 760 пуд. бумажной пряжи. Послѣдней Маньчжурію главнымъ образомъ снабжала Британская Индія, доставившая въ 1902 г. 581 тыс. пуд. бумажной пряжи. Привозы хлопчатобумажныхъ издѣлій изъ Японіи и провинцій Китая были незначительны.

Шерстяныхъ товаровъ въ 1902 г. было привезено на сумму 280 тыс. рубл., въ 1901 г. привозы не превышали 180 тыс. рубл. Привозы шелковыхъ и смѣшанныхъ тканей въ 1902 г. доходили до суммы 150 т. руб., противъ 90 т. руб. въ 1901 г.

Привозы металловъ, въ томъ числѣ желѣза, также нѣсколько увеличились, а именно съ 700 т. руб. въ 1901 г. на 750 т. руб. въ 1902 г.

Привозы разныхъ товаровъ нѣсколько сократились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сокращенія привозовъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей и американскаго керосина, доставляемаго въ настоящее время изъ Россіи моремъ въ Портъ-Артуръ. Каменнаго угля для надобностей желѣзной дороги было привезено на 902 т. руб., затѣмъ было привезено: папирозъ на 160 т. руб., муки разной на 160 т. руб., спичекъ японскихъ на 180 т. руб., сахара на 1.345 т. руб. и т. д.

Привозы туземныхъ товаровъ состояли изъ хлопчатобумажныхъ издѣлій ручной работы, хлопка-сырья, бумаги, риса, шел-

ковыхъ тканей, сахара, зеленого чая и приготовленного табаку.

Вывозы Маньчжуріи состояли изъ бобовъ, бобовыхъ жмыховъ, бобоваго масла (въ 1902 г. на сумму 17.597 т. руб.), шелка-сырца (на 1.153 т. руб.), шелковыхъ остатковъ (на 84 т. руб.), проса (на 604 т. руб.), кунжутнаго сѣмени (на 323 т. руб.), кожъ и шкуръ (на 281 т. руб.) и т. д.

Привозы и вывозы золота и серебра въ 1902 г. доходили до суммы 548 т. руб., при чемъ вывозы превышали привозы. Вдоль линіи Маньчжурской желѣзной дороги охотно берутъ наши бумажные рубли, которые, повидимому, будутъ вообще свободно обращаться въ Китаѣ въ виду того, что русскіе кредитные рубли не подвержены курсовымъ колебаніямъ, подобно китайской серебряной монетѣ.

Вотъ вкратцѣ тѣ данныя, которыя имѣются въ англійскомъ консульскомъ донесеніи о внѣшней торговлѣ Инкоу, а теперь, въ виду тѣхъ громаднхъ затратъ, которыя были сдѣланы на постройку Восточно-Китайской желѣзной дороги, является интереснымъ выяснитъ, какія выгоды Россія могла-бы извлечь отъ улучшенныхъ путей сообщенія въ Маньчжуріи.

До проведенія желѣзной дороги, да и сейчасъ, Маньчжурія получала и получаетъ всѣ европейскіе, американскіе и японскіе товары исключительно моремъ черезъ Инкоу, откуда товары во внутрь страны перевозились по рѣкѣ Лао и другими путями и сейчасъ перевозятся желѣзной дорогой, отъ проведенія которой преимущественно выиграли иностранныя государства. Россія имѣла доступъ въ Маньчжурію по сухопутной границѣ, при чемъ наша торговля съ этой отдаленной страной была лишь незначительна и сейчасъ остается таковой же.

Какъ видно было изъ вышесказаннаго, привозы въ Маньчжурію, главнымъ образомъ, состояли изъ хлопчатобумажныхъ и другихъ тканей, желѣза, сахара, спичекъ и т. д.

Можетъ-ли Россія вытѣснить американскія и англійскія хлопчатобумажныя ткани изъ Маньчжуріи? Мы въ этомъ сомнѣваемся и вотъ по какимъ причинамъ. Благодаря покровительственной системѣ, которой придерживается Россія, у насъ удорожается производство всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и хлопчатобумажныхъ тканей. Въ Россіи дорогъ не только хлопокъ, изъ котораго прядется пряжа и затѣмъ вырабатываются ткани, но дорого все, что требуется бумагопрядильщикамъ, ткачамъ, красильщикамъ и т. д., какъ-то: уголь (топливо вообще), кардовые ленты, ремонтныя части, красильные и химическіе матеріалы и т. д.; въ результатѣ ткани удорожаются въ такой степени, что продавать ихъ можно лишь по высокимъ цѣнамъ, а стало быть тамъ, куда

привозы иностранныхъ тканей невозможны. Если бы въ Маньчжуріи были введены пошлины на американскія и англійскія ткани, а наши допускались бы беспошлинно, тогда дѣйствительно мы бы могли снабжать Маньчжурію нашими тканями, такъ какъ не встрѣчали бы другой конкуренціи, теперь же, при условіи *открытыхъ дверей* (одинаковыхъ пошлинъ для всѣхъ), это немыслимо, даже при возвратѣ пошлины на хлопокъ, потому что дорогъ у насъ не одинъ хлопокъ, а все, что требуется для фабрикантовъ, для производства тканей.

Кромѣ того и желѣзнодорожная перевозка изъ московскаго и лодзинскаго раіоновъ была бы значительно дороже морской, а потому о вывозахъ нашей мануфактуры по желѣзной дорогѣ въ Маньчжурію и думать нельзя. Точно то же можно сказать и относительно желѣза, которое по своей дешевизнѣ не выдерживаетъ большихъ расходовъ по перевозкѣ. Тоже самое можно сказать и относительно сахара и другихъ подобныхъ товаровъ.

Вообще, доставлять что бы то ни было изъ Европейской Россіи въ Маньчжурію невозможно, потому что у насъ нѣтъ такихъ дорогихъ товаровъ, которые бы выдерживали желѣзнодорожный тарифъ на разстояніи Челябинскъ — Маньчжурія, доставлять же отъ насъ товары моремъ въ Портъ-Артуръ или Дальній Востокъ также невозможно (за исключеніемъ одного керосина, который и раньше шелъ на Дальній Востокъ), такъ какъ для насъ въ снабженіи всѣхъ товаровъ, вслѣдствіе ихъ дороговизны, конкуренція западно-европейскихъ государствъ и Америки непосильна.

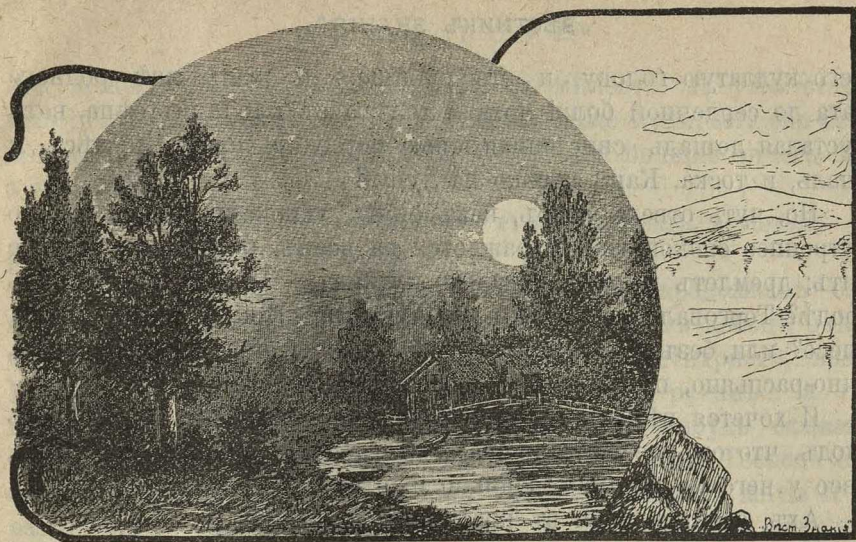
Транзитныя перевозки пассажировъ и почты изъ западно-европейскихъ государствъ черезъ Россію и по Восточно-Китайской дорогѣ въ Китай и Японію будутъ производиться, но большихъ матеріальныхъ выгодъ отъ этихъ перевозокъ ожидать нельзя. Точно также и чай, предназначенный въ Европейскую Россію, при низшей пошлинѣ, чѣмъ таковая по морской границѣ, будетъ перевозиться изъ Дальняго Востока по Восточно-Китайской ж. д., но пользы для русскаго населенія отъ этого мало, потому что раньше, когда не было дороги, пошлина по Иркутской таможнѣ была 19 р. 50 к. съ пуда, а сейчасъ, благодаря постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (Сибирской и Восточно-Китайской), пошлина возвышена до 25 р. 50 к.

Такимъ образомъ, взвѣсивъ все сказанное, мы должны прійти къ заключенію, что Восточно-Китайская ж. д. въ торговомъ отношеніи Россіи абсолютно никакой выгоды принести не можетъ.

Антонъ Радцигъ.

Г. М. Пилипенко.

Н А Ш Е Г О Р Е .

(Изъ поѣздокъ по Уссурійскому краю).

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Бузь первый тамъ.
(Некрасовъ)..

Ш.

Ночь въ деревнѣ.

Непостижимо чудно бываетъ ночью въ уссурійской деревнѣ, когда зной уступаетъ ночной прохладѣ, а звѣзды тысячами, милліонами сверкаютъ на чистомъ полуночномъ небѣ. Всплыветъ луна надъ бухтой, въ своемъ золотомъ вѣнцѣ, уснетъ, погрузившись въ молчанье, лѣсъ, и безчисленное множество свѣтящихся фосфорическимъ свѣтомъ жучковъ начнутъ туда и сюда кружиться и летать. Это не майскіе червячки, чуть-чуть мерцающіе гдѣ-нибудь въ травѣ, ползая по землѣ; нѣтъ, это своего рода воздушные свѣточки, съ богатымъ запасомъ живой силы въ самомъ себѣ. И кружатся они, и летаютъ, какъ бы любуясь другъ другомъ, освѣщая темный и задумчивый лѣсъ, и никакое искусство не въ состояніи описать этотъ праздникъ крохотныхъ существъ. Люблю я этихъ носителей живой электрической силы: они освѣщаютъ путь запоздалому путнику, носятся въ лѣсу вокругъ костра съ сидящимъ у него мужикомъ, который, свѣсивъ голову, дремлетъ надъ потухающимъ огнемъ. И видишь: и огонь, и тѣни,

и его кудлатую голову, и это рубище... и жаль мнѣ родного брата до сердечной боли! Вотъ и телѣга съ клочкомъ сѣна, вотъ и усталая лошадь свисѣвшая свою морду... и дорога, и лѣсъ, и печаль, и тоска. Какъ горько на душѣ!

Но, чуть отвелъ взоръ, какъ опять успокаиваешься, и это внутреннее спокойствіе отражается на всемъ окружающемъ; все спитъ; дремлетъ и этотъ усталый путникъ... Что дѣлалъ онъ въ городѣ? Торговалъ ли своими продуктами? Покупалъ ли плугъ, колесо? или, безъ гроша денегъ, возвращается обратно въ деревню, пьяно-распьяно, пропивъ свои послѣдніе гроши?

И хочется вѣрить, что онъ богатъ, что семью его не снѣдаетъ голодъ, что онъ не ѣстъ пьянаго хлѣба, на половину съ корой, и все у него прибыльно, обильно и сыто..

Ахъ, сколько горя въ крестьянской жизни!

И удрученный событіями дня я пришелъ въ свою хату, зажегъ деревенскій ночникъ, и отворилъ окно. Тамъ, гдѣ-то, вдали, плачетъ и страдаетъ моя одинокая мать; ждуть, пождутъ меня мои родные братья, сестры; можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ заболѣлъ или готовится перейти въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ лжи и обмана, гдѣ царство вѣчной правды, гдѣ не давить сильный слабого, а бѣдная сирота согрѣта и обласкана самимъ Богомъ...

Хочется вѣрить въ такой міръ, въ союзъ любящихъ сердецъ, въ блаженство вѣчнаго покоя и даже небытія. А ночь такъ тиха, а звѣзды такъ упоительны, и такъ много разлито счастья и покоя на самой землѣ. Кажется, каждый кустикъ проникнутъ покоемъ, счастьемъ, любовью; кажется каждая, травка обнимаетъ другъ друга; а душистые полевые цвѣты набираютъ сладкаго меда для бѣдныхъ труженицъ—пчелъ, и уссурійскій соловей тихо, нестройно, неумѣло поетъ свою пѣсню вдали. Вотъ заливъ: какъ гладко на немъ и тихо, какъ ласково глядитъ на него луна...

Я размечтался... Но, вотъ, скрипнула дверь, и ко мнѣ вошелъ старый дѣдъ. Онъ попросилъ позволенія сѣсть.

— Много у меня разныхъ думъ, — началъ онъ, помолчавъ немного и откашлявшись, — много недоумѣній, а спросить некого: кому смѣшны мои думы, кому ихъ не понять, — чудакъ старый дѣдъ... старъ, значить, и глупъ сталъ... Читалъ я много о чудесахъ святыхъ и ихъ подвигахъ. Однихъ гнали, бичевали, бросали на сѣденье львамъ и тиграмъ; другихъ сажали на колъ, варили въ маслѣ, вѣшали, били плетми и держали по тюрьмамъ... И вотъ теперь, когда ведутъ преступника, мнѣ все думается, не святой ли онъ? Вѣдь и тогда, въ тѣ времена, думали, что гонятъ преступниковъ, порочныхъ людей... а, смотри, между преступниками распяли и Господа Бога! Что бы это значило?

— По нашему, по мужицкому положенію и понятію: вся-

кій человѣкъ — человѣкъ и достоинъ милости. Я уже старъ, мнѣ долго не жить. Я не хочу обидѣть даже мухи, хотя она меня иногда и кусаетъ. Я отмахну ее рукой — и больше ничего. Ну, а человѣкъ?..

Онъ замолчалъ. Я не вполне его понималъ, а потому не рѣшался ему на это отвѣтить.

— А вотъ еще насчетъ кончины міра,—продолжалъ онъ, немного погодя.—Всѣ ученые пишутъ, что будетъ конецъ свѣта, и что на свѣтѣ уже давнымъ давно живетъ антихристъ, врагъ Господа Бога, и даже ходили такія книжки по рукамъ... а гдѣ конецъ свѣта? развѣ объ этомъ Господь кому-нибудь скажетъ? Эта тайна Его. Да, тайна! Потому тайна, что самъ Господь сказалъ: „не будете знать ни дня, ни часа, ни минуты, когда Я къ вамъ приду. Какъ тать въ нощи!“ А лже-пророки, значить, пускаютъ разныя слухи: тамъ конецъ свѣта, здѣсь конецъ свѣта; а гдѣ онъ кончится—Господь его знаетъ!..

— Вотъ, многіе изъ богачей, начитавшись этихъ книжекъ, стали продавать скотину, скарбъ, дома; а не сообразили, что тогда денегъ будетъ не нужно; что Господа за деньги не купить, и Онъ взыщеть за грѣхи людей.

— А еще, вотъ, староста нашъ засадилъ двухъ поселенцевъ въ холодную. Они, голубята, мучились на каторгѣ, отбыли свой срокъ наказанія и приписались въ деревню, — потому, значить, что житѣ имъ на родинѣ воспрещено. А староста, вотъ, ихъ притѣсняетъ и всячески морочить, ни за что, ни про что сажаетъ.. Школа, къ примѣру, стоитъ, безъ крыши, а холодная есть... о семи, значить, замкахъ... Да... Хорошо еще, что у насъ писарь былъ хорошій, много добра сдѣлалъ.

— Ты говоришь: былъ,—развѣ теперь его нѣтъ?

— Нѣту, уѣхалъ... Онъ былъ человѣкъ справедливый, училъ нашихъ дѣтей. Платы большой не бралъ: по рублю за зиму съ мальчика, и 50 копѣекъ съ дѣвочки. Многіе стали читать, писать. Приписалъ намъ рѣку Песчанку, сѣнокосы; далъ другого попа... а то у насъ хоронили людей безъ поа. Ну, вотъ, составили разговоръ, и дѣлу конецъ. Все—писарь. Молодецъ былъ.

— Ты говоришь насчетъ рѣки: какъ это онъ ее приписалъ?

— Очень просто. Видите, сначала въ Угловой появилась одна хата (такъ вѣдь Господь творилъ и міръ), ну, появилась хата, потомъ другая и т. д. Люди все селились самые отчаянные; пошла война чисто Каинова отродья, что ни день—разбой, и все на большой дорогѣ. Тамъ оберутъ манзу, тамъ подстрѣлятъ корейца, а то, просто, своего крещенаго брата. Это было время тяжелое, смутное для деревни Угловой. Тутъ всѣ концы прятали въ воду. Тутъ недалеко и Красный Мысъ, который называютъ еще кровавымъ.

Тамъ въ яму сажали людей и держали ихъ въ водѣ, въ лютую зиму. Говорятъ, самъ сатана мучилъ людей. Будто, слетались туда вѣдьмы и справляли свой шабашъ. Богъ его знаетъ, что тамъ было, только это было давно. Меня еще въ Угловой не было.

— Ты насчетъ рѣки хотѣлъ что-то сказать?

— Да, такъ вотъ... не къ ночи будь сказано... я больше туда ни шагу. Бабы тоже обходятъ это проклятое мѣсто, хотя тамъ уже возвели разныя постройки, настроили заводовъ и прочее. Новоселы-то, которые селились въ Угловой, имѣли въ виду рѣку, съ прѣсной водой. Скотинку поить, самому напиться и въ жару покупаться. Деревня безъ воды не можетъ жить. Такъ, вотъ, пріѣхалъ какъ-то областной чиновникъ, купался разъ - другой, и полюбилась ему эта мѣстность. Трава высокая, рѣка; отчего же и не завладѣть землей? И завладѣлъ.

„Вы, говоритъ, роите себѣ колодезь, а на рѣку скоть не пускайте. Земля моя!“

Тутъ онъ за рѣкой сейчасъ построилъ дачу (теперь ея уже нѣтъ, сгорѣла) и поставилъ сторожа.

Повѣсили наши новоселы головушки: стали рыть колодезь. Ркоутъ, ркоутъ, а воды все нѣтъ. Перерыли всю деревню и, наконецъ, возлѣ Откидыча хаты и вырыли колодезь. Появилась вода. Колодезь-то одинъ и воды мало; стали по ночамъ изъ рѣки воровать воду. Вотъ, придетъ ночь, проберешься какъ-нибудь въ кустикъ и хвать ведромъ воды. Траву тоже этому чиновнику мяти и тайно косили.

Онъ насъ къ штрафу; мы на него жалобы, приговоры... а дѣло все подъ сукно.

Такъ маялись мы до пріѣзда новаго писаря. Тотъ, какъ составилъ приговоръ, какъ написалъ—и шестьсотъ сажень и отвалило къ намъ.

— А остальное?

— Это уже казенное, не наше—намъ чужого не надо. Дѣдъ кашлянулъ себѣ въ руку, посмотрѣлъ на меня своими добрыми, старческими глазами и опять заговорилъ.

— Теперь у насъ, слава Богу, сѣнокосы... Большая трава! Нечего жаловаться... А все-таки не то, что на родинѣ... косить... Вотъ, какъ я былъ помоложе... Кашивали когда травку?

— Приходилось...

— Славная работа!—сказалъ старикъ, оживляясь, — люблю, когда подъ косою трава валится, и волна травы, съ душистыми цвѣтами, вырастаетъ вмигъ... Шумитъ трава, звенитъ коса, а рукой только водишь, да водишь, прибавляя шагъ за шагомъ. И пахнетъ кругомъ тебя душицей, шалфеемъ, полынью, крапивой; тамъ лопухомъ тебя обдастъ, и боярышникъ, и папороть, и дикий,

макъ... Сколько всякихъ цвѣтовъ и всякой травы! Потомъ, значить, солнышкомъ все это высушить, прогрѣть; пошевелишь все это граблями, вилами, а то просто руками... ну, и запахомъ сѣна такъ тебя и охватить. Хочется лечь въ это сѣно, растянуться на мягкомъ коврѣ и заснуть послѣ крестьянскаго труда...

Одушевленіе старика-поэта передалось и мнѣ. Я слушалъ его и погружался въ воспоминанія о томъ времени, когда я былъ ближе къ народу, къ природѣ... Какое-то пріятное чувство охватило меня, и я слушалъ старика, точно во снѣ. А онъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вотъ, въ Полтавской губерніи, тамъ сѣяли конюшину. Бывало скосишь эту конюшину, а тамъ еще отава, вторая вырастетъ. Ну, а тутъ море травы, по самый поясъ. Только всякихъ гадовъ сколько угодно, такъ и смотри подъ ноги. Да, къ тому же жарко, душно, всякій гнусъ тебя ѣстъ. Приходится много страдать.

— А сѣно у васъ хорошее?

— Нѣтъ, тутъ не такое: тутъ нѣтъ того запаха. Скотинка ѣстъ, да не то молоко, не та сметана. А масло прямо сколотить трудно... Да Богъ миловалъ: у насъ ни одной коровенки. Была одна, да и ту за долги забрали и увели.

— А молоко для дѣтокъ откуда вы получаете?

— Отъ Терентія Ивановича. Все отъ него. Онъ и всякую муку намъ сбываетъ и молоко даетъ. Оксана ходитъ доить ему коровъ: въ работницахъ живетъ. Что дѣлать, — надо какъ-нибудь кормиться?

— Да, грустно...

— Охъ, и не говорите, — сказалъ дѣдъ, — не только грусть, а прямо нужда насъ заѣдаетъ. Хорошо, вы пріѣхали да дали впередъ нѣсколько рублей... вотъ и молочко, и хлѣбъ... А бываетъ... — Онъ остановился и махнулъ рукой.

— Что бываетъ?

— Бываетъ, что просто сидимъ голодные. И дѣти наши голодають. Вѣрите ли: пришла святая Пасха, а у насъ ни яичка, ни кусочка сыра, просто Великій постъ. Намъ-то старикамъ еще какъ-нибудь; все — равно умирать придется; а дѣткамъ-то, какъ имъ на Пасху безъ красного яичка, а? Все скупають, все за границу, обнищала деревня; а наши дѣти сидятъ безъ яйца, безъ хлѣба. Душа разрывается на части. Зажегъ это я лампочку, сталъ на колѣни и давай предъ Господомъ Богомъ слезы лить. Рѣдко я плачу, а тутъ не выдержалъ, заплакалъ... Заплакала и Оксана, сталъ плакать Иванъ; а дѣточки себѣ посмотрѣли, да и давай тоже плакать. А тамъ люди христосуются, цѣлуются, обнимають другъ друга. „Э, надумался я, будетъ намъ плакать; пойду къ Те-

рентію Ивановичу и поздравлю его съ праздникомъ, авось подарить для дѣтей по яичку“. Всталъ и пошелъ. Прихожу, Терентій Ивановичъ въ черномъ сюртукѣ, съ бѣлымъ галстукомъ... Манишка... На лицѣ улыбка. Столы такъ и валяются отъ яствъ и напитковъ. Тутъ сынъ его, невѣстка... тамъ еще самъ приставъ, еще какой-то гость. Лицо вотъ этакое, какъ мокотра... „Ну, думаю, теперь одарятъ меня. Христосъ воскресъ, Терентій Ивановичъ!“

— Во истину воскресе, во истину воскресе! — отвѣтилъ Терентій Ивановичъ. Приставъ ко мнѣ:—ну, дѣдушка, не желаешь ли рюмочку водки?

— Нѣтъ ужъ, ваше благородіе, я того... пересталъ пить; нельзя ли по яичку для внуковъ моихъ. Дѣтки у меня плачутъ.

А Терентій Ивановичъ подхватилъ:

— Вретъ, Ей Богу вретъ, онъ и водку пьетъ и яйца имѣетъ. Хотя, господинъ приставъ, куры теперь и сдыхаютъ, плохо несутся, но яйца еще есть. Не вѣрьте ему!

Тутъ я повернулся и сталъ уходить. А приставъ въ догонку:

— Дѣдушка, дѣдушка, погоди, я тебѣ дамъ яйцо! — И подаль мнѣ вотъ этакій огрызокъ, меньше половины яйца; взялъ я этотъ огрызокъ и понесъ своимъ внучатамъ...

Тутъ дѣдъ запнулся, тяжело вздохнулъ, протеръ глаза и продолжалъ.

— И пришелъ я къ внучатамъ. Дѣтки, что голубята: „дѣдъ, дѣдъ несетъ намъ по яичку!“ А у меня всего огрызокъ... Взяла Оксана этотъ огрызокъ, раскроила на часточки и дала моимъ внучатамъ. А сами то мы, такъ и не разговѣлись...

Онъ едва договорилъ и повѣсилъ голову.

Я заглянулъ въ окно. Луна еще стояла высоко, и въ деревнѣ было тихо. Тамъ, далеко, стояла чья-то изба, съ нѣсколькими деревьями. И отъ избы, и отъ деревьевъ падали тѣни на улицу. А по улицѣ ходили деревенскія красавицы и тихо пѣли про удалого Яшку и обиженную имъ дѣвицу.

До меня доносились отдѣльныя слова и строфы этой дружной пѣсни, которую я уже слышалъ и раньше. Конецъ ея:

Мсяцъ тихо свѣтилъ надъ садами;

Соловей заливался вдали...

А подружки—рядами, рядами,

Все шли по деревнѣ, да шли...

—вполнѣ гармонировалъ съ окружающею обстановкой.

Я заслушался этой пѣсни. Она унесла меня въ богатую образами и красками Русь. Сколько въ нашемъ народѣ есть самороднаго и величаваго, какіе богатыри. Вся русская пѣсня проникнута этими могучими образами; но, грусть, эта народная тоска, такъ и сквозить въ каждомъ словѣ. То любовь, то разлука съ ми-

лымъ, то неутѣшное горе бѣдняка, и, главнымъ образомъ, на первый планъ выступаетъ женская доля. Въ сущности нѣтъ тяжелѣе доли нашей русской женщины. Она у насъ все. Она колышетъ и рождаетъ дѣтей, она ходитъ за плугомъ, боронитъ, гребетъ сѣно и ходитъ на поденныя работы. А сколько молодыхъ дѣвицъ, еще не окрѣпшихъ въ своихъ силахъ, надрываются на желѣзныхъ дорогахъ, въ переноскѣ шпаль, въ подбивкѣ путей... Да, у насъ женщина — рабыня. Она одна выноситъ на своихъ плечахъ всю нашу неприглядную, тяжелую жизнь. Когда, наконецъ, поймутъ люди, что женщина—мать, и что ее надо хранить, какъ священный сосудъ!

— Дѣдушка! дѣдушка!—послышался чей-то голосъ.

— А? Что?

— Пора спать,—сказала Оксана, отворивъ двери.

— Что-жъ, коли пора, то пора,—отвѣтилъ равнодушно дѣдъ.— А я вотъ слушалъ, какъ поютъ наши дѣвицы, и такъ заслушался, что даже задремалъ. Онъ всталъ, заглянулъ въ окно и направился къ двери, сказавъ на ходу:

— Спокойной вамъ ночи!

По уходѣ дѣда, мнѣ стало какъ-то скучно, на душѣ было тяжело, клонило ко сну,—и скоро, лежа на кровати, я погрузился въ какое-то непонятное полузабытье. Мнѣ чудилось лицо этого усталого дѣда, его малопонятныя рѣчи. Мнѣ снилось много: это была цѣлая цѣпь сновъ, какой-то кошмаръ. Я видѣлъ усталыя лица крестьянскихъ женщинъ, я чувствовалъ жгучую боль въ своей груди, и слезы, и смѣхъ, и иронію; и вся житейская драма, казалось, проходила мимо меня. Я застоналъ...

— Вставайте! вставайте!—будить кто-то меня рукой. Онъ тормошилъ меня сильно.

Я открылъ глаза. Надо мною было изрытое морщинами лицо дѣда, который тормошилъ меня своими мозолистыми руками. Сѣдые, какъ серебро, волосы, обрамляли это кроткое лицо. На немъ были зипунъ, весь въ заплаткахъ, и такіе же шаровары, а на ногахъ старые опорки,—какіе-то обрѣзки отъ сапоговъ. Ноги были закутаны въ онучи и обвязаны веревками. Онъ держалъ въ рукахъ кисеть съ махоркой. Этотъ кисеть до того былъ старъ, что даже махорка сыпалась изъ него.

Точно такія же лица я видѣлъ во снѣ, и такую же бѣдность и такое же горе, и мнѣ сдѣлалось страшно, что это самое я вижу на яву.

Дѣдъ сѣлъ возлѣ меня и попросилъ позволенія закурить.

— Намъ, пояснилъ онъ,—не курить ужъ больно моркотно... Порой, вотъ, какъ накуришься до тошноты—сонъ сейчасъ и клонить, во снѣ все-же лучше... Забылся—и все. Вамъ снятся скверные сны?

— Бываетъ.

— А мнѣ очень часто. То хоронятъ какого-нибудь покойника, то порютъ розгами гдѣ-нибудь на сходкѣ, въ волостномъ правленіи; то... Э, да всего не перескажешь. Наши сны такіе, какъ и наша жизнь. Все, что видишь, чувствуешь, осязаешь,—все такъ и снится. Иной разъ побываешь на родинѣ: кавуны, баштанъ, подсолнухи. Все цвѣтеть. Тутъ дѣти, дудучка, кувшинъ со сметаной или кислымъ молокомъ; какой-нибудь улей съ медомъ... пчела... а потомъ опять чепуха.

— Глѣбъ Успенскій, дѣдушка, отъ этой „чепухи“ помѣшался. Изъ мелочей да чепухи весь міръ состоитъ.

— Э, кто это Успенскій?

— Писатель былъ такой.

— Писатель?

— Да.

— И про народъ писалъ?

— Писалъ.

— Ну, и что онъ писалъ? Прописалъ онъ нашу Угловую?

— Нѣтъ, не дожилъ... умеръ...

— Умеръ! вотъ оно что!

— Да, умеръ.

— Умремъ и мы. Не стоитъ на этомъ свѣтѣ жить. Нѣтъ тутъ правды. Правда умерла. Я живу только для внучать. Жаль мнѣ моихъ малышей. И то, сказать, подумаешь: вѣдь грѣхъ на себя руки накладывать! Не годится этого дѣлать нашему брату. У насъ крестъ на шеѣ: терпи—и все!

Мнѣ стало жаль старика, хотѣлось сказать слово утѣшенія, поддержать его духъ, и я сталъ ему говорить про свою собственную жизнь, про жизнь великихъ и малыхъ людей, про то, что мы видимъ и слышимъ, но не хотимъ понять. Я набросалъ въ краткихъ чертахъ біографію Некрасова, Достоевскаго, Пушкина, Гоголя; сказалъ нѣсколько словъ про современныхъ народныхъ писателей и старался убѣдить его въ томъ, что для каждой въ отдѣльности личности (къ какому бы сословію она ни принадлежала)—жизнь есть своего рода бремя. Но люди такъ или иначе жили и живутъ. Богатый страдаетъ отъ богатства, бѣдный отъ бѣдности, и все же счастливы только тотъ, кто живетъ съ Богомъ и возноситъ свою душу къ горнымъ высотамъ.

И дѣдъ слушалъ.

— Да. Вы вѣрно говорите, — сказалъ онъ. — Дѣйствительно, тамъ наше житье. У Бога міровъ много. Я читалъ одну книгу, гдѣ говорится: „много тамъ міровъ и нѣтъ конца нашей жизни“. А, отчего, скажите, нѣтъ счастья на нашей землѣ?

— Счастье, дѣдушка, условная вещь: одинъ счастливъ отъ

любви къ женщинамъ, другой отъ разврата, третій отъ вкусныхъ блюдъ; а иной довольствуется и кускомъ чернаго хлѣба. Но, кромѣ питанія, человѣкъ такъ устроенъ, что онъ еще нуждается и въ духовной пищѣ. Человѣкъ жаждетъ слова, проникнутаго мудростью, чувствомъ, полетомъ воображенія. И въ этомъ хлѣбѣ у насъ ощущается большой недостатокъ. Только тотъ, кто живетъ *знаніемъ*, можетъ быть счастливъ. Невѣжество же, темнота, это гибель человѣка. Тутъ уже мѣсто суевѣрію, обману, клеветѣ, и, на мѣсто разума и чувства, выплываютъ грубыя ошибки отъ нашихъ дѣлъ и смутныхъ понятій, а отъ этихъ причинъ страдаетъ не только человѣкъ, въ отдѣльности, но и все человѣчество.

Только путемъ образованія и науки мы станемъ людьми.

— Да, да,—тихонько повторялъ дѣдъ, кивая головой. — И я тоже думаю, только у меня это не такъ гладко выходитъ. Вся сила, значитъ, въ школѣ?

— Нѣтъ, въ жизни. Школа лишь помогаетъ понимать эту жизнь. Но бѣда въ томъ, что наша школа еще недоступна для народа, а вѣдь первый-то основатель академіи былъ Ломоносовъ, поэтъ изъ народа. И, въ силу этого, талантливымъ людямъ, приходится идти окольными путями. Имъ надо заниматься самообразованіемъ. Это очень трудно, конечно, но каждый обязанъ идти по этому тяжелому пути и вести за собой другихъ...

— Эхъ, какъ вы это хорошо... Такъ бы, кажется, и слушалъ васъ всегда. Вотъ бы вы моихъ внучатъ немного поучили... Я бы и самъ ихъ малость научилъ, да слѣпъ сталъ...

— А азбука есть?

— Нѣтъ.

— Ну, какъ же я буду учить твоихъ дѣтей?

— Азбучку можно будетъ купить во Владивостокѣ.

Я объяснилъ старику, что, при всемъ желаніи учить его внучатъ, я не имѣю права, такъ какъ у меня нѣтъ учительскаго званія, диплома; къ тому же, оставаясь въ Угловой на короткій срокъ, я, все-равно не выполню своей учительской роли.

— Какая тутъ роль!—воскликнулъ дѣдъ;—у насъ, вотъ, какой-то штрафованный солдатъ учить дѣтей—и то исполняетъ безъ всякой роли. Тутъ диплома не требуется. Есть пачпортъ—хорошо; а нѣтъ—не бѣда... Хотя теперь только тѣ и честные, у кого пачпортъ въ карманѣ. Ну, а утерять этотъ „пачпортъ“ и пошлуть этапомъ, подъ конвоемъ. А вотъ, Терентій Ивановичъ, бѣглый, безъ „пачпорта“, а приставъ съ нимъ цѣлуется и христосуется.

— Ну, что же, дѣло хорошее.

— Да, конечно, хорошо. Да чего этотъ „поцѣлуй“ стоитъ Терентію Ивановичу? То быка, то корову, то убойнаго мяса,—все претъ ему. Деньги, говорить...

— Да что же это вы чай не идете кушать!—вдругъ раздался голосъ за стѣною.

Я давно уже былъ одѣтъ. Слышался дѣтскій крикъ. Дѣти играли съ кошкой. Иванъ молился Богу. Оксана мыла посуду и стучала тарелками. Солнышко ослѣпительно сіяло на небесахъ, а на дворѣ было еще прохладно. Гдѣ-то пѣлъ пѣтухъ, кудахтала курица, и деревенская свинья хрюкала возлѣ забора. Началось утро въ деревнѣ.

IV.

Каторжный.

Два дня я провель въ деревнѣ безъ всякаго дѣла,—читать книги, слушалъ деревенскія сплетни и пилъ молоко. Я успѣлъ уже познакомиться съ Терентіемъ Ивановичемъ, его сыномъ и не-вѣсткой. Жена его жила въ городѣ и деревни не любила. Она не любила и своего Терентія. У ней были квартиранты все люди молодые, а дочка имѣла тяготѣніе къ владивостокскому „высшему свѣту“, который могъ быть ей открытъ благодаря мужу, отставному офицеру. Старшій сынъ Терентія какимъ-то домашнимъ образомъ изучилъ восточные языки и былъ переводчикомъ при полиціи. Онъ переводилъ на русскій языкъ простонародную рѣчь японцевъ, корейцевъ и китайцевъ. Но, какъ-то выпивъ въ ресторанѣ кружку пива, отошелъ въ вѣчность. Въ деревнѣ говорили по этому поводу, что его отравили инородцы за слишкомъ усердную сыскную способность.

Какъ бы то ни было, но со смертью этого сына самъ Терентій лишился крѣпкой опоры. А тутъ еще умеръ зять-офицеръ, между дѣломъ занимавшійся и адвокатурой, и послѣдняя опора у старика рухнула. Вотъ тогда-то и начались подкопы со стороны писаря и старосты. Терентій привыкъ взятки давать за „свое житье-бытье“, но людямъ сильнымъ, а не мелкой твари, какому-нибудь деревенскому писарю. И тутъ онъ не выдержалъ. „Нѣтъ, знаю я, чего вамъ хочется; вамъ не „каторжный“ нуженъ, а мои деньги... Довольно, будетъ... и такъ много пороздалъ. Я теперь старъ, силы упали, пожилъ и свѣта повидалъ. Можете и кандалы надѣвать“. И уперся онъ, какъ быкъ ногами, замоталъ головой и крикнулъ: „Сожгу, все сожгу: и домъ, и постройки, и всю деревню! Все до тла, все до чиста; только одни поля останутся!“ Даже сынъ его, который въ это время, по привычкѣ, колотилъ свою жену, встрепенулся и сталъ прислушиваться. „Отецъ расходился у насъ вниз; надо пойти узнать, что онъ дѣлаетъ!“

И онъ спустился внизъ со своего второго этажа и прило-

жилъ ухо къ дверямъ. А Терентій Ивановичъ все злился и бушевалъ. „Ничего не дамъ! ни гроша!... Отравлюсь, повѣшусь, но не дамъ“!

— Отецъ, отецъ, отвори!

— Что? кто?—встрепенулся Терентій Ивановичъ.

— Это я...

— Ахъ, чтобъ тебя... эка испугалъ! я думалъ, что это приставъ. И надоѣли же мнѣ этотъ приставъ, писарь, староста. Будь они прокляты!

— Тише, тише... чего такъ кипятиться?

— Да, тише... тише... какое тутъ тише, когда кругомъ тебя подсматриваютъ. Вотъ ты, говоришь, пріѣхалъ опять какой-то сыщикъ (рѣчь шла обо мнѣ). Ты ходилъ по деревнѣ? узнавалъ? Кто онъ такой? Откуда взялся? Какія его намѣренія?

— Ничего неизвѣстно.

— И такъ-таки ты ничего и не узналъ?

— Ничего.

— Вотъ оно, что значитъ потерять сына! настоящего сына... Когда жилъ Андрюшка, ко мнѣ никто не смѣлъ носа сунуть. Онъ бы такого господина сейчасъ узналъ: кто онъ и что онъ есть; а ты что? блоха! вошь пакостная! Не надѣлилъ тебя Господь разумомъ и волей... пошелъ вонъ съ моихъ глазъ! Пошелъ! — Оставь меня одного! Я самъ узнаю, кто онъ... Я все узнаю.

И онъ напялилъ на себя свой праздничный костюмъ, достаточно уже поистертый, напوماдилъ волосы лампаднымъ масломъ и отправился по деревнѣ. На душѣ у него было неспокойно, но онъ показывалъ видъ, что вышелъ погулять. Онъ заглянулъ въ одинъ дворъ, въ другой, понюхалъ носомъ какой-то пучокъ травы, висѣвшій на заборѣ у одного новосела, и, узнавъ доброкачественность этого деревенскаго чая, подошелъ ко мнѣ.

Я сидѣлъ на завалинкѣ и любовался игрою дѣтей Ивана.

— Позвольте представиться: Терентій Ивановичъ Ивановъ

Онъ сѣлъ со мною рядомъ на завалинкѣ и окинулъ меня своимъ пронзительнымъ, острымъ взглядомъ. Это былъ, въ сущности, плюгавенькій человѣчекъ, съ большою лысиной и кроткимъ лицомъ. Нельзя было даже подумать, чтобы въ этомъ стоячемъ болотѣ могли водиться черти. И онъ заговорилъ.

— На дачу пріѣхали, или по какому-нибудь дѣлу?

— Да, проѣздомъ.

— А мнѣ говорили, что вы остаетесь здѣсь на лѣто. Значитъ, они всѣ врутъ?

— Да, вѣроятно.

— Изъ Владивостока пріѣхали?

— Да.

— А раньше гдѣ изволили быть?
Я ему сказалъ.

Онъ повѣсилъ свою голову, подумалъ и опять заговорилъ:

— Вы знаете, гдѣ я живу?

— Да, знаю. Мнѣ о васъ говорили.

— Что обо мнѣ говорили?—съ испугомъ произнесъ Терентій Ивановичъ.

— Указали, гдѣ вы живете...

— А! это другое дѣло! Я живу, милостивый государь, недалеко; не хотите ли заглянуть ко мнѣ? Вѣдь въ деревнѣ скука!

— Нѣтъ, напротивъ, я только и отдыхаю душой въ деревнѣ.

— Да, конечно... здѣсь воздухъ, ягода, всякій грибокъ. Въ городѣ не то. Вотъ груздей здѣсь настоящихъ нѣтъ. Есть, но не то, не тотъ вкусъ. Я, положимъ, не разборчивъ: ѣмъ все. Попадетъ масленикъ, мухоморъ... все ѣмъ. И ничего: здоровъ... А опенки, да подосиновики—это самые лучшіе грибы! Сварить съ картошкой или поджарить на постномъ маслѣ; ну, куда тамъ всякіе консервы или паштетъ. Просто, дрянъ противъ этого!...

Онъ говорилъ о всякихъ пустякахъ, о своемъ хозяйствѣ, о дѣлахъ, которыя имѣлъ въ судѣ по разнымъ случаямъ, но, видимо, его не покидала мысль какъ-нибудь узнать, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, дѣйствительно ли у меня не было никакихъ намѣреній выслѣживать его. Я незамѣтно присматривался къ нему. Ничего въ немъ не было такого, что бы указывало на его прошлое, напротивъ, онъ мнѣ казался даже смѣшнымъ и забавнымъ. Въ его фигурѣ, нѣсколько напоминавшей деревенскаго дьячка, было не мало комичнаго. Я невольно сравнивалъ этого бывшего каторжнаго, а теперь деревенскаго міроѣда, съ другимъ мѣстнымъ кулакомъ, знакомымъ уже вамъ Савеліемъ Максимовичемъ, и ничего не могъ найти въ нихъ общаго, несмотря на однородность ихъ дѣятельности.

— Вы бываете у Савелія Максимовича?—спросилъ я, наконецъ, желая услышать отъ него характеристику его соперника.

Терентій Ивановичъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ и даже нѣсколько подозрительно: ему очевидно, пришло въ голову, не насмѣхаюсь ли я надъ нимъ.

— А вы уже знакомы съ этимъ прохвостомъ?

— Да, знакомъ.

— Гдѣ-же вы успѣли съ нимъ познакомиться?

— Случайно, на дорогѣ... Я ѣхалъ, онъ охотился...

— Ахъ, онъ, подлецъ! Такъ онъ васъ, вѣроятно, поджидаль тамъ? И что же онъ говорилъ вамъ?

— Ничего. Вѣдь это дѣло не мое... Ваше. Я въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться.

— А-а! видно, вы человекъ порядочный и честный; только, не дай вамъ Богъ имѣть дѣло съ этимъ харчевникомъ. Это просто живодеръ, нехристь! Всякій паршивый жидъ лучше этого человека! Онъ, видите, распустилъ на всю деревню слухъ, что я воръ, каторжникъ, кулакъ и прочее, а посмотрите чѣмъ занимается онъ? Вся деревня въ его кулакѣ, всѣхъ поголовно спаиваетъ. Кто принесетъ горшокъ — давай сюда; кто яйцо — тоже тащить въ чуланъ. Это мародеръ, настоящий мародеръ!

Терентій Ивановичъ возбужденно махалъ руками, тряся всѣмъ тѣломъ и дошелъ до того, что плюнулъ въ пространство, какъ будто передъ нимъ стоялъ самъ Савелій Максимовичъ. Но, отпустивъ нѣсколько площадныхъ ругательствъ по адресу послѣдняго, онъ, вдругъ, опомнился, и ему какъ-будто стало стыдно.

— Простите, пожалуйста, что я такъ выругался. Но онъ мнѣ столько насолил, что я не могу слышать его имени спокойно. Вѣдь онъ хотѣлъ разбить даже всю мою семейную жизнь... Я вамъ, вотъ, расскажу... Приѣзжайте ко мнѣ. Я пришло за вами сына. Онъ васъ привезетъ. Ладно?

— Хорошо. Только я сегодня буду занятъ, надо писать... Впрочемъ, здѣсь недалеко, я и самъ какъ-нибудь заверну.

— Нѣтъ, не „какъ-нибудь“, а прямо ко мнѣ. Вамъ первое мѣсто!

— Это почему же такъ?

— Ужъ больно вы мнѣ понравились; такихъ людей мало!

Онъ хотѣлъ еще мнѣ польстить, выразить свое душевное расположеніе, но тутъ — раздался гдѣ-то выстрѣлъ, затѣмъ другой, третій... и пошли стрѣлять.

— Эге, это опять охотники: опять забрались на мою займку. Надо ихъ подкараулить. Прощайте! Я буду васъ ждать, Терентій Ивановичъ быстро поднялся съ завалинки и пошелъ отдавать какія-то приказанія. Онъ на ходу еще снялъ мнѣ свой бѣлый картузь и скрылся за хатами.

Солнышко перешло за полдень; въ воздухъ пахло сѣномъ; и гдѣ-то куковала кукушка. До вечера было еще далеко.

Я всталъ, пробрался въ свою камнату и усѣлся возлѣ маленькаго столика, собираясь писать. Въ оконной рамѣ бились мухи, онѣ летали и ползали по стекламъ, воображая, что имѣютъ дѣло съ воздухомъ и свободой... Я отворилъ окно, выпустилъ ихъ на дворъ и принялся писать... Уже начало свѣтать, когда я кончилъ работу и легъ спать.

Было уже поздно, когда я проснулся, разбуженный стукомъ подъѣхавшаго экипажа. За окномъ кто-то возился. „Да стой же ты окаянная, куда прешься!“ раздался чей-то голосъ. Затѣмъ, послышался свистъ кнута. „Назадъ!“ „Тпру!“

Я вспомнилъ, что далъ обѣщаніе посѣтить Терентія Ивановича, и сталъ быстро одѣваться.

Въ двери раздался стукъ. Я отворилъ. Предо мною появился молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ жидкими усами и такой же жидкой бородкой. Кое-гдѣ, вмѣсто бакенбардъ, торчали два-три рыжихъ волоса въ перемежку съ черными, и все лицо было изрыто оспою. Маленькіе глаза его бѣгали съ предмета на предметъ. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то сѣрую, запачканную куртку и держалъ въ рукѣ кнутъ.

— Я пріѣхалъ за вами, — началъ онъ. — Отецъ прислалъ... Прощу къ намъ!

— Вы сынъ Терентія Ивановича?

— Да. Сынъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ одѣтъ, и мы покатили.

Утро было прохладное, свѣжее, здоровое. На поляхъ колыхалась трава отъ легкаго вѣтра, и въ воздухѣ тянулись паутины, какъ у насъ во время „бабьяго лѣта“. Возлѣ харчевни уже была кучка народу. Кто-то игралъ на гармоніи, слышался стукъ каблучковъ, и пьяная рожа, какъ красная луна, выглядывала изъ дверей кабака. Одинъ уже размахивалъ руками и что-то объяснялъ своимъ товарищамъ; другой остановился на дорогѣ и тупо смотрѣлъ въ землю. Какой-то рослый мужикъ, съ богатырскою грудью, въ красной рубахѣ, поднималъ кулакъ, потрясъ имъ въ воздухѣ и опять пошелъ по деревнѣ, пошатываясь и спотыкаясь на каждомъ шагу. Онъ описывалъ зигзаги, становился ракомъ, съ трудомъ подымался и опять шель, но никакъ не могъ держаться прямой дороги...

Далѣе мы встрѣтили старика, съ козлиной бородой. Онъ снялъ свой картузь, сказалъ что-то вродѣ „мм“... и пошелъ своего дорогой.

— Кто это?—спросилъ я у Якова Терентьевича.

— Это поселенецъ. Онъ не имѣетъ крова. Живетъ за милость... пробуетъ охотиться—есть у него такой старинный самопаль. Ходить цѣлый день, но никогда я не видалъ, чтобы онъ убилъ хоть утку. Всегда приходитъ съ пустыми руками. Онъ также рыболовъ, но и рыба у него не клюетъ. Старъ онъ, или дуракъ—Богъ его знаетъ!

— Чѣмъ же онъ живетъ?

— День сытъ, а два голоденъ; такъ и живетъ. У насъ этихъ переселенцевъ не мало... Рѣшились хозяйства, ну и мыкаютъ теперь горе...

Мы проѣхали два дома и опять наткнулись на сцену.

Шла какая-то старушка, съ мѣшечкомъ въ рукахъ; а за ней

стая ребятишекъ съ крикомъ: „поселка! поселка! куда идешь?“ Поселка оглянулась, погрозила имъ своимъ дряблымъ пальцемъ и свернула въ улицу.

Мы подъѣхали къ дому Терентія Ивановича, который вышелъ намъ навстрѣчу. Онъ отворилъ свои ворота и впустилъ насъ во дворъ.

Хорошо откормленная лошадка, томской породы, черной масти, крутнула своимъ хвостомъ и остановилась.

— Милости прошу!— сказалъ хозяинъ дома.

Я соскочилъ съ шарабанчика и послѣдовалъ за нимъ.

Мы стали подыматься на второй этажъ, по узкой и грязной лѣстницѣ. Я нѣсколько разъ ударился головой о какіе-то нависшіе надъ лѣстницей предметы. Тамъ висѣлъ кокорокъ копченой ветчины, тутъ болтался на веревочкѣ пузырь съ свинымъ саломъ. Воняло и помоями, и саломъ, и селедкой, и еще чѣмъ-то, о чемъ и писать неудобно.

Некультурность поразительная! Когда человѣкъ бѣденъ, когда онъ „для тепла“ живетъ со скотиной, его еще можно извинить, помня, что онъ къ тому же и невѣжественъ. Но тутъ не было оправданій. И, однако, хозяинъ даже и не замѣчалъ ничего, для него здѣсь было чисто, уютно...

Я попытался поиронизировать надъ этою чистотою, но Терентій Ивановичъ принялъ мои слова за чистую монету.

— Какъ же, какъ же... у меня все чисто. Вотъ пузырь съ саломъ, ему десять лѣтъ; а ветчинка—это старинная вещь. Я все ее копчу.

Я вошелъ въ переднюю комнату. На стѣнѣ во всю длину висѣли различнаго рода ружья, новыхъ системъ и манзовскія; были тутъ и корейскія стрѣлы, и японскія сабли...

— Пожалуйте, пожалуйста, вотъ здѣсь! Онъ указалъ мнѣ на большое кресло въ голубой комнатѣ, а самъ сѣлъ на вѣнскій стулъ возлѣ меня.

Въ смежной комнатѣ раздавался плачъ ребенка, кто-то утѣшалъ его.

Ребенокъ всхлипывалъ, потомъ опять начиналъ пищать; а какая-то женщина все говорила: „ууу, ууу... перестань!“

— У васъ и дѣти есть?—спросилъ я хозяина.

— Это внучка. Невѣстка у меня все болѣетъ, и вотъ и дѣти въ нее пошли. Тоже все болѣютъ. Не знаю, что дѣлать? Молоко парное, кажется, пьеть; мясо ѣсть; а все болѣетъ!

— Что-жъ нервы?

— Какое! она простая крестьянка; а какія у простой крестьянки могутъ быть нервы? Такъ, просто, капризничаетъ! Скажу вамъ по секрету: она, то-есть Марія, ревнуетъ моего сына; ну,

конечно, иногда и начинается непріятность, ссора, препирательство. До драки не доходитъ: ни! ни! Этого я самъ не допускаю.

— Вотъ это-то и дѣйствуетъ на нервы женщины!

— Нѣтъ... Я, вотъ, какъ колотилъ свою первую жену, что даже два мѣсяца въ больницѣ лежала, — и то поправилась, отошла и опять принялась за дѣло. А это что? — Мразь противъ моей первой жены. Она подметки ея не стоитъ. Просто, сухая тарань, треска... М—да!

Ребенокъ опять заплакалъ.

— Пищить, ну, что же, пускай пищить: мнѣ что до него? Я самъ одинъ, я самъ себѣ человѣкъ, какъ перстъ... А все же (спохватился онъ) надо насчетъ чайку сказать. Эй, Марія, чего ты тамъ возишься со своимъ пискуномъ?

Изъ комнаты слышался шорохъ и на порогъ появилась сама невѣстка. Она была блѣдна, какъ молоко, и едва стояла на ногахъ. Повидимому, когда-то она была красавицей, настоящей деревенской красавицей. Въ ея чудныхъ карихъ глазахъ было столько ума, чувства, что я сразу почувствовалъ къ ней симпатію.

— Здравствуйте!—сказала она тихимъ и кроткимъ голосомъ.

Я подаль ей руку.

Она повернулась, пошла въ другія двери и вернулась съ подносомъ въ рукахъ. Вслѣдъ за ней появилась и толстая кухарка, съ самоваромъ.

— Ты, матушка, сегодня булочекъ напекла? — спросилъ Терентій Ивановичъ.

— Какъ же, какъ же... для тебя, да чтобы не напечь,—сказала кухарка и такъ повела на него глазами, словно родная жена.

Терентій Ивановичъ усмѣхнулся. Ему понравились эти слова. Онъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Ну, ладно... ладно... давай булочки!

Терентій Ивановичъ самъ сталъ наливать чай, рѣзать и ломать булочки.

Мы стали пить чай. Къ нему были булочки, варенье, лимонъ, сливки. Видимо, такое угощеніе бывало здѣсь не часто. Хозяинъ прихлебывалъ чай вприкуску и все водилъ своимъ косымъ взглядомъ. Одинъ глазъ у него былъ на половину красный, съ порваннымъ вѣкомъ; другой вертѣлся во все стороны. Невѣстка осторожно пила чай и рабеки молчала, за то Яковъ старался за всѣхъ и быстро уничтожалъ все, что было на столѣ.

Вспотѣвъ и насытившись, онъ всталъ, взялъ „гармонь“ и отправился на балкончикъ поиграть. Балконъ былъ увитъ плющемъ, дикимъ виноградомъ и еще какой-то зеленью. Все это вило, цѣплялось другъ за друга и спадало внизъ въ видѣ фантастическихъ кружевъ. И тутъ, въ этомъ раю всякой зелени, куда засма-

триваль только небесный лучъ, да воробей щебеталь на крышѣ, раздались звуки, гармоніи, да такіе звуки, что, хоть затыкай уши и бѣги. Онъ неистово растягиваль мѣха гармоніи, ожесточенно ихъ сводилъ и разводилъ, перебирая руками по клавишамъ. Эта „гармонь“ колыхалась на его колѣняхъ, и плечевой ремень, толщиной въ подошву, едва сдерживаль порывы „чувства“. Онъ все болѣе и болѣе увлекался, неистово перебирая пальцами и растягивая мѣха, вдругъ, когда онъ рванулъ посильнѣе, какой-то басъ закричалъ и замолкъ, навѣки.

— Вотъ тебѣ и на! Самый лучший басъ пропалъ и лопнулъ! Самый чудный басъ, — говорилъ Яковъ, видимо сильно огорченный. — Онъ дасть всей музыкѣ тонъ. Нѣтъ, не буду играть! И онъ снялъ ремень, положилъ свою гармонь въ футляръ и самъ глубоко вздохнулъ.

А Терентій Ивановичъ сейчасъ объяснилъ:

— Онъ всегда такой; купишь ему гармонь въ стоцѣлковыхъ, — и гармонь готова. Вотъ и теперь: гармонь изъ Петербурга, отъ Циммермана... а уже готова, лопнула и пропала. Рветъ, рветъ... и душа долой!

— Ну, ужъ ты пошелъ! — обидѣлся Яковъ,

— Да... да... ты всегда такой!

— Ладно, ладно!

Но тутъ въ комнату вошелъ здоровенный мужикъ, въ такихъ большихъ сапогахъ и такъ обильно смазанныхъ дегтемъ, что отъ этихъ сапоговъ пошелъ, прямо, „духъ“ по всей комнатѣ. Онъ остановился въ дверяхъ, перекрестился и сказалъ:

— Добраго вечера!

— Вотъ мой отецъ, — сказала Марія, указывая на этого мужика, и сама густо покраснѣла. На ея блѣдныхъ щекахъ появился на секунду румянецъ и затѣмъ быстро погасъ, какъ гаснетъ румяная заря.

Поздоровавшись со мной, онъ сѣлъ на стулъ, положилъ свои руки на колѣни и сталъ осматривать меня съ головы до ногъ. Я всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ. На балконѣ было прохладно. Я взглянулъ на улицу. Тамъ, внизу, собрались деревенскія дѣвицы и все одна другую толкали впередъ... „Ну, чего же этотъ Яковъ не играетъ?“ „Что же онъ молчить?“ „Э, пойдемъ, будетъ намъ слушать эту гармонь!“ И онѣ, со смѣхомъ и шутками разсыпались по деревнѣ...

„Цвѣты, настоящіе цвѣты, подумалъ я, а что ихъ ожидаетъ?“ И вспомнилъ я одну дѣвицу, какъ розу чистую и прекрасную, и припомнилъ, какъ опали эти душистые лепестки, какъ увяла эта роза, причинивъ мнѣ столько горя и страданій, и мнѣ стало грустно. А тутъ, эта Марія, эта блѣдная Марія, съ чахоточнымъ

румянцемъ, съ потухшими глазами... А вотъ и деспотъ - отецъ, который торгуетъ своею дочкою... и смазные сапоги, и жирное рыло, и всякая дрянь.

— А—а! вотъ вы куды забрались; а я васъ ищу! — сказалъ Терентій Ивановичъ.

— Да, здѣсь прохладно.

— Ну, пойдемте! На столѣ уже закусочка готова. Пожалуйте! И онъ схватилъ меня за руку и потащилъ къ столу, такъ что я едва успѣвалъ идти за нимъ.

— Вы знаете, что я хочу сдѣлать со своими крестьянами?— спросилъ онъ, подставляя мнѣ кресло.

— Что?

Я хочу продать все имущество и приписаться къ мѣщанамъ во Владивостокъ; а оттуда, то-есть отъ мѣщанъ, въ граждане, а тамъ и въ дворяне... до самаго статскаго совѣтника. Вѣдь вотъ штука: я крестьянинъ и имѣю уже купеческую гильдію. Да, я купецъ!

— Ну, зачѣмъ.. сиди у насъ, — сказалъ отецъ Маріи, прикладываясь къ рюмкѣ. Онъ осушилъ уже одинъ графинчикъ съ вишневкой и взялся за лимонную.

— Нѣтъ, довольно,—куражился купецъ...—я уже не желаю быть крестьяниномъ. Довольно!

— Развѣ тебѣ худо здѣсь?

— Мнѣ вездѣ хорошо; но вотъ бѣда... кому закроешь горло, чтобы перестали обо мнѣ говорить худо? Вотъ, вчера, привязался ко мнѣ бывшій староста Ерченко. „Ты говоритъ, сколько мнѣ далъ за приписку?“ Я молчу. „Ну?“ Я опять молчу. „Каторжный! каторжный!“ и давай меня клеймить. А какой я каторжный? Я честный крестьянинъ, первѣйшій господинъ въ деревнѣ! Я... я... первый купецъ на весь Владивостокъ!

— Болтнулъ спьяна, —буркнулъ мужикъ, прикладываясь къ новой рюмочкѣ.

— Ну, посудите, какой я „каторжный?“ — обратился ко мнѣ Терентій Ивановичъ.

— Да, конечно, вы не на каторгѣ, а себя у дома.

— Конечно, дома. Это все мое: и стулья, и столы, и посуда, и явства. Даже люди и тѣ мои!

Я посмотрѣлъ на Марію: она сидѣла блѣдная, какъ смерть, и качала грудного ребенка на рукахъ.

„Вотъ кто находится въ каторгѣ“, подумалъ я и самъ задумался.

Вечерѣло. Сумерки надвигались на землю, и черезъ большое окно падали вечерніе лучи; на ковры, на мебель, на живыя лица.

Мнѣ показалось, что я нахожусь въ мягкомъ гробу, а все что окружаетъ меня, мертво и неподвижно. Вотъ трупъ заживо схороненной женщины, съ длинной косой, какъ черная змѣя, и мрачный и неподвижный скелетъ бывшей красавицы. А вотъ и дитя, уснувшее дитя, навѣки закрывшее свои голубые, какъ незабудки, глазки. Неужели и ты умерло? И, очнувшись, я увидѣлъ, что это все какъ бы проснулось и встало изъ своихъ гробовъ. Все сидѣло и думало передо мной.

Мнѣ стало грустно. Я изъявилъ желаніе покинуть этотъ домъ, сталъ прощаться. Меня оставляли посидѣть, но я уперся и добился своего.

За мной вышла Марія, которая проводила меня, спустившись по лѣстницѣ.

— Вы къ намъ зайдете?—спросила она, останавливаясь на крыльцѣ и стыдливо опуская глаза.

— Нѣтъ, не зайду.

— Почему?

— Я уѣзжаю.

— Ахъ, какъ жалъ! Вы знаете, какъ мнѣ скверно здѣсь живется, я страдаю... Онъ—каторжный, мой мужъ каторжный и всѣ мы каторжные. Посмотрите, что отъ меня осталось? Развѣ я такая была? И на глазахъ ея навернулись слезы...

Что могъ я сказать ей въ утѣшеніе?..

V.

У Г О Л Ь Н А Я .

Всю ночь шелъ дождь, и широкія хляби воды падали съ крыши. Шумѣла буря, разрывались облака и громъ потрясалъ всю нашу избенку. Сверкала молнія, шумѣли деревья, крестились суевѣрные люди... А дождь все шелъ и шелъ. Къ утру, однако, все успокоилось. Стояли по улицамъ лужи воды, и въ огородахъ все ожило. Всѣ деревенскіе шалуны, съ босыми ногами и веселыми лицами, поднявъ свои штанишки и юбочки, шлепались по водѣ. Они находили неизъяснимое удовольствіе бродить по лужамъ воды, пускать разные лодочки и кораблики, изъ древесной коры. Тутъ устраивали шлюзы, заграждали путь водѣ, возводили молы, ставили маяки... Все то, что дѣлають взрослые, тому подражаютъ и дѣти.

„Но, какъ ты зашлепался!“ говорила какая-то женщина, вѣроятно, изъ настоящихъ русскихъ бабъ; она взяла своего мальчугана на руки и потащила въ свою избу.

Тамъ, далѣе, взобравшись на горбыли, пилили корейцы.

Одинъ стоялъ наверху, другой—внизу, и слышался отдаленный, неясный звукъ большой пилы, и сверкала сталь на солнцѣ... а руки, тѣло, ноги, казалось все было привинчено къ пилѣ, и ходило, и нагибалось по капризу этой мертвой стали. Но, вотъ они остановились, перестали сыпаться опилки, перевели духъ, обтерли потъ, катившійся съ ихъ лицъ, и опять пошла скрежежать зубами эта зубатая сталь. Куча желтыхъ, смолистыхъ досокъ уже лежала возлѣ нихъ; тутъ находились и большія бревна. Ихъ будутъ еще пилить. А на бревнахъ, поджавъ подъ себя ноги, съ длинными трубками въ рукахъ, сидѣли корейцы-работники въ своихъ бѣлыхъ кафтанахъ и такого же цвѣта штанахъ, а черныя шляпы прикрывали ихъ желтыя, почти бронзовыя лица.

Они о чемъ-то говорили. На ихъ спокойныхъ, невозмутимыхъ лицахъ ничего нельзя было прочесть. Но кому неизвѣстно, сколько страданія и горя приходится переносить этимъ безотвѣтнымъ „бѣлымъ голубямъ“, какъ ихъ здѣсь называютъ. Они говорили о своихъ нуждахъ, о своемъ собственномъ горѣ: вѣдь у каждого есть своя забота...

Я невольно вспомнилъ бѣдную Марію, вѣчно въ слезахъ и страданіяхъ, и мнѣ стало тяжело. Мало ли этихъ Марій?—Пожалуй, каждый вспомнить какую-нибудь Марію. Сначала ее любили ухаживали за ней, дѣлали предложеніе, или такъ завлекали, а потомъ, наступало охлажденіе, затменіе разсудка, и человѣкъ забывалъ ту, которую недавно называлъ своимъ ангеломъ. А ангель страдалъ, мучился, терпѣлъ. И такъ всю жизнь...

— Э, да вы уже встали, — сказалъ Иванъ, войдя въ мою комнатку...—пора, пора! Вы знаете, какая штука случилась сегодня ночью у Терентія Ивановича?

— А что?

— Громъ самого лучшаго быка убилъ, прямо наповаль!

— Гдѣ?

— Прямо, на дворѣ. Вся деревня ходила смотрѣть.

— Вотъ какъ...

— Терентій Ивановичъ бѣгаетъ, кричитъ, ругаетъ Бога и громъ, а быкъ лежитъ и не двигается.

— Онъ приказалъ быка зарыть въ лѣсу. Только мнѣ не вѣрится, чтобы онъ его закопалъ. Онъ самъ его съѣстъ... право съѣстъ!

И тутъ Иванъ присѣлъ на табуретку, рассказалъ, какъ онъ парился въ банѣ, какъ почувствовалъ въ бокахъ легче, и наговорилъ разной чепухи.

Онъ открылъ мнѣ, что Яковъ вовсе не женатъ на бѣдной Маріи, а что онъ соблазнилъ ее домомъ, усадьбой и пятью тысячами денегъ. Затѣмъ, послѣ перваго ребенка, который умеръ,

ей прочли какую-то бумагу, въ которой сказано: „оставляю тебѣ домъ, постройки, скоть и пять тысячъ денегъ“, а тамъ, въ этой бумагѣ просто чепуха написана...

— Развѣ Марія неграмотна?

— То-то и воно, что она не знаетъ ничего, а женщина отъ природы умная и толковая!

— Э! вы это куда?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что я взялъ шапку.

— На Угольную...

— А-а! Ну, счастливаго вамъ пути...

Угольная была верстахъ въ трехъ отъ Угловой. Возлѣ Угольной, внизу, проходилъ поѣздъ. Его шумъ и свистки я слышалъ еще въ лѣсу, черезъ который шла дорога. Мнѣ повстрѣчался одинъ изъ крестьянъ деревни Угловой. Онъ несъ за плечами пучекъ березовыхъ вѣтвей, которыхъ нарѣзали для вѣшниковъ, а то, пожалуй, и по случаю надвигающагося праздника Ивана Купалы, который одинаково чтутъ и великороссы, и малороссы.

— Вы на Угольную идете?—спросилъ меня крестьянинъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Гм! тамъ манзы вчера чуть было не убили нашего англичанина; былъ настоящий бунтъ. Ну, значитъ, пришли желѣзнодорожные солдаты, осмотрѣли манзиковъ, порылись въ ихъ мѣшкахъ... и никакого оружія не оказалось. Ножи нашли; да это вещь домашняя: хлѣбъ надо рѣзать и все такое!

— И что же, умирили?

— Да что ихъ умирать? Я самъ всѣхъ повяжу за косы и потащу куда угодно! Безильный народъ! Куда имъ до насъ! Онъ спустил съ плечъ вязанку вѣтвей и поставилъ на землю. Я присѣлъ на срубленный пенъ. Кругомъ было тихо. Послѣ дождя свѣжо и прохладно. На кустахъ и деревьяхъ дрожали еще крупныя капли дождевой росы.

— Ну, какъ вы хозяйствуете?—спросилъ я своего случайного знакомаго.

— Ничего, живу. У меня нѣтъ ни амбара, ни риги, ни гумна. Такъ, живу, какъ бобыль!

— Это почему?

— Очень просто. Земли тутъ много, да денегъ нѣтъ. Что намъ отъ этого? Разъ нѣтъ денегъ, то и плуга не на что купить! Какая послѣ этого работа? А тутъ еще то война съ Китаемъ, то лошадей забираютъ; а ты ходи и карауль деревенское добро. „Придутъ, молъ, заберутъ“, а что тутъ брать?

И пошелъ онъ рассказывать про знакомыхъ уже читателямъ Терентія Ивановича и Савелія Максимовича, эти двѣ деревенскія болячки.

— Знаю... знаю... махнулъ я рукою.

— Знаете... Конечно, какъ не знать... Такъ вотъ вамъ и наша крестьянская жизнь. Онъ вынулъ трубку, набилъ ее какими-то корешками, зажегъ спичку, и наставилъ огонь на корешки, отъ которыхъ распространился вокругъ зловонный дымъ. Затѣмъ, съ трубкой въ зубахъ, поднялъ онъ свою ношу и, взваливъ на плечи, пошелъ дальше. И только трескъ сучьевъ подъ его ногами, да спокойная, увѣренная походка показывали, что сила этого чело-вѣка еще не погасла, несмотря на хроническое недоѣданіе... Скоро онъ скрылся за поворотомъ.

Медленно и тихо подымалось солнце на чистыхъ, лазурныхъ небесахъ, и лучи его проникали въ лѣсную чащу. Золотой снопъ ихъ дробился на тонкія нити, которыя ласкали все, что жаждало этого тепла. Трепетали листья подъ этими лучами, и птицы подставляли свои крылышки, радуясь и оживленно бесѣдуя между собою...

Я шелъ по лѣсной тропинкѣ и думалъ: все славить Бога, все стремится душой къ Нему, а чело-вѣкъ никакъ не можетъ устроиться на землѣ. Все ему тѣсно. Много земли — скверно; мало тоже худо; то денегъ нѣтъ, то плуга нѣтъ, то школа стоитъ безъ крыши... Какая уйма заботъ и сколько печали! И подъ тяжестью этихъ думъ, я не замѣтилъ, какъ пришелъ на Угольную.

— А! и вы здѣсь?— спросилъ меня Савелій Максимовичъ.— Вы какими судьбами сюда забрели?

— Да, вотъ собираюсь уѣзжать и забрелъ сюда.

— Отлично! отлично!.. А я, вотъ, привезъ сюда бочку спирта... Получилъ заказъ отъ англичанина... Нельзя, надо въ срокъ выполнить! Вы ужъ, тогда, погодите маленько... я сейчасъ... только подведу у приказчика счета... Знаете, торговое дѣло... не терпитъ... И онъ шмыгнулъ куда-то. Минуть черезъ десять онъ опять былъ возлѣ меня.

— Что жъ покончили?

— Покончилъ, покончилъ! У насъ живо.

Мы отправились осматривать угольные копи. Для Савелія Максимовича, въ сущности, ничего не было интереснаго, но онъ изъ вѣжливости мнѣ сопутствовалъ. Мы вошли на широкую площадь, всю изрѣзанную узкими рельсовыми путями, по которымъ двигались туда и сюда небольшія вагонетки, насыпанныя каменнымъ углемъ. Эти черныя, глянцевитыя—большія и малыя глыбы угля сыпались въ вагоны при помощи поворотной телѣжки, которая опрокидывалась вмѣстѣ съ углемъ, какъ только онъ туда поступалъ. Слышался шумъ падающаго камня, визгъ колесъ, и густая черная пыль подымалась къ небу. Назадъ возвраща-

лись вагонетки уже порожнякомъ и подходили къ шахтамъ, откуда подымали готовый уголь съ помощью паровой машины. Народу было много: манзы, корейцы, русскіе... Все двигалось, сновало, работало подъ землею и наверху.

„Муравьи, настоящіе муравьи“, подумалъ я и подошелъ къ самому жерлу этой пропасти. Тутъ я увидѣлъ приказчика, съ которымъ и познакомился. Я изъявилъ желаніе опуститься на дно этой могилы и посмотреть, что тамъ дѣлается. Савелій Максимовичъ и тутъ поддержалъ компанію.

Насъ спустили внизъ.

Пока мы спускались, я чувствовалъ, какъ мнѣ дѣлается все холоднѣе и холоднѣе. Потомъ, кто-то что-то сдѣлалъ, и мы остановились. Воздуху было мало. Надъ нами висѣли глыбы дикаго камня, угля, какія-то доски, брусья и подпорки.

Туда и сюда прорыты были норы, гдѣ-то мерцалъ огонекъ, то опять потухалъ. Слышались глухіе удары кайла, долота, молотовъ... Скребли лопатами, ударили кирками... Потомъ какъ будто стихло... и опять возобновилось съ страшной силой.

— Идите вправо, осторожно...—предупреждалъ приказчикъ. И мы пошли вправо. При этомъ Савелій Максимовичъ чуть было не оступился...

— Да что вы, Савелій Максимовичъ, развѣ такъ можно? Эка, угодилъ бы прямо въ колодезь съ водою!

— Я, видишь, думалъ...

— Тутъ думать нельзя: смотри подъ ноги!

Я посмотрѣлъ внизъ; тамъ, въ какой то ямѣ, съ острыми углами, копошился китаецъ, стоя по колѣно въ водѣ. Онъ долбилъ огромной киркой и самъ былъ черенъ, какъ уголь.

Но тутъ, у Савелія Максимовича сперло дыханіе, ему не хватило воздуха...

— Назадъ! назадъ! я дальше не могу!—заговорилъ харчевникъ.

Дѣйствительно, дышать чуть не одной углекислотой было трудно. Я самъ уже задыхался...

И мы повернули назадъ.

— Тутъ какіе то газы, тутъ самъ сатана живетъ! — сказали Савелій Максимовичъ, когда насъ подымали наверхъ.

Очутившись на поверхности земли, мы свободно вздохнули.

— Ухъ, какъ хорошо, свободно!

— Мнѣ часто приходится опускаться въ эту шахту, — сказалъ приказчикъ, — но, всегда, какъ увижу пятнышко неба изъ этой могилы, и душа такъ и рвется скорѣе наверхъ!..

— Къ небу, значитъ?..

— Да.

Тутъ приказчикъ пригласилъ насъ въ свою контору, гдѣ у него было и постоянное жилье.

Мы вошли въ довольно грязную фанзу, съ такими стѣнками и такой крышей, что зимой здѣсь нельзя было не замерзнуть.

— Что же ты, Илья Ильичъ, не починаешь своей конторы?— спросилъ Савелій Максимовичъ.

— Нельзя, не полагается. И такъ, нашъ баринъ, изъ Англии, все говоритъ, что веду большіе расходы; а тутъ какіе расходы? Все валится, все запущено. Уголь тоже сквернаго качества. Одно слово, вся эта фабрика не стоитъ и куринаго ногтя!

— Да, запущено...

— А уголь здѣсь есть,—сказалъ Илья Ильичъ,—только надо поставить дѣло по особому положенію и порядку. Тутъ есть, кромѣ всякаго угля, и другіе камни... сланецъ, мраморъ...

— А лошадей то чего ты не кормишь: вѣдь одни кости остались!—сказалъ харчевникъ.

— Нельзя кормить: аванса нѣтъ. А на свой счетъ чужихъ лошадей не стоитъ держать.

— Такъ... такъ...

Приказчикъ подсунулъ намъ тарелку съ рѣдической и налилъ по рюмкѣ водки.

— А вотъ, насчетъ чайку, уже извините: своей вышелъ, а занимать здѣсь не у кого. Приѣхала англичанка съ какимъ то господиномъ, заняла здѣсь домъ, но къ нимъ нельзя подойти. Барыня важная, носъ деретъ кверху и ходитъ, какъ индюшка. Очень важная барыня!

— А чайку у этой индюшки достать нельзя?—спросилъ Савелій Максимовичъ.

— Н... нѣтъ, нельзя!.. Она очень гордая, никого къ себѣ не принимаетъ и пьетъ больше черный кофе, да такими маленькими чашечками, какъ наперсточекъ... Вѣрно слово говорю! „За ваше здравіе!“ сказалъ онъ опрокинувъ рюмку со спиртомъ въ ротъ. Онъ поморщился, сплюнулъ въ уголь, и закусилъ рѣдисочкой.

Какой то манза, въ своемъ синемъ платьѣ, заглянулъ въ фанзу, захватилъ въ кружку воды и опять скрылся за дверями.

— Это кто?—спросилъ я.

— Мой поваръ, Бой; онъ отъ меня получаетъ каждый мѣсяцъ рубль на обзаведеніе. Китаецъ смирный, непьющій.

— Да, вѣдь они, кажется, всѣ не пьютъ?

— Пьютъ, да по маленькой. У нихъ пьянства не полагается.

— Это скверно,—сказалъ Савелій Максимовичъ;—пей они, я бы больше торговалъ!

— Ха-ха-ха! вотъ оно что! Каждый, значить, о себѣ думаетъ. Ну, ладно, будетъ съ тебя и своей деревни! — сказалъ Илья Ильичъ, наливая себѣ другую рюмку.

И тутъ Илья Ильичъ разсказалъ, какъ у него на дняхъ умеръ одинъ старикъ—углекопъ, у котораго отъ работы образовалась водянка на ногахъ.

— Все пилъ воду, воду, да такъ и умеръ; а покойникъ былъ славный человекъ!

— Что-жь, похоронили?—спросилъ харчевникъ.

— Да, похоронили. Въ больницѣ городской умеръ. Осталась

жена, хотя и незаконная, а все же жена. Ну, тамъ, во Владивостокъ и пристала: „давайте вещи моего мужа“.—„А ты кто?“—спросилъ фершалъ.—„Я жена Долгошеева“.—„А въ паспортѣ прописано, что ты его жена?“—„Нѣтъ.“—„Ну, то ничего тебѣ и не полагается!“—„Какъ! да я жила съ нимъ двадцать пять лѣтъ, я съ нимъ отбыла всю каторгу на Сахалинѣ. Добровольно пошла; а ты мнѣ отказываешь въ вещахъ?“—„Мало что, никакихъ тебѣ вещей не полагается!“ Такъ и пропали часы, одежда и казенная книжка на деньги. Онъ все носилъ въ сберегательную кассу...

Савелій Максимовичъ перекрестился и вздохнулъ. Онъ уже видѣлъ своими глазами: и часы, и одежду, и деньги...

— И такъ-таки пропали?

— Да, пропали.

Распрошавшись съ хозяиномъ, мы вышли изъ фанзы. Все небо было сѣрое и мутное, надвигался какой-то морской туманъ. Весь заливъ забушевалъ, покрылся волнами, и клочки пѣны,

какъ снѣгъ, вскакивали на поверхность волнъ и исчезали подъ ними. У берега бродили полуголые манзы: они собирали, по-колѣбно въ водѣ, какія-то водоросли, раковины; вдали тянулась джонка, распустивъ свои паруса, а у берега стояла китайская баржа съ дровами. Голый остовъ мачты торчалъ на этой баржѣ; а тамъ, внутри, происходила работа укладки дровъ....

Надъ водой появилась какая-то морская птица, съ тонкими крыльями: она нагнулась къ водѣ, что-то схватила и опять съ крикомъ понеслась далѣе.

А тамъ, за бухтой, синѣли отдаленныя горы, вырисовывался гористый ландшафтъ.

Только посреди этой воды, торчалъ огромный утесъ, какая-то глыба камня, и вокругъ этого камня шумѣла вода.

Это была такъ называемая „пичужка“, о которой рассказывали люди. Она наводила на грустные размышленія...

Это море, глубокое море, съ шумомъ несется куда-то вдаль, все поглощая на своемъ пути. И бунтуется оно, и злится, и свирѣпо пѣнятся волны, какъ бы пожирая другъ друга и опрокидывая въ бездну..

И мнѣ почудилось, что во всѣ времена люди больше думали о самихъ себѣ, чѣмъ о другихъ; что этотъ врожденный эгоизмъ, скрытый подъ маской лицемѣрія, существуетъ во всѣхъ классахъ нашего общества...

А что дѣлается на днѣ? Тамъ, въ сущности, тишь и благодать. Тамъ вѣчный покой, какъ въ могилѣ.

И если человѣкъ выпилъ горькую чашу до дна, онъ тоже уже спокоенъ. Его не возмутитъ человѣческое горе: онъ самъ горе и тоска!

Чувства человѣческія подчинены тому же закону бытія: ихъ можно взбунтовать, довести до крушенія, и затѣмъ превратить въ цѣлое или обломки... И вотъ, почему иногда люди останавливаются на полдорогѣ, или просто спотыкаются и падаютъ. И только счастливыя, выработавшіе себѣ твердое міросозерцаніе, стремящіеся къ знанію, проникаются любовью, выходятъ побѣдителями... Они судьбы не боятся, она не застанетъ ихъ врасплохъ...

— Вы на станцію пойдете?—неожиданно прервалъ мои размышленія Савелій Максимовичъ.

— Ахъ, я позабылъ, что мнѣ надо опустить письмо въ ящикъ,—припомнилъ я.

— Да, да... торопитесь, а то скоро подойдетъ почтовый поѣздъ, и вы не успѣете послать свое письмо съ этимъ поѣздомъ. Пойдемте! И мы спустились внизъ съ горы, по ступенькамъ, крайне опаснымъ для ходьбы. Внизу, возлѣ полотна дороги, стояла ка-

кая-то избушка, черного цвѣта, сколоченная изъ старыхъ гнилыхъ шпаль съ клеймами на нихъ, и какая-то достройка, въ видѣ стараго вагона, безъ колесъ, съ дверцей и окошечкомъ.

Возлѣ этой „станціи“ стоялъ солдатикъ желѣзнодорожнаго парка, съ краснымъ флагомъ въ рукахъ, и встрѣчалъ поѣздъ. Это былъ начальникъ станціи Угольной.

Я опустилъ письмо въ почтовый ящикъ и самъ отправился обратно, на гору, по той же лѣстницѣ, по которой спустился внизъ. Савелій Максимовичъ слѣдовать за мной по пятамъ.

— Ну-съ, — сказалъ онъ, — теперь можно и съ Богомъ домой. У меня тутъ есть своя лошадка, и я васъ доведу до деревни. Я согласился, и мы покатили въ Угловую.

Любитель „золотыхъ боговъ“ всю дорогу рассказывалъ мнѣ о своихъ денежныхъ операціяхъ; затѣмъ, перешелъ на почву „сладкихъ ощущеній“ по части женщинъ и уже потомъ, когда надоѣло ему говорить, склонивъ голову, началъ дремать. При каждомъ неровномъ движеніи, на поворотѣ или на кочкѣ, онъ подымалъ свою голову, смотрѣлъ на лошадь и дорогу и опять засыпалъ. Подъѣзжая къ самой деревнѣ, онъ, вдругъ, неожиданно спросилъ меня:

— А вы были у Терентія Ивановича?

— Да, былъ.

— Жаль, очень жаль... къ такому прохвосту не слѣдовало заѣзжать! Ну, и что же онъ вамъ про меня говорилъ?

— Да то же, что и вы про него!

— Скотина, скотина! Онъ все вралъ! Это иродъ рода человѣческаго!

— Вы бы какъ-нибудь сошлись, помирились...

— Что вы? Богъ съ вами! Никогда не помирюсь! Онъ, шельма, собралъ сходку и хотѣлъ меня выжить изъ харчевни, а самъ, значить, забрать все въ свои руки... какъ съ такимъ человѣкомъ помириться?

— Ну, а общество?

— Общество колебалось. Видите, я поставилъ два ведра водки и онъ поставилъ два ведра водки. За кѣмъ, значить, тянуть руку? Одинъ кричить „за Савелія“, другой „за Терентія“, а водка стоитъ... Я смотрѣлъ, смотрѣлъ, да говорю: „ребята, вотъ вамъ еще ведро водки!“ и тутъ получился мой перевѣсъ. Такъ сразу, и закричали: „Конечно, Савелію Максимовичу, отъ него три ведра водки!“ И тутъ, значить, приговоръ написали, на три года утвердили, и приложили руку за грамотныхъ и неграмотныхъ. А Терентій то Ивановичъ остался съ носомъ!

Но тутъ мы поравнялись какъ разъ съ домомъ Терентія

Ивановича; онъ стоялъ у калитки, усердно набивая свой носъ табакомъ.

— Вотъ тебѣ, чертова кукла, кукишь съ масломъ!—сказалъ на всю улицу Савелій Максимовичъ, и мы проѣхали мимо дома.

Мой спутникъ весь дрожалъ отъ гнѣва и даже вспотѣлъ, и все оглядывался на своего врага. А врагъ, завидѣвъ здоровенный кукишь, хлопнулъ калиткой и скрылся за ней.

Я сталъ слѣзать съ воза.

— Куда? куда? Къ Терентію Ивановичу? Нѣтъ, не пущу! Вы, у меня сегодня гость!—сказалъ Савелій Максимовичъ, замѣтивъ мое желаніе улизнуть.

— Нѣтъ, я къ себѣ...

— Знаю! знаю! Онъ васъ къ себѣ ждетъ. Онъ потому и поджидаль васъ у калитки. Нѣтъ, не пущу! Жена, проси гостя! Куда тебя чертъ унесъ!

— Чечась! чечась!.. У меня, вотъ, сырыя вышли драконы.. Чего ты чертыхается! И Людмила Савишна съ кускомъ драконы подошла ко мнѣ.

— Вотъ, Терентій Ивановичъ... началъ было харчевникъ.

— Довольно, довольно!—остановила его жена.

— Нѣтъ, не довольно! Я на него подамъ опять въ судъ. Уже и писаря нашель на станціи. Самъ начальникъ станціи берется за это дѣло!

— А какое у васъ дѣло?—спросилъ я.

— Какое дѣло?—Дѣло вотъ въ чемъ, началъ онъ, понижая голосъ и оглядываясь: онъ собирается сжечь мою харчевню.

— И поджигаль уже?

— Нѣтъ, не поджигаль, но думаетъ это сдѣлать. Горбатый Оедька, по пьяному дѣлу, и выдалъ всѣ его помышленія. У меня уже и свидѣтели есть!

— Ну, это еще далеко до факта самаго преступленія?

— Какъ, далеко? Ему, вотъ, перешагнуть только улицу, и снопъ соломы уже загорѣлся.. Много ли для этого нужно? Одна спичка!

И тутъ Савелій Максимовичъ нагнулся къ моему уху и давай шептать: „объ этомъ дѣлѣ мнѣ говорила наша деревенская ворожея и гадала на картахъ. Вышло, значить, что, съ задняго амбара, подъ самой стрѣхой, уже облюбовалъ онъ себѣ мѣсто для пожара. Подходилъ даже какъ-то, темной ночью, да въ какое время и часъ—неизвѣстно“.

— И вы вѣрите въ такую чепуху?

— Какъ-же не вѣрить! Приходится вѣрить! Она, ворожея, предсказала мнѣ, что харчевня останется за мной, и она осталась за мной... какъ-же милой женщинѣ не вѣрить?

— А гдѣ живетъ эта ворожея?

— Вы что: хотите къ ней зайти?

— Да.

— Живетъ напротивъ васъ, немного въ сторону! Жена нашего десятскаго. Онъ сапожникъ, пьяница, но въ карты не играетъ. Зато, его братъ: этому ужъ подавай сластей. На сладостяхъ, да конфетахъ, всю жизнь свою посадилъ!

— На сладостяхъ?..

— Да. Открылъ онъ значить было, лавочку, накопилъ сладостей, леденцовъ; а потомъ засѣлъ самъ въ лавочку, и все сѣлъ... Только одна вывѣска осталась. Да, лѣнтяй и отличный пройдоха! Говорять, воровствомъ занимается, да объ этомъ я не смѣю говорить. У меня ведетъ себя прилично!

Савелій Максимовичъ хотѣлъ было втянуть меня въ свою харчевню, но я уперся и не пошелъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ! здѣсь воздухъ!..—возразилъ я.

— Н... нѣтъ, тутъ воздухъ не важный. Вотъ, въ Саратовской губерніи, тамъ воздухъ!

И пошелъ онъ описывать саратовскіе луга, поля, деревни, города, словно все видѣлъ передъ своими глазами. Онъ забылъ своихъ враговъ, жену, харчевню, и все описывать свою родину.

Я слушалъ. Какой-то пьяница, заглянувъ въ харчевню, направился было ко мнѣ, но харчевникъ махнулъ рукой, и этотъ рослый мужикъ отошелъ въ сторону, словно исполняя приказаніе старшины или урядника.

— Пей или иди домой,—крикнулъ харчевникъ,—а зря время не проводи!

— Слушаю, Савелій Максимовичъ,—сказалъ мужикъ и пошелъ въ харчевню.

А солнце медленно спускалось внизъ, небеса одѣвались въ вечернія краски: то вспыхнетъ золотое облачко, то появится пурпурная лента, и огненные красныя краски покрыли, избороздили все небо, переходя въ нѣжнофіолетовые тоны. Тамъ зеленоватыя пятна, а выше голубая темнѣющая высь... и сѣрый день превратился въ чудный закатъ. Опускались сумерки.

Я отправился домой.

На порогъ ожидалъ меня старый дѣдъ. Онъ отворилъ мнѣ двери.

Г. М. Пилипенко.

Л. Долиновъ.

Странныя души современности.

Все, что странно, обыкновенно считается выходящимъ за предѣлы пониманія,—мы не умѣемъ, или не желаетъ въ это вникнуть. Передъ нами фигура писателя, который при всей своей оригинальности представляетъ собою, однако, одну изъ тѣхъ индивидуальностей, которыми или имъ родственными такъ богато новое время. Объяснить ихъ появленіе, психологію и самыя даже права на существованіе казалось едва ли возможнымъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду Реми де-Гурмона и его послѣдователей. Одни считали ихъ какими-то болѣзненными эксцессами современности, другіе грознымъ *memento mori*; имѣются и такіе, которые признаютъ этого рода писателей за людей будущаго, свѣточей современности, ведущихъ насъ въ даль высшей утонченности мысли и чувствъ, къ сверхчеловѣчности.

Все это показываетъ, насколько трудно понять подобныя души, узаконить ихъ существованіе, связать ихъ съ общимъ принципомъ эволюціи, прогресса. И дѣйствительно, для того, чтобы это сдѣлать, намъ приходится взяться за сочиненіе, которое, казалось бы, имѣетъ слишкомъ мало общаго съ предметомъ настоящей статьи,—мы обратимся къ замѣчательной книгѣ Георга Зиммеля, «Философія денегъ» («*Philosophie des Geldes*»),—въ ней мы найдемъ истолкованіе того «страннаго» явленія человѣческой психологіи, о которомъ будетъ рѣчь дальше.

Зиммель — сравнительно молодой профессоръ берлинскаго университета. О немъ немного пишутъ, но его глубокія по содержанію и прекрасныя по изложенію лекціи вызываютъ огромное стеченіе слушателей. Среди нихъ можно видѣть не только студентовъ, но и людей зрѣлыхъ, привлекаемыхъ новизною научныхъ взглядовъ молодого философа и его ораторскимъ талантомъ, не только мужчинъ, но и женщинъ, не только мѣстныхъ, но и пріѣзжихъ изъ отдаленныхъ нѣмецкихъ городовъ,—всѣхъ ихъ влечетъ сюда блескъ новой крупной звѣзды, появившейся на горизонтѣ философіи. Только старики-коллеги посматриваютъ косо на философа, осмѣ-

ливающагося не цитировать почти никого изъ своихъ предшественниковъ на поприщѣ философіи, на ученаго, позволяющаго себѣ вносить въ лекціи психологическія замѣчанія, до сихъ поръ встрѣчаемыя развѣ въ поэзіи и беллетристикѣ, на политико-эконома, оставляющаго безъ вниманія и излюбленныя тропинки, и весь арсеналъ знаній въ этой области и ищущаго новыхъ путей и новыхъ матеріаловъ. Зиммель создалъ новый, какъ-бы вовсе неподозрѣваемый предметъ: философію денегъ. Неужели возможно философствовать по поводу столь матеріальнаго и низкаго предмета? Что можетъ заключаться въ сочиненіи, озаглавленномъ столь странно? Какимъ образомъ выросло оно до полутысячи страницъ?

Сочиненіе это выходитъ далеко за предѣлы, указываемыя спеціальнымъ, на первый взглядъ его заглавіемъ; оно ведетъ насъ на широкіе пути изслѣдованій въ области теоріи познанія, единичной и общественной психологіи, затрогиваетъ высшія и глубочайшія тайны духа и матеріи. Умъ, создавшій эту книгу, одновременно оригиналенъ и глубоко, блестящъ и точенъ, преданъ поэзіи и философіи, зрѣлъ теоретически и практически, влюбленъ въ абстракціи и чрезвычайно наблюдателенъ. Оригинальность этого ума состоитъ въ томъ, что въ его сочиненіи не имѣется метода, который сопровождаетъ обычныя философскія изслѣдованія; «Философію денегъ» Зиммеля нельзя сравнить ни съ какой другой книгой философскаго или экономо-политическаго содержанія. Можно бы говорить о полномъ отсутствіи метода, если бы на мѣсто отрывочности мыслей, какъ обычнаго послѣдствія пренебреженія методическими путями изслѣдованія, не поражала насъ удивительная связность логической мысли, которой авторъ добился въ своемъ сочиненіи внѣ обычныхъ путей. Дабы опредѣлить этотъ „неметодичный «методъ» и выяснить логическіе приемы Зиммеля, позволяющіе автору разбросаться на широкой аренѣ изслѣдованія, проливать свѣтъ на загадки, лежащія далеко за границами узко-экономическихъ вопросовъ и, несмотря на это, не потеряться, не отвлечься отъ идейнаго центра, откуда онъ исходитъ и куда возвращается, приходится прибѣгнуть къ слѣдующему образному сравненію.

Авторъ какъ будто сверлить темный и трудный вопросъ о деньгахъ посредникъ, чтобы углубиться въ него до самаго дна. Однако, сходя въ глубь по прямой линіи, онъ задерживается и всякій разъ изслѣдуетъ встрѣчаемый на пути слой идей. Онъ разсматриваетъ стѣны со всѣхъ сторонъ; но этимъ онъ не довольствуется; сверлитъ эти стѣны по всѣмъ направленіямъ, справа, слѣва, спереди и сзади, создавая какъ бы корридоры мысли по линіямъ, къ которымъ первоначальная и основная, сходящая въ глубь, перпендикулярна. Такимъ образомъ онъ распознаетъ весь слой, всю ширину, показываетъ всѣ пункты аналогіи съ тѣмъ, который найденъ на первоначальной экономической линіи; онъ доказываетъ сходство, сосѣдство и братство этого нункта, найденнаго въ экономическомъ вопросѣ, съ цѣлымъ рядомъ лежащихъ на томъ-же уровнѣ точекъ изъ другихъ сферъ жизни духа — изъ психологіи любви, эстетичеки, социологіи, или изъ какой-либо иной области; такимъ образомъ онъ устанавливаетъ общую гармонію въ нашемъ способѣ воспріятія явленій; объясняетъ увлекательно и убѣдительно, что данная экономическая идея носитъ символическій характеръ и находится въ родствѣ съ идеями всѣхъ другихъ познавательныхъ рядовъ, что измѣненіе цѣнности помощью денегъ есть лишь одна изъ формъ того мысленнаго порядка, благодаря которому мы способны уразумѣвать и нормировать дѣйствительность. Изслѣдовавши такимъ образомъ каждый слой, путемъ ли возбужденія мысли по всевозможнымъ направленіямъ до крайнихъ предѣловъ логики, или обойдя

кругообразно первоначальное отверстие, авторъ возвращается всегда къ исходной точкѣ на линіи, спускающейся въ глубину, и сверлитъ вопросъ вновь, дабы опять задержаться на новой глубинѣ и такимъ же образомъ изслѣдовать новый идейный слой, никогда не утомляя читателя, не вызывая неудовольствія постоянными задержками, такъ какъ онѣ служатъ къ раскрытію новыхъ широкихъ перспективъ.

Этотъ методъ чрезвычайно плодотворенъ; онъ позволяетъ намъ уразумѣть нашъ душевный міръ на весьма широкомъ пространствѣ, связать экономическіе вопросы съ рядомъ аналогичныхъ явленій, подчиняя всѣ совмѣстно болѣе обширной и общей познавательной нормѣ; и тутъ же даетъ возможность углубиться въ экономическую почву и на центральной линіи изслѣдованій уразумѣть сложное и трудное явленіе—деньги. И тогда это понятіе становится намъ ясно всесторонне: во-первыхъ, какъ выраженіе идеи, вызванной столкновеніемъ субъективнаго и объективнаго міра, отношеніями человѣка къ вещи и людей другъ къ другу, какъ символъ, — къ этому стремится первая часть сочиненія—*аналитическая*; во-вторыхъ, какъ факторъ, въ свою очередь формирующій отношенія между людьми, простирающій свое вліяніе на всѣ стороны индивидуальной и общественной жизни, придающій психикѣ индивида и общества новыя важныя черты — къ этому стремится вторая часть, *синтетическая*. Деньги, благодаря Зиммелю, становятся понятны для насъ и въ идейномъ разрывѣ и въ идейномъ сліяніи съ цѣлымъ субъективнаго и объективнаго міра, понятны, какъ идея и какъ фактъ, какъ форма и какъ содержаніе, какъ стремленіе мысли символизировать цѣнности количественнымъ знакомъ и какъ перемѣнивая качественная цѣнность въ рамкахъ исторической эволюціи, какъ идеальная цѣль и какъ реальное явленіе экономической жизни!—Душою же всей этой философіи есть проникновенное *релятивистическое* пониманіе міра: необходимый выводъ нашей *логической* мысли, которая принуждена вращаться въ мірѣ взаимно дополняющихся и опирающихся другъ на друга противоположностей, и для которой все понятно лишь какъ *отношеніе*. Въ виду этого Зиммель не отступаетъ передъ оригинальною идеей возведенія *относительности* на ступень абсолютнаго и отчаивающейся среди контраста монизма и дуализма мысли рекомендуетъ, какъ вѣрнѣйшій методъ,—поступать при всякомъ изслѣдованіи такимъ образомъ, какъ если бы конечный результатъ составляло единство, т. е. сливать всѣ множественные элементы во едино, а доходя до единства, поступать всегда такъ, какъ будто-бы конечною цѣлью была множественность, т. е. разлагать все соединенное на составныя части — иначе, отъ анализа идти къ синтезу, отъ синтеза къ анализу безконечно...

Намъ кажется, что ни одинъ современный посетитель не сумѣлъ съ такою силою и глубокомысліемъ, какъ Зиммель, изобразить объективный духъ нашей современной культуры, ни одинъ не далъ намъ такъ наглядно уразумѣть и почувствовать ея мощь и великолѣпіе — съ одной стороны, и ничтожество и неудовлетворительность — съ другой. Зиммель показываетъ, сколь маленькой, подавленной должна себя чувствовать отдѣльная человѣческая душа въ виду грандіознаго объективнаго духа современной культуры съ ея гигантскими машинами, чудесными открытіями, громадными лабораторіями, бібліотеками, университетами, путями сообщенія, храмами искусства и т. п. Этотъ духъ шестуетъ побѣдоносно, живетъ какъ бы самъ для себя, поддерживается совокушно дѣятельностью отлично специализированныхъ на почвѣ раздѣленія труда человѣческихъ силъ, составляетъ житницу, складочное мѣсто дѣятельности миллионъ людей, бывшихъ и живущихъ. Отдѣльная душа, будь это даже геніальный чело-

вѣкъ, въ сравненіи съ этимъ духомъ, ничтожество— капля въ морѣ; она можетъ почерпнуть изъ него лишь очень немного, не можетъ идти впередъ, не зацѣпившись за него, и кладетъ въ него въ концѣ концовъ сравнительно съ наличною массою очень немного —и всегда меньше, чѣмъ сама взяла. А между тѣмъ есть и другая сторона—другая точка зрѣнія, съ которой отношеніе это представится въ совершенно иномъ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ грандіозный духъ — бездушень. Живая человѣческая душа едина, имѣетъ свой жизненный центръ: сознающее себя «я». А объективный духъ современной культуры обладаетъ лишь механическою жизнью: онъ составленъ не изъ цѣлыхъ человѣческихъ душъ, а изъ ихъ обломковъ, частицъ, ибо каждая работающая для него душа, суженная раздѣленіемъ труда по специальностямъ, отдаетъ ему только часть себя. Все созданное совокупными силами массы различныхъ людей есть лишь сумма ловко прилаженныхъ механическихъ частей, есть механизмъ, есть что-то бездушное, чуждое даже составителямъ, ибо каждый отдавъ общему творенію лишь затребованную частицу себя и каждый знаетъ лишь частицу общей работы и чуждъ остальнымъ. И какъ ни ловко слагается цѣлое грандіознаго механизма общей культуры, оно не имѣетъ центральной живой точки—сознательнаго „я“.

Между тѣмъ, даже заурядная человѣческая душа въ цѣломъ есть что-то сознательное, животворящее; какъ бы ни бѣдна была она содержаніемъ, она богата жизнью; каковы бы ни были слагающія ее противорѣчія, въ какомъ бы они ни пребывали смятеніи и взаимной борьбѣ, они сливаются въ одной точкѣ — „я“, они образуютъ живое сознательное цѣлое. И вотъ съ этой точки зрѣнія маленькая, ничтожная человѣческая душа, какъ бы задавленная грандіознымъ духомъ культуры, вдругъ вырастаетъ и оказывается неизмѣримо выше этого духа, сколько бы ни восприняла отъ него и сколь мало подарила бы ему отъ себя. Эта душа интересна живою комбинаціею частей своего содержанія. Таково противопоставленіе объективнаго духа культуры и субъективной души человѣка у Зиммеля.

На самомъ дѣлѣ чрезвычайно интересная съ обще-философской точки зрѣнія душа человѣка въ массѣ случаевъ чрезвычайно . скучна. Миліоны душъ человѣческихъ сѣры и вульгарны. Хотя каждая изъ нихъ, безъ сомнѣнія, составляетъ своеобразную комбинацію составныхъ элементовъ, но, при бѣдности элементовъ, воспринятыхъ отъ объективнаго духа и необогащенныхъ природнымъ содержаніемъ, при слабыхъ степеняхъ и дозахъ каждаго изъ извѣстныхъ объективныхъ элементовъ, получается незначительное различіе между заурядными душами, и субъективныя комбинаціи не представляютъ интереса. Свѣтъ „я“ въ такихъ душахъ чрезвычайно блѣденъ въ сопоставленіи съ блескомъ хотя и безличнаго объективнаго духа. Кстати, перевѣсъ объективнаго духа въ современной культурѣ и создаетъ массу заурядныхъ душъ: требуя себѣ работниковъ, поддерживая до крайности раздѣленіе труда, специализируя людей, онъ урѣзываетъ человѣческія души, подавляетъ „я“, образуетъ всюду мелкія колеса общаго механизма, миллионные экземпляры того либо другого вида, многократныя повторенія—частицы: то, что непригодно для общаго механизма все болѣе и болѣе мельчаетъ, остальное подчиняется и уподобляется цѣлому, опредѣляется по плану цѣлаго, лишено самостоятельности. Однообразность культурныхъ теченій, уподобляющая сила культурныхъ привычекъ, могучее теченіе моды, дрессировка школы, войска, администраціи по одному объективному плану, близость и смѣшеніе людей благодаря чудесному развитію путей сообщенія, вліяніе законовъ государства, упорядочивающій полицей-

скій элементъ, парламентаризмъ и демократизація, не менѣе чѣмъ традиціонная сила политики и религіи, словомъ все то, что составляетъ установившійся объективный духъ жизни, поддерживаетъ производство заурядныхъ душъ.

Но вотъ современная эпоха, столь обильная контрастами, даетъ мѣсто и противоположному теченію. Является какъ бы контръ-теченіе. Тотъ самый объективный духъ, который воспитываетъ миллионы однообразныхъ душъ, становится причиной обратнаго явленія. Тутъ и тамъ появляются какъ бы наперекоръ ему чрезвычайно оригинальныя души. Онѣ гордо противопоставляются ему. Онѣ перечать ему.

И вотъ эти-то души представляютъ тотъ несомнѣнный интересъ, который приписывается Зиммелемъ всякой живой человѣческой душѣ въ сопоставленіи съ объективнымъ духомъ культуры. И, что бы ни говорилось съ точки зрѣнія того или другого лагеря по адресу этихъ странныхъ душъ, которыхъ нельзя приладить никуда, приспособить къ той, либо иной партійной жизни, запрячь въ телѣгу объективнаго духа времени,—интересъ къ этимъ душамъ чувствуется нынѣ повсюду. Буржуй даже развѣваетъ ротъ и заглядывается на нихъ, хотя онѣ проходятъ мимо него съ ироническимъ смѣхомъ или съ молчаливымъ пренебреженіемъ, а иногда забрасываютъ его грязью.

Какойнибудь десятокъ лѣтъ назадъ эти души опредѣлялись бы, какъ сумасшедшія. Этимъ страннымъ фантазерамъ Ломброзо отвелъ бы мѣсто въ своей галлерей маттоидовъ. Нордау умѣстилъ бы этихъ представителей декаданса въ рамки „вырожденія“ и поставилъ бы надъ ними крестъ. Нынѣ чувствуется, что ихъ сумасшествіе „не лишено метода“. Прямые линіи мысли стали такъ банальны, что даже уже надоѣли, и акробатическіе прыжки этихъ странныхъ господъ по извилистымъ линіямъ вызываютъ сильный интересъ даже серьезныхъ людей. Неокантизмъ настолько вѣдрился въ насъ, настолько стала намъ понятна субъективность всякаго міровоззрѣнія, настолько извѣрились мы въ матеріалистическомъ пониманіи міра и предалися агностицизму, на столько наболѣло въ насъ сознаніе того, что и наши прямые линіи не идутъ въ безконечность и останавливаются у завѣсы, покрывающей міровую тайну,—что мы признали право слѣдовать и по инымъ, непрямымъ линіямъ, искать выхода для мысли и по нимъ, сопоставлять понятія необычайнымъ образомъ; мы увлеклись этой забавой, развѣивающей скуку обыденнаго мышленія и томленіе его неудовлетворенностью; конечно, все это подъ условіемъ, что странный умъ входитъ на эти необычные пути не ради паясничанья, а съ глубокой, искренней вѣрою, и—главное—подъ вліяніемъ истинной боли, дѣйствительнаго отчаянія и утомленія, извѣданнаго на обычныхъ логическихъ путяхъ.

А какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ, когда мы всѣ увлекались прямолинейностью убѣжденій, дѣлились на ясно очерченные лагеря и фанатически защищали правоту нашихъ взглядовъ, вѣруя, что единственно нашъ путь ведетъ къ спасенію общества, эти люди казались намъ либо бесплодными единицами, либо ретроградами. Нынѣ утилитаризмъ въ законѣ, счастье кажется намъ труднѣйшей загадкой, мы не соединяемъ его съ одной лишь практической пользой, мы стали болѣе снисходительны къ иллюзіямъ, мы извѣдали слабость мученій мысли, либо уразумѣли необходимость душевныхъ мукъ; въ общемъ уровень нашей сознательности повысился и психологическое пониманіе стало шире—и намъ не подъ силу нападать на „безполезныхъ“ въ самомнѣніи о собственной полезности, а кстати мы открыли удивительную вещь: силу несущейся иногда впередъ

мысли и отсутствіе предрасудковъ у этихъ „ретроградовъ“, отрицаніе, несвойственное зауряднымъ консерваторамъ, и иной разъ невольное споспѣшествованіе прогрессу.

Словомъ, среди безысходной тоски, банальности, удручающаго однообразія побѣды моды, крушенія надеждъ, основанныхъ на прямой линіи, въ виду сложности жизни, которой хаосъ сталъ намъ понятенъ глубже, чѣмъ въ былое время,—мы научились цѣнить оригинальныя человѣческія души и съ большимъ интересомъ наблюдаемъ всякій своеобразный богатый индивидуальный міръ, не возмущаясь уже тѣмъ, что онъ ярко протестуетъ противъ всего того, что считается нами главнымъ и цѣннымъ теченіемъ объективной культуры.

Кстати, хотя мощь такой своеобразной индивидуальной души, повидимому, кроется въ ея гордомъ и смѣломъ противопоставленіи объективному духу культуры, но все же между обоими есть громадная связь. Если разсмотрѣть субъективную комбинацію такой оригинальной души, то окажется, что зачастую она складывается изъ массы элементовъ, взятыхъ изъ прошлаго и, въ качествѣ таковыхъ, записанныхъ историческимъ ходомъ объективнаго духа. Одна изъ основныхъ чертъ современнаго духа есть историческое пониманіе, уразумѣніе явленій въ эволюціи, чувство относительности всего въ пространствѣ и во времени, психологическая способность переживать давно прошедшее, возсоздавать воображеніемъ минувшія идеи и страсти. Чудесный духъ объективной культуры надѣлилъ насъ этими способностями, разрывъ землю, добывъ изъ нѣдръ ея слѣды забытыхъ культуръ, нагромодивъ остатки историческаго прошлаго въ музеяхъ, сохранивъ и напечатавъ во множествѣ экземпляровъ старинныя рукописи, собравъ историческіе матеріалы и т. п.—изъ всего этого объективный духъ построилъ себѣ фундаментъ, чтобы двинуться побѣдоносно впередъ. И вотъ тѣ оригинальныя души, о которыхъ мы говоримъ, сумѣли воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ весьма своеобразно, не для того, чтобы понявъ, идти впередъ, а для того, чтобы понявъ, страдать и наслаждаться.

Оставивъ въ сторонѣ основную линію движенія объективнаго духа, а, пожалуй, разочаровавшись въ законности какой-либо основной линіи, тѣ души стали наполняться частицами собраннаго объективнымъ духомъ матеріала, дабы двигаться свободно по всему пространству развитія, стать обитателями всего цикла времени. Онѣ не брали того, что беретъ всякій, такъ сказать съ краю, либо по выработанному общимъ воспитаніемъ плану, а по личному выбору, по субъективной склонности—и такъ, отражая объективный духъ въ наипаче бросающихся въ глаза и наипаче использованныхъ частяхъ и комбинируя таковыя самостоятельно въ живомъ центрѣ своего „я“, эти души приобрѣли свою отличность, своеобразный блескъ. Только такимъ образомъ, отражая объективный духъ, онѣ смогли одновременно противопоставить себя ему. Это также отчасти дѣти того же объективнаго духа, какъ и заурядныя души, но дѣти рѣдкія, своеобразныя, отличающіяся и отъ заурядныхъ и другъ отъ друга по качеству и количеству почерпнутыхъ изъ объективнаго духа элементовъ и по индивидуальной комбинаціи таковыхъ.

Мы полагаемъ, что читатель не посѣтуетъ на насъ за предыдущія поясненія, имѣя въ виду, что мы постарались объяснить съ новой точки зрѣнія то интересное явленіе, которое именуется декадансомъ и символизмомъ, которое распространяется за границы и все болѣе переходитъ къ намъ, и о которомъ критика зачастую толкуетъ вкривь и вкосъ, не будучи въ состояніи съ ними сладить. Можетъ-быть наше освѣщеніе пока-

жется читателю болѣе убѣдительнымъ и поможетъ ему разобраться между прочимъ въ сочиненіяхъ типичнаго представителя этой психической категоріи—Remy de Gourmont.

Одинъ изъ современныхъ критиковъ, написавшій удачный литературный портретъ Реми де Гурмона, справедливо поставилъ эпиграфомъ къ этому портрету французскую цитату „Un esprit désintéresse de tout et intéressé à tout...“ (Умъ, потерявшій интересъ къ всему и всѣмъ интересующійся...) Тѣ контрасты, изъ которыхъ складается едва ли не каждая вышшая современная душа, вызываютъ необходимость употреблять рѣзкіе парадоксы при всякихъ значительныхъ опредѣленіяхъ, стремящихся къ синтезу. Съ одной стороны „интересъ ко всему“—это несомнѣнно. Безъ такого интереса нельзя представить себѣ писателя, который окружилъ себя огромною массою книгъ, который, какъ монахъ, заперся въ громадной библіотекѣ,—съ кучею пергаментовъ, старинныхъ рукописей, религиозныхъ картинъ, древнихъ гравюръ, сочиненій отцовъ церкви, произведеній философовъ-мистиковъ и философовъ-сенсуалистовъ, пожалуй также, фривольныхъ и грубыхъ романовъ прошлаго, который все это прочелъ, понялъ и все въ состояніи написать, который бросилъ на полки книгопродавцевъ массу твореній самаго разнообразнаго характера, политическія брошюры, мысли изъ области этики, драмы и трагедіи, поэмы прозой, повѣсти, въ которыхъ переплетаются философія, эротизмъ, психологія и символизмъ. Но; съ другой стороны, этотъ полиграфъ, этотъ любитель общества книгъ, этотъ поклонникъ литературнаго духа, этотъ пожиратель чужихъ произведеній и неутомимый работникъ на писательской нивѣ — понявъ все, почувствовалъ ко всему отвращеніе, всюду нашелъ скуку, въ сочиненіяхъ своихъ изображаетъ на всѣ лады скуку и, кажется, скучаетъ даже въ лихорадкѣ творчества. Онъ иногда открываетъ окно своей кельи, хочетъ „ислѣдовать формы жизни, узнать какъ смѣются и плачутъ современные люди“, но тотчасъ же закрываетъ окошко, пожимая презрительно плечами. Онъ увидѣлъ—какъ говорить самъ—что „эти люди прежде всего скучаютъ, такъ какъ имъ не хватаетъ страстности, такъ какъ всѣ запасы слабой нервной силы поглощаются у нихъ уже одно желаніе, либо одна мечта; они скучаютъ притомъ безъ достоинства, какъ собаки, воюющія на привязи“. Гурмонъ самъ давно отказался отъ жизненной дѣятельности, предпочелъ ей тихую созерцательную жизнь въ наполненной книгами „кельѣ“, въ центрѣ Парижа, полагая, что такимъ образомъ еще кое-какъ возможно будетъ найти удовлетвореніе для души. „Я человекъ,—говоритъ онъ—который никогда не дѣйствовалъ, никогда не поднялъ руки ради какого-либо желанія или съ дѣлю исполненія какой-нибудь обязанности; я—озеро, котораго не изрылъ морщинами никакой вѣтеръ; я—лѣсъ, который никогда не шумѣлъ“. Что касается правды, то въ существованіи ея Гурмонъ извѣрился давно; онъ предпочитаетъ иллюзію; въ странѣ его фантазіи люди давно согласились на такую аксіому: правда то, во что я вѣрю. „И имъ дозволено имѣть свою собственную правду, и даже нѣсколько, какъ маленькую собачку, либо домашнихъ птицъ“. Такой правды для себя искалъ Гурмонъ. Къ сожалѣнію, какъ ни обманывалъ себя, онъ нашелъ лишь одну правду—скуку.

И онъ какъ бы выстроилъ въ своей кельѣ царственный престолъ для этой скуки. Онъ покрылъ этотъ тронъ и его ступени древними гобеленами, облаченіями изъ старинныхъ церквей, богатыми матеріями изъ средневѣковыхъ замковъ. Онъ устроилъ алтарь для скуки. Онъ окружилъ его видѣніями своей фантазіи. Тутъ и нагія дѣвы и матроны, колдуньи и святые, инкубы и суккубы, монахи съ кадильницами, эротоманы, евнухи, садисты,

философы, доказывающіе по Лейбницу, что „жить не необходимо, но думать необходимо“ — причудливый міръ, когда-то жившій и отжившій, скрывшійся въ старинныхъ книгахъ и рукописяхъ и возсозданный вновь фантазіей де-Гурмона. Онъ поетъ этой скудѣ мелодію прошлыхъ временъ, акаеисты на старинный образецъ, сыплеть къ ея стопамъ цвѣты,—а Скука все сидитъ, смотритъ на него холодными глазами, улыбается аристократическими изсохшими губами; и хотя минутами ей кажется, что она интересуется напр., искушеніями св. Антонія, но... сейчасъ же опять зѣваетъ... Де-Гурмонъ принужденъ скучать. Только онъ скучаетъ, по крайней мѣрѣ, „съ достоинствомъ“—принимая красивыя іератическія позы, закатывая молитвенно глаза, утопая въ облакѣ мистицизма, заботясь о стройности складокъ цвѣистой стилистической одежды для своихъ мыслей... Это сопоставленіе между монотоннымъ, тягучимъ, безпрестанно навязывающимся образомъ внутренней скуки и окружающихъ ее измѣнчивыхъ и игривыхъ видѣній, вызываемыхъ воображеніемъ автора, но всею своею красотою, переливаніемъ цвѣтовъ, подвижностью, не могущихъ прогнать, либо закрыть вполне того образа—составляетъ трагическое ядро души и произведеній де-Гурмона.

Аристократизмъ этого писателя, его любовь къ красивой внѣшности, культъ стариннаго переплета, пристрастіе къ хорошимъ гравюрамъ, (онъ издаетъ свои книги въ немногихъ экземплярахъ, заботясь о типографской сторонѣ и иллюстраціяхъ, какъ истый библиоманъ)—все это находитъ въ связи съ его происхожденіемъ, объясняется, пожалуй, наслѣдственностью. Реми де-Гурмонъ родился въ замкѣ Bazoches-en-Noulme. Его предки были граверы и первые во Франціи печатали греческія и еврейскія книги отъ конца шестнадцатаго до половины восемнадцатаго вѣка. По исторіи онъ происходитъ отъ поэта Малерба. Послѣ пріѣзда въ Парижъ на 23 году жизни онъ получилъ мѣсто при Національной Библіотекѣ. Тутъ-то онъ и заразился любовью ко всему печатному. Въ короткій промежутокъ времени онъ написалъ восемь томовъ отличныхъ популярныхъ книгъ по исторіи и естественнымъ наукамъ. Одно время обратилъ на себя вниманіе, сотрудничая въ „Mercure de-France“. О его статьѣ: „De joujou patriotisme“ заговорилъ весь Парижъ. Она стоила ему мѣста при библіотекѣ, такъ какъ слишкомъ смѣло и ребромъ ставила щекотливый вопросъ объ отношеніяхъ къ Германіи. Вотъ что позволилъ себѣ писать молодой авторъ, не считаясь съ общепринятымъ лицемѣріемъ:

«Вопросъ простъ. Нѣмцы захватили двѣ провинціи у Франціи, которая имѣла на нихъ право болѣе ранняго грабежа. Хотите получить ихъ обратно? Хорошо. Идемъ къ границѣ. Не двигаетесь?.. Ну, такъ оставьте насъ въ покоѣ!» Духъ Франціи и Германіи существуютъ на то, чтобы проникаться взаимно и оплодотворять другъ друга. Въ мозгѣ Европы—Германія есть лѣвое, Франція же правое полушаріе; а этотъ мозгъ не можетъ дѣйствовать правильно безъ полного согласія между обоими полушаріями. «Впрочемъ—прибавляетъ Гурмонъ—можетъ быть, придетъ моментъ, когда насъ пошлютъ къ границѣ. Мы пойдемъ безъ увлеченія. Это будетъ наша очередь смерти; мы позволимъ убить себя, однако, безъ удовольствія».

Потерявъ мѣсто, оставивъ и редакцію, Гурмонъ, какъ мы уже говорили, потонулъ въ книгахъ. Сначала онъ издалъ анатомію латинскихъ литургическихъ поэтовъ, находя, что современность несправедлива къ средневѣковой латыни. Потомъ занялся вообще средневѣковымъ искусствомъ и схоластической философіей. Современный міръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эрудита, могущаго въ наши дни читать свободно и цитиро-

вать Коммодіана, св. Иларія, св. Амвросія, Аврелія-Пруденція, св. Гильдегарду, св. Бернарда и св. Тому Аквитанскаго... Гурмонъ отвѣчалъ удивляющимся, что «все равно, вѣримъ ли мы или нѣтъ—одна мистическая литература еще способна отвѣчать на ужасное пресыщеніе нашихъ дней»

Ознакомившись съ матеріаломъ, недоступнымъ для другихъ, Гурмонъ внесъ элементъ новизны въ свои сочиненія. Заодно онъ построилъ теорію эстетики, въ которой именно «новизну» и призналъ основою красоты. Произведеніе должно вызывать впечатлѣніе, котораго читатель еще не зналъ; иначе это произведеніе ничего не стоитъ. Вотъ главная идея Гурмона. По его мнѣнію, существуютъ нынѣ лишь два вида писателей: такіе, которые имѣютъ талантъ т. е. символисты и другіе, у которыхъ таланта, нѣтъ т. е. всѣ прочіе. — Символизмъ—это свобода воображенія. Онъ также правомѣренъ для искусства, какъ идеализмъ для философіи. Такъ какъ мысль—единственная познаваемая реальность, то идеализмъ есть свободное развитіе индивида въ области интеллекта, а соответственно этому, символизмъ есть свободное и личное развитіе индивида въ области искусства. Поэтъ создаетъ и объясняетъ символы согласно личному пониманію міра. Отсюда вытекаетъ тотъ роскошный хаосъ, привлекательный лабиринтъ, въ которомъ теряются господа профессора, вымаливая другъ у друга кончикъ Аріадиной нити. Но они напрасно ищутъ изъясненія символовъ. Каждая единица сама для себя сложна и темна; лишь геній способенъ найти упрощеніе и разъясненіе. Искусство личное т. е. единое почти всегда должно быть непонятно. Когда оно прозрачно до дна, то перестаетъ быть искусствомъ и служитъ лишь мотивомъ для выраженія мыслей. Символическое искусство ищетъ вѣчныхъ элементовъ въ безпрестанной смѣнѣ формъ. Слабый авторъ не художникъ, ибо его «я» не содержитъ вѣчныхъ элементовъ. Основа искусства—способность творить. Она не подлечитъ никакому эстетическому кодексу. Искусство—свой собственный судья, и въ немъ же вся эстетика. Оно такъ же лично, какъ душа, какъ индивидуальный умъ. Оно не интересуется правдой, которую познаетъ лишь интеллектъ, и не ищетъ нравственности, которую различаетъ лишь сознаніе. Индивидъ съ внутренней точки зрѣнія существуетъ самъ для себя, не принадлежитъ ни къ какому классу, не похожъ на другіе индивиды. Эстетики — по мнѣнію Гурмона—идутъ по невѣрному пути, когда ищутъ сходствъ между творческими натурами и стремятся къ обобщеніямъ; художественно только то, что отличается одинъ творческій геній отъ другого. Слѣдуя этой своеобразной теоріи, въ которой искры правды перемежаются съ грубыми заблужденіями (нынѣ теорія эта уже не нова, такъ какъ за Гурмономъ ее неоднократно повторяли и развивали другіе), французскій писатель поставилъ себѣ задачею опредѣлить по разницамъ характеръ выдающихся молодыхъ писателей—такъ какъ «жить значитъ отличаться»—и создалъ 53 короткихъ литературныхъ портрета, въ которыхъ столь же поддержалъ, сколь невольно опровергнулъ собственную теорію.

Изъ многочисленныхъ произведеній Гурмона мы остановимся лишь на самыхъ выдающихся. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить романъ подъ заглавіемъ „Сикстина“, въ которомъ авторъ изобразилъ эпидемическую болѣзнь послѣднихъ поколѣній литературной Франціи, „немоцность чувства“. Этою импотенціею чувства зараженъ въ высшей степени самъ авторъ романа. Его герой, Губеръ д'Етранжъ, литераторъ, влюбленъ въ молодую вдову Сикстину Манье, насколько его чувство возможно назвать любовью. Онъ скорѣе влюбленъ въ ея обликъ. Онъ смогъ бы легко завладѣть Сикстиной, но анализъ, отсутствіе воли удерживаютъ

его отъ всякихъ дѣйствій, вслѣдствіе чего Сикстину очаровываетъ и беретъ знакомый Губера, какой-то русскій драматургъ, воспользовавшись его ироническими совѣтами насчетъ того, какъ поймать красивую дѣвушку. Впрочемъ, Губеръ это предвидѣлъ. Сикстина вѣдь только „ловкая обезьяночка, наслаждающаяся прыганіемъ по трапеціямъ въ лазури, но она готова бросить скоро воздушныя позы на небѣ, когда узритъ сильнаго самца, который подастъ ей любимыя орѣшки, хотя бы одновременно получила нѣсколько ударовъ шпипрутеномъ“. Банальная интрига повѣсти искупается нѣсколько, впрочемъ, утомительной и мелочной характеристикой модной болѣзни Губера—раздвоеніемъ личности, фатальной маніей, состоящей въ неудержимой потребности претворять всѣ явленія жизни въ литературныя образы. Впрочемъ болѣзнъ эта не нова; ею страдалъ отчасти уже Гамлетъ, въ виду преступленія своего дяди, въ виду ужаса тайны, открытой духомъ убитаго отца, вносящей въ записную книжку афоризмъ о злодѣяхъ, которые улыбаются въ Даніи.—Герой романа, де-Гурмонъ, одновременно съ развитіемъ своей любви, пишетъ повѣсть подъ названіемъ „L'adorant“, въ которой анализируетъ свои чувства, мистически отрываясь отъ своей страсти, на подобіе Данте въ „Vita nuova“. Этотъ печальный импотентъ чувства сознаетъ цѣнность и потребность страсти, но онъ смотритъ на нее поневолѣ лишь умственными глазами, онъ „предвидитъ всѣ чувства, всѣ слова“; передъ каждою встрѣчей съ Сикстиной, онъ строитъ планъ тактики, которая должна бросить ее въ его объятія, и каждый разъ не исполняетъ этого плана, анализируя одновременно уклоненіе отъ этой тактики. Воображеніе мѣшаетъ ему обладать Сикстиной; это идеологъ, который вешамъ предпочитаетъ понятіе о нихъ. До какой степени его сфера чувствованій болѣзненно поражена, явствуетъ изъ слѣдующаго факта: однажды у алтаря изъ его устъ вырывается вдохновенная молитва: „О, Христосъ, вѣчно страдающій, выслушай меня! я ищу радости, ищу любви, ищу страданья, а нахожу лишь пустоту. Не умѣю ни радоваться, ни любить, ни страдать“ и т. д.—и тутъ же, сейчасъ послѣ этой молитвы (которой мы цѣликомъ не приводимъ), ему приходитъ на умъ, что она недурна, что ею стоитъ воспользоваться, какъ литературнымъ мотивомъ, и онъ спѣшитъ записать ее, не выходя изъ церкви.

Въ другомъ романѣ подъ заглавіемъ „Кони Диомеда“ де-Гурмонъ старается провести взглядъ, что человѣкъ есть цѣлое, въ которомъ анализъ съ трудомъ находитъ старинную двойственность тѣла и души: душа тѣлесна, а тѣло духовно; ни одинъ жестъ не выше другого; мысль, дѣйствіе, мечта, чувство—все стоитъ на одномъ планѣ; всѣ явленія жизненной дѣятельности имѣютъ равный вѣсъ, такъ какъ всѣ происходятъ отъ единой загадочной Воли. Не думаемъ, чтобы автору вполнѣ удалось доказать эту мысль. Впрочемъ, и самъ онъ сознаетъ это. Герой романа пессимистически жалуется на противорѣчіе между мыслью и дѣйствіемъ. „Невозможно сказать что-либо, что не дошло бы до грубыхъ ушей; сейчасъ же найдутся существа, которыя поспѣшатъ переложить твои мысли на дѣйствія. Мысли существуютъ лишь затѣмъ, чтобы ихъ *продумать*, а вовсе не для того, чтобы ихъ воплотить“. Де-Гурмонъ приходитъ къ печальному убѣжденію, что мысль, воплощаясь, либо гибнетъ, либо обезображивается. Онъ хотѣлъ бы, чтобы „одна сфера отдѣлена была отъ другой; пусть инстинктъ направляетъ наши дѣйствія, а мысль, освобожденная отъ страха низменныхъ воплощеній, пусть развивается свободно и самостоятельно, согласно съ великою красотою своей абсолютной природы“. Въ этомъ вздохѣ высказался неисправимый мечтатель.

Когда де-Гурмонъ желаетъ оторваться отъ современности, онъ пи-

шеть маленькіе рассказы на фонѣ древности, пользуясь своей громадною эрудиціей. Къ такимъ рассказамъ принадлежитъ „Фокастъ“, рисующій жизнь поселенъ въ Синопѣ въ четвертомъ вѣкѣ послѣ Христа. Психологія первобытныхъ христіанъ, столь мѣтко схваченная Анатолемъ Франсомъ, не чужда и де-Гурмону, хотя у послѣдняго мистицизмъ болѣе декоративнаго свойства и чувствованія еще рѣзче отдаетъ сухостью пергамента.

Одна изъ любимыхъ темъ де-Гурмона — это женщина — демонъ страсти, по понятіямъ средневѣковыхъ монаховъ, или просто современная *Bête de luxure*. Онъ рисуетъ образы самокъ всякаго вида: бѣшеныхъ страстью и наивныхъ, холодно-чувственныхъ и элегантно-злыхъ. Героиня одной изъ его поэмъ есть Лилитъ, прототипъ чувственности, праматерь грѣха, первая женщина, которая, по апокрифамъ Ветхаго Завета и легендамъ Талмуда, отдана была разсерженнымъ Іеговой сатанѣ. Эта Лилитъ — прообразъ всѣхъ женщинъ Гурмона, между прочимъ Максиміаны изъ драмы „Теодоръ“, искустельницы, увлекающей въ грѣхъ клермонтскаго епископа и побуждающей его аскетическія наклонности. Гурмонъ съ проницательскою меланхоліей констатируетъ побѣдную силу женщины надъ мужчиной. Въ трагедіи „Старый Король“ онъ заставляетъ героиню восхвалять свою силу въ слѣдующемъ монологѣ: „Любовь—все. Любовь—богъ, міръ, расцвѣтъ! Я женщина!.. Что для меня значатъ ваши войны, города, ваше отечество, ваши права и ваши цѣли, которыми вы украшаете свои спины! Я женщина, я забочусь лишь о томъ, чтобы быть красивой, веселой, плодотворной. Все должно пасть подъ ногами наслажденія, которое я приношу. — Дорогу мнѣ, народы, короли, нищіе и священники, дайте путь женщинѣ! На колѣни! Я жизнь. Я та, что цвѣтетъ на руинахъ. Я—все“...

Оригинальна по замыслу „Трагическая исторія княжны Фениссы“. Здѣсь мать борется съ дочерью за любовь и склоняетъ своего любовника, жениха послѣдней, убить свою невѣсту. Конечно оригинальность здѣсь не въ самой темѣ, а въ томъ, какъ эта старинная тема изображена Гурмономъ. Для него дочь есть образъ будущаго, надежды, того, что манитъ впередъ и уничтожаетъ спокойствіе и наслажденіе настоящимъ; послѣднее же воплощено въ образѣ матери. Убивая Фениссу — говоритъ Фена, мать ея, любовнику — ты уничтожишь всѣ будущія силы, которыя спѣшатъ занять наши мѣста и которыя побуждаютъ насъ жить ускоренно и отцвѣтатъ; уничтожишь всѣ неопредѣленные желанія, которыя считаютъ наши часы и угрожаютъ смертью ложу настоящаго наслажденія.

Къ сожалѣнію при всей оригинальности замысловъ де-Гурмона, при всемъ его умѣніи рисовать различные типы чувственности, а еще болѣе извращенія чувственности, отъ его произведеній отдаетъ болѣе риторикой, чѣмъ истиннымъ темпераментомъ; въ нихъ болѣе эротическо-метафизической игры воображенія, чѣмъ крови сердца — и надъ всѣмъ его царствомъ причудливыхъ грезъ паритъ скука души, страдающей безсиліемъ чувства, истерзанной излишкомъ пониманія, излишкомъ возможности принимать всякія маски, притворяться поочередно всѣмъ. Въ этомъ обилии — убожество де-Гурмона; въ этомъ богатствѣ услужливыхъ идей и картинокъ воображенія источникъ его холодности и сухости, за красивыми бездѣлушками его фантазіи пропадаетъ устойчивое искреннее содержаніе; а отъ всего этого и происходитъ та витающая надъ душою автора скука, которая сообщалась бы и читателямъ, если бы она не была похожа подчасъ на тоску, иногда на отчаяніе!

Л. Долиновъ.

Г. Пуш.

Земледѣліе и бактеріи.

Всѣмъ извѣстно, какое серьезное значеніе имѣютъ бактеріи какъ проводники болѣзней въ животномъ организмѣ. Но, въ то время, какъ эти микробы являются врагами человѣчества, есть другія бактеріи, дѣятельность коихъ въ высокой степени благотворна. Найдены бактеріи, живущія въ почвѣ или въ корняхъ растений, и умѣющія вырабатывать вещество необходимое для развитія и процвѣтанія растений, такъ что послѣднія могутъ пользоваться имъ въ качествѣ пищи.

Въ прежнія времена верхній слой земли разсматривался, какъ смѣсь минеральнаго вещества, происшедшаго отъ вывѣтрившихся горныхъ породъ, съ нѣкоторой мертвой органической массой. Въ настоящее же время всѣмъ извѣстно, что онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ живого организма, „жизнь“ котораго такъ же неоспорима, какъ жизнь животныхъ и растений. Если почва будетъ „убита“, то земля станетъ неурожайной, или другими словами: когда погибнуть живые организмы, которымъ почва обязана своимъ плодородіемъ, она потеряетъ способность производить и питать растенія. Послѣднія потребляютъ, главнымъ образомъ, минеральныя вещества въ родѣ фосфорной кислоты, углекислаго калия, нитратовъ и т. п.; животныя же употребляютъ въ пищу преимущественно органическія субстанціи, какъ жиры, сахаръ, бѣлковыя вещества. Бѣлки, составляющіе важнѣйшій предметъ потребления со стороны животныхъ, отличаются обильнымъ содержаніемъ азота; они доставляются также растеніями, поглощающими значительное количество послѣдняго; тѣмъ не менѣе, несмотря на непрерывное уменьшеніе содержащагося въ землѣ количества азота, растенія ежегодно появляются все въ новой красѣ и свѣжести. Отсюда самъ собой является вопросъ, изъ какихъ источниковъ природа возмѣщала бы эту постоянную потерю азота въ томъ случаѣ, если бы растенія не въ состояніи были брать азотъ прямо изъ воздуха, четыре пятыхъ коего состоятъ изъ этого газа. Эта потеря можетъ отчасти покрываться азотомъ, содержащимся въ искусственномъ удобреніи. Но, съ другой стороны, какъ пока-

зали новѣйшія изслѣдованія, потеря эта можетъ возмѣщаться свободнымъ азотомъ воздуха. Процессъ этотъ можетъ происходить троякимъ образомъ: черезъ посредство почвенныхъ *бактерій* (Knöllchenbakterien), или химическимъ путемъ при помощи атмосфернаго электричества. Роль послѣдняго въ жизни растений не можетъ быть сколько-нибудь значительной, а потому мы остановимся лишь на изслѣдованіи значенія бактерій въ разсматриваемомъ процессѣ.

1. - Различныя мотыльковыя (съ корневыми шишечками).

Говоря вообще, растения могутъ питаться только азотомъ, получаемымъ ими въ видѣ азотнокислыхъ солей, т. наз. нитратовъ; такимъ образомъ, весь вопросъ сводится къ превращенію свободного азота, или азотистыхъ соединений, въ нитраты. Процессъ этотъ называется нитрированіемъ. Разложеніе содержащихъ азотъ органическихъ веществъ подъ вліяніемъ почвенныхъ бактерій начинается съ превращенія ихъ въ болѣе простыя соединения и кончается выдѣленіемъ элементарныхъ составныхъ частей, какъ то: азота, углекислоты, воды. Въ примѣненіи къ азоту, надо различать четыре стадіи этого процесса: 1) образованіе амміака, или его соединений; 2) переходъ амміака въ азотистую кислоту, либо ея соединений; 3) образованіе азотнокислыхъ соединений путемъ

окисленія азотистой кислоты; 4) выдѣленіе свободного азота. Каждый изъ указанныхъ процессовъ совершается подъ вліяніемъ ему только свойственныхъ микроорганизмовъ, причѣмъ каждый изъ видовъ годится лишь для опредѣленной дѣятельности, и не можетъ замѣнить собою вліянія какого-либо другого вида бактерій. Отсюда слѣдуетъ, что если, напр., на лицо имѣются лишь тѣ организмы, которые способствуютъ образованію амміака, процессъ разложенія останавливается на первой своей стадіи, въ то время, какъ при наличности первыхъ трехъ видовъ бактерій, дѣло доходитъ до образованія азотной кислоты. Само собою понятно, что для земледѣлія наилучшіе результаты получаются отъ образованія азот-

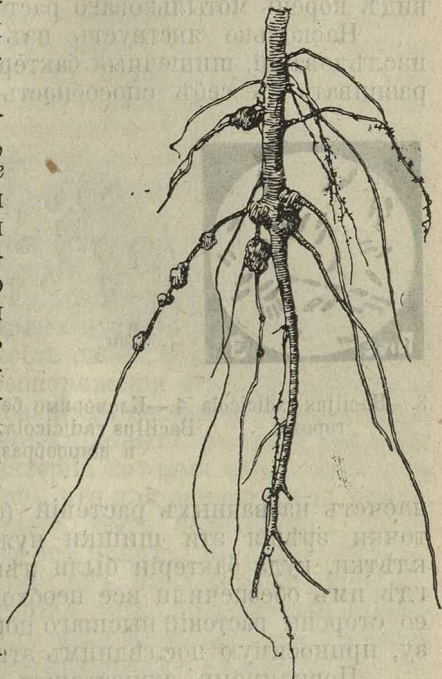

ной кислоты, между тѣмъ какъ присутствіе организмовъ, выделяющихъ свободный азотъ, отзывается на немъ вредно.

Бактеріи, содѣйствующія выдѣленію амміака, весьма разнообразны. Наиболѣе важнымъ оказывается видъ, носящій названіе *Bacillus mycoides*. Его можно встрѣтить повсюду въ верхнемъ слое почвы, равно какъ и въ воздухѣ.

Изъ бактерій, въ присутствіи которыхъ совершается переходъ амміака въ азотистую кислоту, извѣстенъ пока лишь одинъ видъ. Бактерія эта была получена въ чистомъ видѣ двумя изслѣдователями—независимо другъ отъ друга—Виноградскимъ и Варрингтономъ. Она попадаетъ во всѣхъ сортахъ почвы, хотя въ нѣкоторыхъ она, повидимому, проявляетъ болѣе энергичную дѣятельность. Микроорганизмовъ, способствующихъ выдѣленію азотной кислоты, тоже пока найдено немного.

Но значительно большее значеніе имѣетъ группа микробовъ, производящихъ *непосредственное дѣйствіе на азотъ воздуха*, переводя его въ соединенія, служащія для питанія растений. Такъ, новѣйшія изслѣдованія показали, что мотыльковыя растенія способны превращать атмосферный азотъ въ питательныя для растений вещества. Что мотыльковыя растенія, къ которымъ, какъ извѣстно, принадлежатъ клеверъ, горохъ, бобы, люцерна и т. п., обладаютъ способностью повышать качество почвы,—объ этомъ знали уже въ древности. Земледѣльцу давно извѣстно, что урожай зерновыхъ хлѣбовъ будетъ хорошъ, если до того тамъ росли мотыльковыя растенія. Но объяснить причину хорошаго урожая никто не умѣлъ, да и не могъ умѣть до тѣхъ поръ, пока почва рассматри-

2.—Корень желтой люцерны съ бактерійными шишками.

валась, какъ смѣсь вывѣтрившихся горныхъ породъ съ мертвой органической землей. Многочисленные ученые и въ числѣ ихъ Бертелло, Буссиньо, Вилль, занимались между прочимъ изслѣдованіемъ этого вопроса, но никто изъ нихъ не далъ болѣе или менѣе правильнаго его рѣшенія. Тотъ фактъ, что исключительная фیزیологическая способность мотыльковыхъ растений содѣйствовать питанію почвы основана единственно на ихъ отношеніи къ азоту—былъ впервые установленъ съ надлежащей ясностью лишь въ послѣднее дѣсятилѣтіе. Важнѣйшими изслѣдованіями въ этой области мы обязаны Геллригелю (Hellriegel). Онъ удостовѣрилъ способность различныхъ мотыльковыхъ растений скоплять значительныя количества азота; доказалъ несомнѣнность участія почвенныхъ микроорганизмовъ въ этомъ процессѣ и, какъ на внѣш-

ній признакъ наличности упомянутой способности мотыльковыхъ растеній, указалъ на корневья шишечки, встрѣчаемыя на этихъ растеніяхъ. Уже и раньше замѣчали, что корневья мочки мотыльковыхъ растеній покрыты массой шишекъ величиною съ горошину или съ молотое зерно, но это принимали за болѣзненное образованіе. Въ настоящее время удостовѣрено, что въ этихъ шишкахъ живутъ бактеріи, обладающія способностью переводить атмосферный азотъ въ его соединенія, необходимыя для питанія растеній. На прилагаемыхъ рисункахъ (рис. 1) изображены эти характерныя шишки. Рисунки представляютъ чистую культуру голубого lupина и различныя мотыльковыя растенія, полученныя изъ имѣнія докт. Шульцъ-Лупица. На рис. 2 изображенъ въ увеличенномъ видѣ корень мотыльковаго растенія съ характерными шишками.

Насколько явствуетъ изъ до сихъ поръ производившихся изслѣдованій, шишечныя бактеріи не въ состояніи самостоятельно развиваться въ себѣ способность собирать азотъ, но существуютъ

3.—*Bacillus radicolica* 4.—Клеверные бактеріонды отъ 5.—Гороховыя бактеріонды
гороха. *Bacillus radicolica*, грушевиднаго отъ *Bacillus radicolica*,
и шарообразнаго типа. рогаго типа.

насчетъ названныхъ растеній (см. рис. 6 и 7). Съ біологической точки зрѣнія эти шишки нужно разсматривать, какъ рабочія клѣтки, куда бактеріи были нѣкоторымъ образомъ вовлечены, и гдѣ имъ обезпечили все необходимое для жизни и размноженія со стороны растеній высшаго порядка взамѣнъ за извѣстную пользу, приносимую послѣднимъ этими бактеріями (симбіозъ).

Повидимому, существуетъ только одинъ видъ микроорганизмовъ этого рода. Разнородныя бактеріи, встрѣчаемыя на шишечкахъ многочисленныхъ видовъ мотыльковыхъ растеній, должны быть причислены къ разновидностямъ одного и того же вида, явившимся вслѣдствіе приспособленія. Вопросомъ объ однородности этихъ бактерій усердно занимались многіе изслѣдователи, и въ числѣ ихъ Бейеринкъ (Beijerinck), Ноббе и Гильтеръ. Первый изъ нихъ назвалъ этотъ видъ бактерій общимъ именемъ „*Bacillus radicolica*“, которое затѣмъ было принято повсюду. Др. Булертъ (Buhlert) тоже производилъ обширныя изслѣдованія въ этой области. Такъ называемые, бактеріонды представляютъ переходную форму развитія шишечной бактеріи (см. фиг. 4 и 5).

Чѣмъ больше растительная энергія разсматриваемыхъ мотыльковыхъ, независимо отъ дѣйствія шишечныхъ бактерій, тѣмъ значительнѣе оказывается противодѣйствіе проникновенію шишечныхъ бактерій въ корневья мочки, и тѣмъ менѣе вѣроятна возможность прохода и дальнѣйшаго существованія этихъ бак-

терій внутри растений. Такое различіе въ степени противодѣйствія пропуску микробовъ даетъ прекрасное средство отличать болѣе дѣятельныя шишечныя бактеріи почвы отъ слабѣйшихъ ихъ видовъ. Въ общемъ, повидимому, самыя интенсивныя бактеріи заключаются въ тѣхъ шишкахъ, которыя раньше всего появляются и потомъ обыкновенно остаются на главныхъ корняхъ растений. Большинство мотыльковыхъ растений въ тотъ моментъ, когда начинаютъ цвѣсти, принимаютъ $\frac{2}{3}$ общаго потребляемаго ими количества азота. Въмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что только тѣ мотыльковыя растения могутъ поглощать значительное количество азота, которыя встрѣчаютъ на мѣстѣ воздѣлки подходящія во всѣхъ отношеніяхъ условія для своего произрастанія. Образованіе благоприятныхъ условій посредствомъ удобренія почвы калиемъ, фосфорной кислотою и известью, обильное орошеніе и всякое другое мѣстное улучшеніе способствуютъ при наличности интенсивно дѣйствующихъ бактерій усиленному поглощенію азота мотыльковыми растениями. Было сдѣлано много попытокъ привить эти организмы корнямъ другихъ растений, до сихъ поръ, однако, всѣ усилія въ этомъ направленіи остались тщетными.

Благодаря этому важному открытію земледѣлецъ въ настоящее время имѣетъ возможность узнать причину, въ силу которой повышается плодородіе почвы, если воздѣлывать въ ней клеверъ, люцерну, lupinъ и т. п.; ему указанъ путь, слѣдуя которому онъ можетъ повысить производительность своей земли насчетъ имѣющагося во всякое время въ его распоряженіи атмосфернаго азота. Для практики земледѣльческаго хозяйства весьма важно то обстоятельство, что для даннаго вида мотыльковыхъ растений наиболѣе интенсивными оказываются тѣ бактеріи, которыя зарождаются на ихъ же шишкахъ. Отсюда слѣдуетъ, что для земледѣльца, воздѣлывающаго мотыльковыя, не можетъ быть безразлично, какая разновидность бактерій имѣется на его поляхъ; не надо забывать, что наибольшій доходъ, къ которому онъ, какъ разсчетливый хозяинъ, долженъ стремиться, получится лишь при условіи наблюденія надъ тѣмъ, чтобы при воздѣлываніи мотыльковыхъ растений каждый разъ имѣлись на лицо соотвѣтственныя бактеріи. Только при соблюденіи этого условія образованіе шишекъ будетъ идти правильно, возможно быстро, и поглощеніе азота будетъ происходить безъ задержки и въ значительномъ количествѣ.

Эти соображенія дали толчекъ къ систематической разводкѣ этихъ организмовъ съ тѣмъ, чтобы вводить ихъ въ тѣ сорта почвы, гдѣ указанныя бактеріи отсутствуютъ. Перенесеніе шишковыхъ бактерій путемъ такой *почвенной прививки* въ новый грунтъ, впервые предпринятое Заафельдомъ, дало въ нѣсколькихъ случаяхъ прекрасные результаты. Въ виду того, однако, что для этого необходимо значительное количество земли, перевозка и примѣненіе которой сопряжены съ большими расходами,—этотъ пріемъ можетъ употребляться лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Чистыя культуры искусственнаго приготовленія, подъ названіемъ „Нитрагинъ“, приводили въ началѣ къ менѣе благоприятнымъ результатамъ. Только недавно благодаря трудамъ Гильтнера въ этомъ вопросѣ наступила серьезная перемѣна къ лучшему. Можно теперь изготовить такую удобрительную прививку, которая по спо-

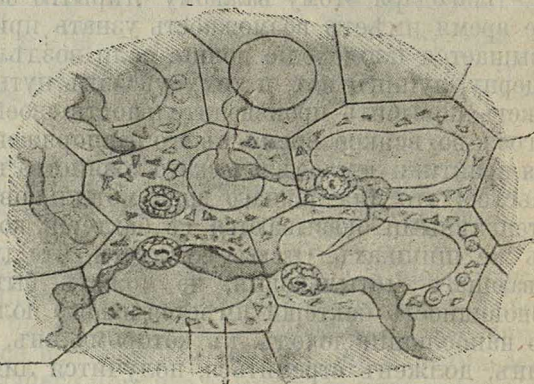

способности образовывать шишки и собирать азотъ значительно выше почвенныхъ бактерій. Нитрагиновые культуры доставляются въ небольшихъ бутылочкахъ и передъ употребленіемъ въ дѣло смѣшиваются и взбалтываются съ соответственнымъ количествомъ тяжелаго чернозема, съ тѣмъ чтобы организмы при дальнѣйшемъ размѣшиваніи распредѣлялись вмѣстѣ съ плотной массой. Когда, послѣ подобнаго приготовленія прививочной почвы, развитіе бактерій распространится достаточно широко, то приготовленная такимъ образомъ земля разбрасывается по полю. Упомянутыя культуры можно также перемывать въ водѣ, которою затѣмъ смочить сѣмена мотыльковыхъ растений; въ этомъ случаѣ бактеріи попадаютъ въ почву непосредственно вмѣстѣ съ сѣменами.

Что касается упомянутыхъ выше микроорганизмовъ, самостоятельно живущихъ въ почвѣ, то и ихъ культуру тоже удалось получить. Одна изъ нихъ, добытая работами Байера, въ Эльберфельдѣ, извѣстна подъ названіемъ „Алинить“. Эта послѣдняя содержитъ въ себѣ зародыши, подъ влияніемъ коихъ свободный

6.—Ростокъ гороха, который предварительно былъ зараженъ *Bacillus radicicola*.

7.—Развитіе *Bacillus radicicola* въ корневой ткани гороха.

азотъ вступаетъ въ химическія соединенія, полезныя особенно для питанія злаковъ. Она представляетъ желтовато-бурый безформенный порошокъ, который разводятъ въ водѣ и этимъ составомъ смачиваютъ сѣмена передъ посѣвомъ. Такимъ путемъ къ каждому сѣмени пристаётъ отъ 500 до 1000 бактерій. Съ этимъ составомъ было произведено уже много опытовъ, но пока нельзя сказать ничего рѣшительнаго.

Итакъ, теоретическія соображенія приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: если мы опустимъ въ землю сѣмя съ большимъ числомъ бактерій, обладающихъ способностью превращать какъ уже имѣющийся въ почвѣ азотъ въ пищу растений, такъ и поглощать свободный атмосферный азотъ—то можно рассчитывать на такое быстрое и успѣшное развитіе молодыхъ растений, что блестящій урожай обезпеченъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ также забывать, что въ почвѣ, благоприятной для ихъ развитія, бактеріи размножаются съ чрезвычайной быстротой. И потому

можно было бы прибавить, что полезное вліяніе бактерій легче достигнуть путемъ созданія благоприятныхъ условій для ихъ размноженія, чѣмъ простымъ впусканіемъ въ почву цѣлой массы этихъ организмовъ съ цѣлью ихъ дальнѣйшаго развитія.

Въ земледѣльческомъ обиходѣ знаніе свойствъ шипковыхъ бактерій, собирающихъ азотъ, можетъ принести большую пользу, если оно будетъ примѣнено на практикѣ. На пространствѣ Германской имперіи около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ гектаровъ засѣяно мотыльковыми растеніями, служащими какъ для корма скота и удобренія почвы, такъ и въ пищу людямъ. Къ этому надо прибавить площади, на которыхъ мотыльковыя растенія засѣяны, какъ примѣсъ къ другимъ; далѣе, слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что площадь, занимаемая этими растеніями, составляетъ довольно значительную часть 6 милл. гектаровъ лугового пространства.

Въ общемъ можно считать, что подъ воздѣлываніе мотыльковыхъ растеній для цѣлей сельскаго хозяйства идетъ 5 милліоновъ гектаровъ земли. Количество азота, поглощаемое ими, можно принять равнымъ 100 килогр. на 1 гектаръ. Если предположить, что только половина этого количества получается изъ атмосфернаго воздуха, то и тогда благодаря указаннымъ свойствамъ шипечныхъ бактерій въ пользу народнаго хозяйства остается прибавка, которая при переводѣ на деньги составитъ 300 милліоновъ марокъ. Если бы удалось посредствомъ примѣненія удобрильной прививки повысить, скажемъ, на 10 килогр. на 1 гектаръ азотопоглощательную способность мотыльковыхъ растеній, идущихъ на поддержаніе земледѣльской культуры, то получаемый отсюда выигрышъ опредѣлился бы въ 50 мил. килогр. азота, что, равняясь по цѣнѣ 60 милл. марокъ, соответствуетъ въ круглыхъ цифрахъ $\frac{2}{3}$ ввозимаго и употребляемаго для земледѣлія количества чилийской селитры во всей Германской имперіи.

Изъ приводимыхъ соображеній можно заключить, что *земледѣлецъ будущаго* будетъ имѣть возможность получать необходимый для своей земли азотъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Прежде всего сама природа съ древнѣйшихъ временъ нагромождаетъ въ извѣстныхъ мѣстахъ земного шара огромные запасы азота, которые еще много времени будутъ служить главнѣйшими источниками полученія этого газа. Эти хранилища, доставляющія азотъ въ видѣ нитратовъ находятся въ лощинахъ и другихъ хорошо защищенныхъ мѣстахъ, гдѣ притомъ дождь выпадаетъ такъ рѣдко, что его недостаточно для растворенія образовавшихся нитратовъ. Въ Южной Америкѣ имѣются значительные участки, почва которыхъ въ той или другой степени насыщена такими нитратами. Среди послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ чилийская селитра. Далѣе, въ почву иногда проникаютъ содержащія азотъ вещества путемъ обыкновеннаго уваживанія; между прочимъ въ данномъ случаѣ могутъ имѣть большое значеніе и тѣ удобрильные вещества, которыя получаютъ химическимъ путемъ.

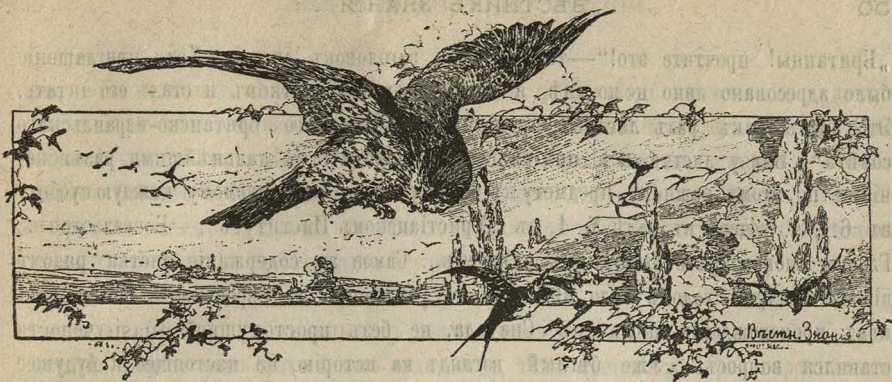
Кромѣ того, источникомъ еще можетъ служить атмосферный азотъ, вступающій въ соединенія подъ вліяніемъ электрическаго разряда, химическаго процесса или, наконецъ, при содѣйствіи специальныхъ свойствъ упомянутыхъ микроорганизмовъ. И потому въ настоящее время главная задача при изслѣдованіи свойствъ почвы состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, въ какой формѣ она

содержитъ азотъ, и къ какому виду принадлежатъ бактеріи, вліяющія на процесъ нитраціи. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ по распоряженію Земледѣльческаго Департамента (Departement of Agriculture) ему были доставлены недавно изъ разныхъ мѣстностей страны образцы почвы; имѣется въ виду не только подвергнуть ихъ физическому и химическому анализу, но вмѣстѣ съ тѣмъ привести въ извѣстность содержащіеся въ нихъ микроорганизмы; одновременно съ этимъ общество берлинскихъ фабрикъ, приготовляющихъ фосфоръ, назначило премію съ цѣлью поощренія изслѣдованій по вопросу объ увеличеніи плодородія почвы благодаря дѣятельности бактерій и другихъ микроорганизмовъ, въ зависимости отъ вліянія минеральнаго удобренія; премія составляетъ сумму въ 40,000 марокъ. Хотя произведенныя до сихъ поръ попытки не привели къ практическимъ результатамъ, тѣмъ не менѣе, есть основаніе надѣяться, что все достигнутое въ этомъ направленіи не является еще предѣломъ достижимаго, и что дальнѣйшія изысканія будутъ сопровождаться бѣльшимъ успѣхомъ.

Проф. В. И. Ивановскій.

Изъ поѣздокъ по Англіи.

I.

Кому приходилось жить въ Англіи и входить въ англійскую жизнь, тотъ, несомнѣнно, никогда не забудетъ той массы свѣжихъ оригинальныхъ впечатлѣній, какую даетъ «владычица морей» континентальному наблюдателю... Маленькая страна, протянувшая свои шупальцы во всѣ концы міра; монархія, въ которой правительство играетъ относительно ничтожную роль, — да и та выполняется не монархомъ, а учреждениями республиканскаго характера; народъ, старающійся все дѣлать частной инициативой, не выносящій никакой опеки, сильный и мужественный; безчисленное множество мелкихъ религій, отлично приспособленныхъ къ общему дѣловому строю жизни и усиленно вносящихъ въ него идеальный элементъ безъ борьбы съ этимъ строемъ, безъ его принципиальнаго отрицанія. Человѣкъ вырастаетъ тамъ на относительной свободѣ, развивается органически въ суровой борьбѣ, но безъ массы искусственно придуманныхъ людьми стѣсненій и путей... Поэтому въ Англіи, несмотря на значительное единообразіе внѣшности, внутреннее существо человѣческой личности чрезвычайно своеобразно и разнообразно: тамъ могутъ сохраняться и проявляться всѣ индивидуальныя оттѣнки характеровъ, всѣ склады убѣжденій... Недаромъ Англія — классическая страна всякаго рода чудаконъ, оригиналовъ: покажется англичанину, что въ судьбѣ англійскаго народа есть сходство съ судьбой еврейства, и онъ учреждаетъ общество для доказательства того, что англійскій народъ произошелъ отъ еврейскаго, что англичане именно и суть потомки тѣхъ десяти коленъ народа еврейскаго, которыя были отведены въ плѣнъ въ Ассирію и о которыхъ съ тѣхъ поръ ничего не знаютъ. И надо посмотрѣть, какъ онъ это доказываетъ! Что за аргументы!...

Будучи въ Глазго во время выставки 1901 года, я проходилъ однажды вечеромъ подъ проливнымъ дождемъ близъ выставочныхъ зданій. Какой-то старикъ на углу всовывалъ всѣмъ проходившимъ листки; получилъ таковой и я...

„Британцы! прочтите это!“—таковъ былъ заголовокъ листка. Хотя приглашеніе было адресовано явно не ко мнѣ, я заинтересовался листкомъ и сталъ его читать. Это былъ какъ разъ листокъ пропаганды „Сѣвернаго британско-израильскаго совѣта“. Внизу листка всѣ приглашались приходить за дальнѣйшими разъясненіями по этому важному предмету къ богослуженію, совершаемому каждую субботу въ 6½ ч. вечера въ залѣ № 4, въ „Христіанскомъ Институтѣ“,—Восвельстритъ, Глазго. Словомъ, все было какъ слѣдуетъ... Самое же содержаніе листка рядомъ діалектическихъ ходовъ вело читателя къ убѣжденію въ еврейскомъ, богоизбранномъ происхожденіи англичанъ. Сначала, не безъ простодушной quasi-учености ставился вопросъ: „Уже бѣглый взглядъ на исторію, на настоящее и будущее Британской имперіи и народа возбуждаетъ во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ самое глубокое удивленіе и сразу вызываетъ вопросъ: какъ это? почему это? откуда это!“

Погрузивъ такимъ образомъ читателя въ полное изумленіе и недоумѣніе, пропагандистъ начинаетъ понемногу высвобождать его изъ этого состоянія. Дѣло оказывается довольно просто: стоитъ сопоставить нѣкоторыя особенности, принадлежащія англійскому народу, и притомъ ему одному, съ тѣмъ, что Библія говоритъ объ Израилѣ, и выводъ станетъ неизбежнымъ. Такихъ характерныхъ для англійской націи чертъ листокъ насчитываетъ цѣлыхъ 16: эта нація „проповѣдуетъ Евангеліе спасенія черезъ вѣру въ Господа и Спасителя Іисуса Христа всѣмъ народамъ и языкамъ“ (сравни, что говорится объ Израилѣ въ кн. Бытія, XXII, 18, Исаіи, XXVII, 6; Михея, V, 7 и т. д.); она „разбиваетъ всякое ярмо и освобождаетъ угнетенныхъ“ (ср. Исаіи, LVIII, 6—7), она „чититъ субботу“, „обладаетъ огромными богатствами“, „даетъ взаймы многимъ націямъ, но сама не занимаетъ ни у одной“, она „единственная нація, колонизація которой успѣшна“, „которая предана пьянству, какъ національному грѣху“ (сравни Исаіи, XXVIII, 1—4); наконецъ, и самое имя ея идетъ отъ Исаака: Isaac-sons (сыны Исаака) = Saac-son = Saxons... Отсюда выводъ уже простъ до послѣдней степени: „всѣ эти и многія другія совпаденія того, что можно сказать объ англичанахъ, съ тѣмъ, что Библія говоритъ объ Израилѣ, можно объяснить только, если признать британскій народъ прямымъ потомствомъ десяти коленъ Израилевыхъ, уведенныхъ въ плѣнъ въ Ассирію около 721 года до Р. X. и затѣмъ потерявшихъ для исторіи... Пророчества относительно Мессіи исполнились въ Іисусѣ изъ Назарета; поэтому Іисусъ изъ Назарета есть Мессія и единственный Спаситель. Пророчества относительно дома Израилева исполнились британскимъ народомъ; слѣдовательно, именно британскій народъ, а вовсе не евреи суть домъ Израилевъ“.

На оборотѣ листка приведены 6 мнѣній разныхъ, предполагаемыхъ болѣе или менѣе компетентными, лицъ, высказывающихся въ томъ же смыслѣ; а затѣмъ заявляется, что каталогъ изданій, трактующихъ о томъ же вопросѣ (число этихъ изданій около 300)—можно бесплатно получать тамъ-то.

II.

Но не всегда, конечно, оригинальность заставляетъ англичанина чудачить; очень часто она принимаетъ серьезныя формы: человѣкъ начинаетъ искать на свой страхъ выхода изъ какого-нибудь житейскаго противорѣчія, старается личными силами сдѣлать что-нибудь на благо страдающаго человечества. Поэтому Англія—страна не однихъ чудачковъ, а также и практическихъ филантроповъ, безбоязненно проповѣдующихъ и старающихся осуществлять свои идеи; Гауардъ (у насъ произносятъ обычно Говардъ), Оуэнъ, Уильберфорсъ и многіе, многіе другіе—фигуры чисто англійскія, невозможныя въ этихъ своихъ размѣрахъ ни въ какой другой странѣ. Корень какъ англійскаго чудачества, такъ и англійской филантропіи одинъ: это независимость личнаго убѣжденія и привычка къ свободѣ дѣйствій; разница лишь въ содержаніи этихъ убѣжденій и этой дѣятельности. И этотъ корень характеренъ для Англіи: и въ другихъ странахъ нашлось бы не меньше людей, скорбящихъ сердцемъ за ближнихъ, переживающихъ чужія страданія какъ свои собственные; но тамъ эти чувства далеко не такъ часто принимаютъ формы практической, личной борьбы со зломъ: тамъ они либо остаются въ формѣ болѣзненной отзывчивости, обливающейся кровью, но лишенной всякаго активнаго характера, либо объективируются въ произведеніяхъ искусства, либо наконецъ заставляютъ человѣка возлагать свои надежды на государство и такимъ образомъ переходить въ политическую борьбу.

Не возводя въ перлъ созданія типично-англійской, практической филантропіи, мы не можемъ въ то же время отказать ей въ нашемъ глубокомъ уваженіи, не можемъ не интересоваться тѣми все новыми и новыми формами, которыя она принимаетъ. Съ одною изъ новыхъ попытокъ мнѣ кажется не лишнимъ познакомить и русскихъ читателей...

За послѣдніе 2—3 года въ различныхъ органахъ англійской печати стали время отъ времени появляться сообщенія объ интересныхъ и разумно поставленныхъ учрежденіяхъ для рабочаго класса, созданныхъ миллионерами, владельцами огромной шоколадной фабрики братьями Кэдбери въ Бурнвилѣ, верстахъ въ 7—8 отъ Бирмингэма. Одна изъ этихъ статей—не помню сейчасъ, въ какомъ именно изъ весеннихъ номеровъ «Review of Reviews» за 1902-й годъ—настолько заинтересовала двухъ изъ моихъ жившихъ въ Лондонѣ друзей, что они захотѣли сами осмотрѣть всѣ эти диковинки. Доставъ отъ одного изъ видныхъ лондонскихъ журналистовъ и личнаго друга Кэдбери introducing letter, какъ называютъ въ Англіи рекомендательныя письма (безъ нихъ тамъ очень трудно куда бы то ни было проникнуть), они пригласили и меня отправиться съ ними. Въ одно изъ первыхъ чиселъ мая они захѣли за мной въ Оксфордъ, и вечеромъ того же дня мы были уже въ Бирмингэмѣ. Переночевавъ тамъ, мы на слѣдующее утро поѣхали въ экипажѣ въ Бурнвилъ и были любезно приняты м-ромъ Джорджемъ Кэдбери. Въ краткихъ чертахъ рассказавъ пѣль того, что онъ и его покойный братъ сдѣлали, онъ поручилъ своему сыну и двумъ служащимъ показать намъ какъ фабрику, такъ и поселеніе Бурнвилъ.

Я не буду, конечно, даже и пытаться передать то, что мы видѣли на фабрикѣ; все это имѣетъ специальный интересъ и требуетъ для передачи техни-

ческихъ познаній. Замѣчу только, что фабрика, дѣйствительно, огромная... Надъ цѣлымъ городкомъ корпусовъ поднимаются семь высокихъ трубъ; всего въ этихъ корпусахъ работаетъ болѣе 3.500 человѣкъ. По мѣрѣ того, какъ вы проходите по различнымъ отдѣленіямъ, вамъ показываютъ разныя удивительныя вещи: огромные приборы для жаренія бобовъ какао *) (въ каждомъ такомъ приборѣ за разъ жарится одна тонна, т. е. 60 пудовъ бобовъ), аппараты для топки котловъ не прямо каменнымъ углемъ, а приготовленнымъ изъ послѣдняго особымъ газомъ (что, говорятъ, составляетъ выдающуюся новинку) и т. д. Интересъ осмотра сосредоточенъ на рабочемъ поселеніи Бурнвилъ, къ которому мы и спѣшимъ перейти.

III.

Устройство поселенія для рабочихъ было задумано и начато обоими братьями—Ричардомъ и Джорджемъ Кэдбери. Однако, въ 1899 году мистеръ Ричардъ Кэдбери умеръ, такъ что заканчивать дѣло пришлось уже одному Джорджу. Такъ какъ его одного называютъ во всѣхъ документахъ «основателемъ» дѣла (The Founder), то и я въ дальнѣйшемъ буду говорить о немъ одномъ. Родъ Кэдбери—старинный квакерскій. Они разбогатѣли въ XIX столѣтіи, когда занялись фабрикаціей шоколада. Сначала ихъ фабрика помѣщалась въ самомъ Бирмингемѣ (въ Бурнвилъ она переведена, если не ошибаюсь, лѣтъ 30 тому назадъ). Хотя Бирмингемъ еще не такъ черенъ и лишенъ воздуха, какъ, напр., Шеффилдъ, Лидсъ, Манчестеръ и др. фабричныя центры Англіи, тѣмъ не менѣе, и въ немъ рабочее населеніе живетъ въ грязныхъ и вонючихъ улицахъ, лишенныхъ воздуха и солнечнаго свѣта, вдали отъ луговъ и парковъ, въ которыхъ можно было бы поиграть и отдохнуть на волѣ; усталые нервы нечѣмъ подбодрить, кромѣ спиртныхъ напитковъ, продающихся въ многочисленныхъ кабакахъ, гдѣ молодыхъ рабочихъ поджидаютъ женщины болѣе или менѣе не-приватнаго характера... Картина знакомая всякому, жившему въ фабрично-заводскихъ центрахъ!

Съ грустью смотрѣлъ на такое положеніе Джорджъ Кэдбери. Болѣе 40 лѣтъ (сейчасъ ему на видъ съ небольшимъ 60) руководить онъ «классомъ Библіи» въ воскресной школѣ для мужчинъ-рабочихъ. Знакомая тамъ лично съ бытомъ тружениковъ, разузнавая подробности ихъ тяжелой жизненной борьбы, онъ всегда поражался тѣмъ, сколько всевозможныхъ препятствій стоитъ на пути рабочаго въ его стремленіи улучшить свое положеніе. Задумываясь надъ вопросомъ о томъ какъ бы помочь бѣдѣ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что прежде всего надо вырвать рабочаго изъ городской грязи, поселить его въ здоровыхъ условіяхъ деревенской жизни. И онъ покупаетъ большой участокъ земли (въ 330 акровъ), прилегающій къ фабрикѣ, и основываетъ на немъ поселеніе для рабочихъ «Бурнвилъ». Приглашенные имъ архитекторы вырабатываютъ типы коттеджей, которые строятся по два подъ одной крышей и стиль которыхъ отличается возможнымъ разнообразіемъ: Кэдбери хочетъ избѣжать удручающаго вида англійскихъ дешевыхъ коттеджей, тянувшихся часто на полверсты безъ малѣйшаго перерыва, стѣна къ стѣнѣ и, какъ кирпичи, похожихъ одинъ на другой. При каждомъ домѣ нарѣзы-

*) Фирма имѣетъ большія плантаціи какаоваго дерева на о. Тринидадѣ.

вается садъ, занимающій, какъ общее правило, втрое больше земли, чѣмъ домъ. Кромѣ того, чтобы предупредить скученность, Кэдбери рѣшаетъ оставить подъ парки и площадки для игръ около $\frac{1}{10}$ всей земли. Это обиліе незастроенной земли, если принять во вниманіе широкія (въ 6 сажень), обсаженные деревьями, улицы и сады при коттеджахъ, придаетъ поселенію очень красивый видъ дачнаго мѣстечка, привольно раскинушагося въ паркѣ. Часть коттеджей (143) была сдана съемщикамъ на 999 лѣтъ, т. е., въ сущности, продана въ полную собственность съ выплатой стоимости коттеджей на льготныхъ условіяхъ; но когда выяснились нѣкоторые неудобства этой системы, стали сдавать коттеджи въ наемъ понедѣльно (такихъ коттеджей въ началѣ 1902 года было 227). Во всѣхъ этихъ 370 домахъ жило около 2.000 человекъ.

Надо замѣтить слѣдующее очень важное обстоятельство: эти коттеджи предназначены не специально для рабочихъ фабрики Кэдбери, а вообще для трудящагося люда. И хотя, въ виду удобства положенія деревни, большинство коттеджей занято рабочими Кэдбери, въ значительномъ числѣ ихъ живутъ рабочіе съ другихъ фабрикъ Бирмингемскаго района (такъ какъ Бурнвилъ въ 5 миляхъ отъ Бирмингема, то въ послѣдній легко попасть на велосипедѣ или по желѣзной дорогѣ, станція которой у самой фабрики, или электрическимъ трамваемъ, гдѣ плата въ оба конца 2 пенса, т. е. 8 копеекъ). Такимъ образомъ до извѣстной степени уже а priori исключается возможность пользованія со стороны хозяевъ фабрики этими жилищами, какъ средствомъ привлекать къ себѣ рабочихъ и заставлять ихъ соглашаться на невыгодное для нихъ вознагражденіе за ихъ трудъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и фактъ понедѣльнаго найма коттеджей: рабочий ничего не приобретаетъ въ закабаляющую его «собственность»,—онъ свободенъ во всякій моментъ уйти, разъ, конечно, онъ найдетъ въ другомъ мѣстѣ лучшія условія вознагражденія и лучшую обстановку.

Недѣльные платы за коттеджи колеблются между $6\frac{1}{2}$ и 9 шиллингами (3 р.—4 р. 10 к.) въ недѣлю, при чемъ въ девятишиллинговыхъ коттеджахъ плата за газъ, воду и канализацію ложится на нанимателя (эта плата составляетъ приблизительно 25% суммы, платимой за коттеджъ). За $6\frac{1}{2}$ шиллинговъ рабочий получаетъ слѣдующее помѣщеніе. Въ нижнемъ этажѣ—передняя, ватер-клозетъ, корридоръ съ лѣстницей во-2-й этажъ, кладовая, гостиная съ большимъ, выдающимся наружу, специально англійскимъ окномъ (такъ наз. bay-window) и кухня (въ ней ванна); размѣры гостиной $13\frac{1}{2}$ и 11 футовъ, кухни— $16\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$, кладовой 7 и $7\frac{1}{2}$ футовъ. Во второмъ этажѣ три спальнхъ комнаты: одна $13\frac{1}{2}$ и 11 футовъ, другая— $11\frac{1}{2}$ и 9, третья— $7\frac{1}{4}$ и $8\frac{1}{2}$: тутъ же небольшой чуланъ для бѣлья и платья. Въ болѣе дорогихъ коттеджахъ расположеніе комнатъ такое же, только самыя комнаты нѣсколько больше и вмѣсто чулана для бѣлья и платья имѣется лишняя спальная комната; наконецъ, въ девятишиллинговыхъ домахъ для ванны отведена особая комната. Плата за наемъ домовъ въ Бурнвилѣ приблизительно на $\frac{1}{4}$ ниже обычной въ Англіи платы за рабочий коттеджъ. Кромѣ того, обыкновенный коттеджъ меньше и хуже построенъ, стоитъ на грязной и вонючей улицѣ; при немъ нѣтъ сада, около него нѣтъ никакого парка, ни мѣстъ для игръ... Если принять все это во вниманіе, то на-

емная плата бурнвилльскихъ коттеджей можетъ стать совѣтъ не сравнимой съ «средней рыночной».

Сады при коттеджахъ засажены на счетъ устроителя поселка плодовыми деревьями и сдаются нанимателямъ коттеджа (безъ всякой приплаты, конечно) уже вполне готовыми. Высчитано, что при интенсивной культурѣ каждый такой садикъ можетъ приносить плодовъ и овощей среднимъ числомъ, по тамошнимъ цѣнамъ, на 2—2½ шиллинга въ недѣлю, и если бы семья рабочаго не смогла или не хотѣла потребить всѣхъ продуктовъ своего сада, она могла бы часть продавать на сторону. Кэдберы, какъ квекеры, большіе сторонники безубойнаго питанія и всячески поощряютъ поэтому потребленіе плодовъ. Съ этою цѣлью, напр., особый участокъ земли выдѣленъ подъ 200 небольшихъ садиновъ, сдаваемыхъ жителямъ сосѣднихъ фабричныхъ поселеній. При этихъ садиновъ состоятъ два специалиста-садовника, съ подчиненнымъ имъ персоналомъ садовыхъ рабочихъ, дающіе всякаго рода указанія по плодоводству нанимателямъ садиновъ; учреждены двѣ школы плодоводства для окрестной молодежи; устраиваются совмѣстныя покупки сѣмянъ и молодыхъ деревьевъ; садовые инструменты даются внаемъ за дешевую плату; основана особая библіотека по садоводству, а зимой читаются лекціи по этой части. И, повидимому, эти старанія остаются не безъ успѣха: по словамъ секретаря, заведующаго поселеніемъ комитета, сады очень цѣнятся населеніемъ и успѣшно обрабатываются, а на годичной мѣстной выставкѣ цвѣтовъ и плодовъ изъ Бурнвилля перебывалъ 1.001 посѣтитель. Многіе рабочіе, кромѣ того, держатъ домашнюю птицу.

IV.

Перехожу теперь къ самому существенному—къ общей юридической и экономической организаціи всего дѣла. Всего на покупку земли и устройство поселенія Джорджемъ Кэдберы истрачено около 180 тыс. фунтовъ стерлинговъ (нѣсколько болѣе 1.700.000 рублей)—истрачено окончательно и безповоротно, такъ какъ въ его кассу не возвращается ни одной копейки изъ платы за коттеджи. Послѣдняя цѣликомъ поступаетъ въ распоряженіе особаго комитета, который долженъ на чистый остатокъ отъ этихъ суммъ покупать новыя земли въ окрестностяхъ Бирмингэма или другихъ фабричныхъ городовъ и основывать на нихъ совершенно такія же «рабочія поселенія».

Актъ передачи дѣла комитету подписанъ не далѣе, какъ 14 декабря 1900 г., такъ что финансовыя результаты предпріятія еще не были выяснены въ концѣ 1901 года, когда были составлены имѣющіеся у меня документы; но полагаютъ, что за покрытіемъ расходовъ по ремонту, содержанію служащихъ въ поселкѣ и т. д. Бурнвилль будетъ давать болѣе 5 т. фунтовъ ст. (50.000 рублей) въ годъ, которые и пойдутъ на составленіе капитала для второго, третьяго и дальнѣйшихъ „Бурнвиллей“.

Въ Актѣ цѣлями предпріятія указаны «доставленіе рабочимъ (постройкой, приспособленіемъ и улучшеніемъ) жилищъ и приобрѣтеніе земли во всѣхъ частяхъ Великобританіи». При этомъ указано, что эти жилища не должны занимать болѣе

$\frac{1}{4}$ всей отведенной для поселенія земли, а рента должна быть фиксирована такъ, чтобы жилища были доступны всѣмъ труженикамъ. Однако, она не должна понижаться до того размѣра, при которомъ дѣло получаетъ характеръ благотворительности. Комитетъ долженъ вступать въ соглашенія съ желѣзными дорогами, компаніями трамваевъ, пароходовъ и проч., чтобы обезпечить населенію поселковъ дешевыя средства сообщенія; онъ можетъ покупать, арендовать землю, строить дома, дѣлать денежные займы, помѣщать въ доходныя дѣла свои капиталы, а также строить мѣста для богослуженія, госпитали, школы, техническія учрежденія, бібліотеки, гимнастическія залы, прачечныя, бани и проч. При этомъ прямо оговорено, что всѣ эти школы и другія учрежденія должны быть абсолютно чужды всякой религіозной исключительности, должны избѣгать всякаго соперничества вѣроисповѣданій. Внесеніе какой бы то ни было религіозной или политической нетерпимости будетъ, сказано въ Актѣ, «извращеніемъ намѣреній основателя».

Особая статья въ Актѣ посвящена торговлѣ спиртными напитками. Прежде всего поставлено условіемъ, что вообще торговля помѣщеніями не должны занимать болѣе $\frac{1}{15}$ всего числа домовъ поселенія. Далѣе, въ частности относительно заведеній, торгующихъ спиртными напитками, поставлены слѣдующія ограниченія. Прежде всего для открытія такого заведенія требуется единогласное постановленіе комитета; при этомъ послѣдній имѣетъ также право опредѣлять, въ какіе часы заведеніе не можетъ торговать, какое максимальное количество напитковъ можетъ быть продано одному лицу, и вообще обставлять такого рода учрежденія всякими условіями, какія окажутся необходимыми. Далѣе, вся чистая прибыль отъ продажи напитковъ должна употребляться на устройство такихъ видовъ отдыха и такихъ развлеченій, которыя отвлекаютъ публику отъ пьянства. Замѣчу, что изъ этой статьи вытекаетъ (хотя это прямо не сказано), что питейныя заведенія въ поселеніяхъ могутъ принадлежать только самому комитету, а не частнымъ лицамъ; въ противномъ случаѣ комитетъ не имѣлъ бы никакого права опредѣлять назначеніе для затраты «законной прибыли» этихъ лицъ. Заканчивается эта статья обязательствомъ, налагаемымъ основателемъ поселенія на комитетъ: стремиться къ осуществленію его, основателя, идеи «о полномъ искорененіи продажи и потребленія спиртныхъ напитковъ, если, конечно, такая мѣра не поведетъ, по мнѣнію комитета, къ худшимъ послѣдствіямъ», чѣмъ поставленная въ извѣстныя условія торговля этими напитками.

Къ сожалѣнію, при посѣщеніи фабрики я не обратилъ вниманія на одно важное обстоятельство—на то, изъ кого состоитъ и кѣмъ выбираются или назначаются члены, составляющіе этотъ комитетъ. Нѣтъ указаній на это и въ имѣющихся у меня документахъ. Во всякомъ случаѣ въ Англіи, при тамошней дѣловитости и честности, при необычайно развитомъ у всѣхъ сознаніи отвѣтственности и при полной возможности сдѣлать во всякую минуту дѣйствительно отвѣтственными всѣхъ «распорядителей», этотъ комитетъ, можно быть увѣреннымъ, хорошо поведетъ дѣло даже и въ томъ случаѣ, если въ немъ не окажется представителей отъ «непосредственно заинтересованныхъ» лицъ, т. е. отъ жителей даннаго поселка. Комитетъ состоитъ въ финансовомъ отношеніи подъ контролемъ такъ называемаго

Charity Commissioners—по-нашему, нѣчто въ родѣ «департамента благотворительности».

Въ настоящее время въ Бурнвилѣ не только всѣ дома заняты, но есть и еще желающіе, которыхъ хватило бы на половину второго такого же поселенія. Статистики смертности, по которой можно было бы судить о вліяніи новаго образа жизни на здоровье населенія, пока еще нѣтъ. Но вотъ, что писалъ въ своемъ отчетѣ за 1900-й годъ мѣстный Medical Officer of Health (функции этого магистрата всего ближе подходятъ къ нашему «санитарному врачу»):

«Въ предыдущихъ моихъ отчетахъ я уже упоминалъ объ образцовыхъ жилищахъ, построенныхъ мистеромъ Джорджемъ Кэдбери. Не могу опять не выразить своего удивленія передъ выработанною имъ системою. Цѣлью его было удѣлить каждому достаточное количество земли съ массой свѣта и воздуха. Его дома построены согласно всѣмъ новѣйшимъ указаніямъ; всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы сдѣлать ихъ возможно болѣе сухими и вообще гигиеничными. Я не въ состояніи достаточно хвалиться ими и могу только выразить надежду, что и всѣ наши постройки будутъ по мѣрѣ возможности приближаться къ этимъ».

Съ хорошей стороны характеризуетъ предпріятіе и то, что комитетъ смотритъ на свое дѣло безъ излишнихъ преувеличеній, совершенно скромно. Вотъ что пишетъ въ небольшой брошюрѣ, посвященной Бурнвилу, секретарь комитета Джонъ Варлоо:

Ни основатель поселенія, ни комитетъ «вовсе не думаютъ, что ихъ дѣло рѣшаетъ важный вопросъ о жилищахъ для рабочихъ. Это только опытъ, однако, вполне успѣшный. Поэтому его значеніе не исчерпывается тою прямою пользою, какую поселеніе оказываетъ живущимъ въ немъ рабочимъ, доставляя имъ здоровыя жилища и ставя ихъ въ деревенскую обстановку. Поселеніе—еще важнѣе въ качествѣ предметнаго урока, показывающаго, чего можно достигнуть въ этомъ отношеніи. И если бы эти принципы были примѣнены въ большихъ размѣрахъ отдѣльными лицами или же муниципальными учрежденіями, то желательное разрѣшеніе труднаго вопроса могло бы значительно приблизиться».

Нельзя не видѣть всей практичности и разумности предпріятія Кэдбери. Оно лишено характера благотворительности въ узкомъ смыслѣ слова, унижающей того, кто ею пользуется, въ его собственныхъ глазахъ; оно обладаетъ способностью къ неопредѣленному расширенію; наконецъ, самыя принципы и нормы, принятые при устройствѣ Бурнвила, воплощаютъ въ себѣ весь предыдущій опытъ и отличаются необыкновенною рacionalesностью.

V.

Но, кромѣ домовъ для жилья, мистеромъ Кэдбери основанъ въ Бурнвилѣ рядъ другихъ учрежденій, частью для всего населенія Бурнвила, частью специально для рабочихъ его фабрики. Къ первымъ относятся прежде всего такъ называемые Recreation Grounds—площадки для игръ. Площадка, предназначенная для игръ мужчинъ, занимаетъ 14 акровъ; на ней «атлетическій клубъ», въ который входитъ большинство бурнвильцевъ, устраиваетъ зимой футболъ, лѣтомъ крикетъ и другія игры. На этой площадкѣ могутъ одновременно играть въ крикетъ или

футболъ 3 группы; а такъ какъ, напр., въ крикетъ группа играющихъ состоитъ изъ 22 человекъ (двѣ партіи по 11 человекъ въ каждой), то значить, всего могутъ заразъ играть 66 человекъ. Кромѣ этой большой площадки, есть двѣ другихъ, специально для футбола, по 7 экрвъ каждая. Само собою разумѣется, что пользованіе этими площадками, какъ и другими учрежденіями (купальней, библіотекой), бесплатное; но все онѣ доступны только членамъ соответствующихъ клубовъ, взимающихъ небольшой членскій взносъ (на канцелярскіе расходы, ремонтъ и проч.).

Recreation Grounds для дѣвочекъ занимаютъ 12 экрвъ. На нихъ устроенъ рядъ приспособленій для игры въ теннисъ, крикетъ, хоки (особый видъ игры въ мячъ), поставлены гимнастическіе аппараты; для гостей, приходящихъ смотрѣть на состязанія, и для храненія приборовъ для игры, построенъ небольшой легкій домикъ. Другой—гораздо большихъ размѣровъ—служить залой для концертовъ (бурнвиллы сформировали изъ своей среды оркестръ) и для музыкальных классовъ, а также для собраній «клуба дѣвушекъ»; наконецъ, въ немъ же онѣ проводятъ свое свободное время въ дождливую погоду: шьютъ, читаютъ, пьютъ чай.

Для мужчинъ также есть особый павильонъ на ихъ Ground. Это довольно большое двухъэтажное зданіе; въ немъ находятся: гимнастическій залъ, длиною въ 60 футовъ, кухня, буфетъ, столовая и умывальная комната съ нѣсколькими душами. Наконецъ, на отведенномъ для мужчинъ Recreation Ground находится богатый рыбой прудъ, въ которомъ члены рыболовнаго клуба могутъ ловить удочкой, и солидно встроенная купальня, бассейнъ которой—100 футовъ въ длину и 45 въ ширину; тамъ даются уроки плаванія. Вода въ прудѣ проточная, такъ какъ по неглубокой долинѣ, прорѣзывающей раскинутый на невысокихъ холмахъ Бурнвилль, вьется маленькая рѣчка.

Особый двухъэтажный домъ (такъ называемый Beeches House—«буковъ домъ») и при немъ меньшихъ размѣровъ Ground, покрытый великолѣпнымъ газономъ, отведены для маленькихъ дѣтей. Въ Beeches House'ѣ дѣти играютъ подъ надзоромъ нянекъ въ дурную погоду; тамъ же собрано и все необходимое для ухода за ними. На Ground сдѣланы качели и поставленъ рядъ простыхъ гимнастическихъ приборовъ.

Особое зданіе отведено подъ «клубъ для молодыхъ людей» (моложе 21 г.). Въ двухъ этажахъ его помѣщаются библіотека съ очень недурнымъ подборомъ книгъ, читальная комната, небольшой музей. Пользованіе этими учрежденіями—бесплатное для всѣхъ желающихъ юношей. Кромѣ общаго «клуба молодыхъ людей», здѣсь собираются еще клубы для прогулокъ и «любителей полей» (Field-Club). Здѣсь же зимой устраиваются чтенія съ туманными картинами, и ведутся разнаго рода занятія—«классы»—особо приглашаемыми руководителями. Еще другое небольшое зданіе отведено подъ «техническую школу», гдѣ желающихъ изъ молодежи обучаютъ плотничному и сапожному ремесламъ.

Большой трехъэтажный домъ отведенъ подъ «комитетскія» лавки и связанные съ ними склады товаровъ. Къ сожалѣнію, въ имѣющихся у меня матеріалахъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ ни о количествѣ членовъ перечисленныхъ клубовъ и о размѣрахъ взносовъ въ нихъ, ни объ оборотахъ этихъ магазиновъ.

VI.

Изъ учреждений, предназначенныхъ для рабочихъ фабрики Кэдбери, я укажу прежде всего на богадѣльню для стариковъ и старухъ (свыше 60 лѣтъ). Это учреждение основано въ 1898 году единолично покойнымъ Ричардомъ Кэдбери и обошлось около 40 т. ф. ст. (нѣсколько меньше 400.000 рублей). Сверхъ того Р. Кэдбери завѣщалъ на содержаніе этой богадѣльни доходъ съ извѣстнаго числа коттеджей Бурнвилля. Зданіе богадѣльни, въ одинъ этажъ, составляетъ большой четырехугольникъ, середина котораго занята газономъ съ раскиданными кое-гдѣ деревьями; въ центрѣ стоятъ небольшая chapel. Въ ней призрѣваемые сходятся, какъ для молитвы, такъ и для всякаго рода общественныхъ собраній—social meetings.

По газону и вдоль зданій (внутри четырехугольника) проложены дорожки, насколько помню, изъ бетона, хорошо нагрѣвающегося и держащаго тепло. Здѣсь, на припекѣ и въ защитѣ отъ вѣтра, старики проводятъ почти все свое время даже зимой. Самое зданіе чисто англійскаго типа; оно состоитъ изъ изящныхъ одноэтажныхъ, идущихъ безъ промежутковъ, коттеджей. Каждому призрѣваемому отводится такой коттеджъ, состоящій изъ двухъ комнатъ (одна изъ нихъ спальня) съ особымъ входомъ, чуланомъ и сѣнями. Обстановка простая, но хорошая. Во всемъ видна заботливость: такъ, напр., каждый коттеджъ снабженъ звонками къ сосѣдямъ для сигнализациі въ случаѣ внезапнаго нездоровья или упадка силъ его обитателя. Въ сущности, эта богадѣльня не исключительно для рабочихъ фабрики Кэдбери: въ нее принимаются и со стороны, только бывшимъ рабочимъ Кэдбери отдается предпочтеніе. Помѣщеніе, освѣщеніе и отопленіе даются бесплатно; но за столъ (5 шил. въ недѣлю) призрѣваемые (или за нихъ ихъ родственники) должны платить, въ чемъ и берется при поступленіи обязательство. Эта черта опять характерна: стараются оставить человѣку сознаніе того, что онъ живетъ не вполнѣ на чужой счетъ, щадятъ его гордость, необыкновенно развитую у англійскихъ рабочихъ, соглашающихся скорѣе умирать съ голоду, чѣмъ идти въ „рабочіе дома“.

Перехожу къ другимъ учрежденіямъ... Вотъ красивый двухъэтажный домъ съ огромными окнами, съ изящнымъ входомъ, украшеннымъ обвитыми плющомъ колоннами. Это Bournville Hall—общезитіе для работающихъ на фабрикѣ Кэдбери дѣвушекъ, не живущихъ съ родителями, потому ли что послѣднихъ уже нѣтъ въ живыхъ, или потому, что они живутъ слишкомъ далеко отъ фабрики. Въ общежитіи—50 мѣстъ. Говорить о его гигиеничности и другихъ достоинствахъ значило бы повторять сказанное уже раньше о всѣхъ вообще постройкахъ Бурнвилля.

Въ Бурнвиллѣ живетъ, какъ я говорилъ, около 2.000 человѣкъ. Если даже принять, что въ немъ нѣтъ ни одного человѣка не изъ фабричныхъ (а такихъ есть извѣстное число), то и тогда, за вычетомъ дѣтей, стариковъ и замужнихъ женщинъ, которыя очень рѣдко работаютъ въ Англіи на фабрикахъ, число живущихъ тамъ дѣйствительныхъ рабочихъ никакъ не можетъ превышать тысячи человѣкъ. А такъ какъ фабрика Кэдбери занимаетъ 3½ тысячи „рукъ“, то, значить, большинство занятыхъ въ ней живетъ въ окрестныхъ деревняхъ или въ Бирмингемѣ. Одни пріѣзжаютъ на фабрику по желѣзной дорогѣ, другіе трам-

ваемъ; но многіе пользуются велосипедами, которые, поистинѣ можно сказать, вошли въ житейскій обиходъ въ Англіи *), благо дороги по большей части очень хороши. И вотъ, для храненія велосипедовъ въ часы работы, Кэдбери строитъ въ Бурнвѣлѣ, около самой фабрики, помѣстительный чистенькій домъ-сарай со стойками для 200 велосипедовъ. Тутъ же имѣются и всѣ приспособленія для чистки и мелкаго ремонта машинъ...

Мнѣ остается указать еще на нѣсколько учреждений, имѣющихъ въ виду здоровье и матеріальное благосостояніе рабочихъ фабрики. Прежде всего—столовая для завтраковъ работающихъ дѣвушекъ. Это огромный залъ, весь заставленный столами и скамейками; онъ вмѣщаетъ въ себѣ около 1.500 человекъ одновременно. Большой штатъ прислуги подаетъ горячія кушанья, продаваемые по неслыханно дешевымъ цѣнамъ. Особенно низки цѣны на кушанья изъ фруктовъ—опять въ силу квекерскихъ убѣжденій Кэдбери: за одно пенни (4 коп.) здѣсь можно получить большое блюдо вкусно приготовленнаго компота. Я очень жалѣю, что у меня не сохранился печатный прейсъ-курантъ, полученный мною при осмотрѣ столовой: я могъ бы дѣйствительно удивить читателей нѣкоторыми цѣнами. Столовая далеко не окупаетъ себя, и значительный перерасходъ мистеръ Кэдбери ежегодно покрываетъ изъ собственныхъ средствъ. Желающіе могутъ ѣсть въ этой столовой и приносимые изъ дому завтраки.

Всѣ рабочіе фабрики застрахованы на случай болѣзни своею принадлежностью къ «больничному клубу» (Sick Club). Особая секція этого клуба выдаетъ вознагражденіе за вынужденно прогульные дни тѣмъ рабочимъ, которые не имѣютъ права являться на фабрику вслѣдствіе того, что въ ихъ семьяхъ есть въ данный моментъ заразные больные. Клубъ содержитъ двухъ обученныхъ сидѣлокъ, ухаживающихъ за больными. На случай усталости работницъ въ помѣщеніи фабрики имъ отведена для отдыха особая комната съ софой и нѣсколькими креслами. Если встрѣчается надобность въ больничномъ лѣченіи, рабочіе обращаются въ комиссію изъ старшихъ рабочихъ и работницъ, которая и выдаетъ имъ записки въ больницу (hospital notes). На случай несчастія или внезапнаго заболѣванія въ разныхъ частяхъ фабрики имѣются переносныя аптечки съ печатными наставленіями, когда и что дѣлать. Этими аптечками завѣдуютъ рабочіе, прослушавшіе курсъ подачи первой помощи и сдавшіе соответствующій экзаменъ (St. John's Ambulance Examinations).

Особый фондъ положенъ мистеромъ Кэдбери на выдачу повышеннаго процента (4%) на сбереженія рабочихъ. Процентныя деньги на сбереженія цѣлаго года выплачиваются имъ ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ чего вся сумма передается въ «почтовый сберегательный банкъ» (Post Office Savings Bank).

*) Велосипедъ распространенъ въ Англіи такъ, какъ, напр., у насъ галоши. Въ одномъ отелѣ, гдѣ мнѣ пришлось жить, я на 23 постояльца насчиталъ 15 велосипедовъ. Каменщики, плотники, штукатуры ѣздятъ на немъ на работу и съ работы; дѣти «педалируютъ» въ школу; на немъ развозятъ почту и всякого рода товары.

VII.

Вотъ короткій и сухой перечень того, что сдѣлано и дѣлается для трудящихся на Бурнвильской фабрикѣ. Я не расцѣпчиваю его впечатлѣніями личнаго осмотра поселенія—частью потому, что не могу найти въ своемъ воображеніи достаточнаго количества новыхъ и интересныхъ словесныхъ комбинацій, частью же потому, что я на своемъ опытѣ убѣдился въ томъ, какъ мало даютъ читателю подобнаго рода описанія. Но если бы кто-либо серьезно заинтересовался предпріятіями м-ра Джорджа Кэдбери, онъ могъ бы обратиться за справками и всякаго рода матеріалами по его адресу: G. Cadbury Esq., Bournville, Worcestershire, England, или еще лучше—самому посѣтить фабрику, если случится быть въ Англіи, и достать рекомендательное письмо къ м-ру Кэдбери.

Уже сейчасъ вопросъ о жилищахъ рабочихъ получилъ, отчасти подъ влияніемъ толчка, даннаго братьями Кэдбери, нѣкоторое движеніе. Еще въ 1899 году м-ръ Джорджъ Кэдбери говорилъ одному посѣтителю Бурнвилля, что значительное число фабрикантовъ вошло въ сношенія съ «американской лигой улучшенія условий жизни» (American League for Social Service) для совмѣстной выработки наилучшихъ способовъ снабженія жилищами рабочихъ и вообще улучшенія ихъ жизни во всѣхъ отношеніяхъ. И, несомнѣнно, для всѣхъ нихъ Бурнвиль можетъ послужить хорошимъ образцомъ для подражанія—образцомъ, на который положена масса труда и изобрѣтательности и въ которомъ совмѣщается едва ли не все, что можно технически придумать въ данныхъ условіяхъ для рѣшенія «жилищнаго вопроса».

Но помимо этого, предпріятіе Кэдбери интересно и со своей, такъ сказать, общественно-бытовой стороны. Милліонеръ-квекеръ, болѣе 40 лѣтъ читающій Библію съ взрослыми рабочими въ воскресной школѣ, входящій въ ихъ нужды и интересы, серьезно смотрящій на свое общественное призваніе и весь проникнутый релігіознымъ сознаніемъ того, что все въ волѣ Божіей и что, если эта воля сдѣлала его милліонеромъ, то не за какія-либо его заслуги, а затѣмъ, чтобы онъ могъ быть полезенъ другимъ...

Въ разговорѣ съ нами мистеръ Джорджъ Кэдбери указалъ и на другой мотивъ, заставившій его дѣйствовать,—на патріотическія соображенія. Перенаселенность бѣдныхъ и нездоровыхъ кварталовъ большихъ городовъ, говорилъ онъ, ведетъ къ физическому и нравственному вырожденію населенія... Что же удивительнаго въ томъ, если лишь сравнительно немногіе выдерживаютъ жизненную борьбу и оказываются выше окружающихъ ихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, а огромное количество падаетъ и образуетъ ту ужасную массу порочнаго, преступнаго и больного люда, существованіе которой—позоръ и угроза для Англіи! Мистеръ Кэдбери прибавилъ даже сюда и тотъ урокъ, которой получила Англія въ послѣдней войнѣ съ бурами: это вырожденіе рабочаго класса сказывается, замѣтилъ онъ, и на плохомъ качествѣ англійскихъ солдатъ, обнаружившемся въ южно-африканской войнѣ... Думаю, однако, что это было сказано больше для окружающихъ, самъ м-ръ Кэдбери отрицательно относится къ войнѣ вообще.

Самъ по себѣ тотъ фактъ, что милліонеръ пожертвовалъ значительное количество денегъ, своего организаторскаго таланта, времени и труда на улучшеніе доли

рабочихъ, не представляетъ еще послѣдняго слова самоотверженнаго служенія людямъ. Хотя я не согласенъ съ тѣмъ, будто бы все, что создается промышленностью, создается руками *рабочихъ* въ узкомъ смыслѣ слова, и думаю, что трудъ инициаторовъ, организаторовъ, изобрѣтателей и т. д. столь же создаетъ цѣнности, какъ и трудъ собственно «рабочихъ», тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что за свой трудъ семья Кэдбери получила все же очень хорошее вознагражденіе, и справедливо, чтобы она подѣлилась изъ него и съ другими участниками общей работы. Однако, съ менѣе высокой, съ болѣе обыденной точки зрѣнія, предпріятіе Кэдбери составляетъ выдающійся подвигъ.

Вл. Ивановскій.

Проф. Вильгельмъ Оствальдъ.

ИНЖЕНЕРНОЕ ИСКУССТВО И ХИМИЯ *)

Для того, чтобы машина работала равномерно, ей нуженъ регулирующий аппаратъ, назначеніе котораго при слишкомъ быстромъ ходѣ машины задерживать ее, и наоборотъ, при слишкомъ медленномъ—ускорять. Такъ какъ всякій такой регуляторъ проявляетъ свое дѣйствіе въ тотъ моментъ, когда уже наступило явленіе, которое именно и слѣдуетъ устранить, то въ дѣйствительности ходъ машины необходимо будетъ имѣть *периодическій* характеръ, колеблясь въ извѣстныхъ предѣлахъ между то слишкомъ быстрымъ, то слишкомъ медленнымъ. Какъ велики эти границы, зависятъ отъ способа дѣйствія и чувствительности прибора.

Эти соображенія относятся одинаково, какъ къ работѣ машинъ, такъ и ко всякому другому явленію, имѣющему стаціонарный характеръ. Народонаселеніе города, страны, да и всякая большая группа людей, находящихся во взаимныхъ отношеніяхъ, стремится удерживаться около постояннаго уровня и тоже образуетъ для этой цѣли регулирующие аппараты. Самымъ нагляднымъ изъ такихъ регуляторовъ являются въ жизни народа—правительства. Извѣстно, какъ отъ недостаточной чувствительности ихъ къ ходу общественной жизни наступали значительныя и весьма опасныя отклоненія отъ средняго положенія равновѣсія.

У культурныхъ народовъ, однако, самымъ общимъ регуляторомъ общественной жизни является знаніе. Успѣшное управленіе

---

*) Извлеченіе изъ доклада, прочитаннаго мною 2 іюля н. ст. 1903 г. въ Мюнхенѣ въ обществѣ нѣмецкихъ инженеровъ.

въ мирное время, предводительство на войнѣ и успѣхъ оружія зависятъ въ конечномъ итогѣ отъ правильной постановки вопросовъ и ихъ научнаго (въ широкомъ смыслѣ этого слова) разрѣшенія, такъ какъ задача всякой науки это возможно точное познаніе *того, что есть*, умѣніе дать наиболѣе вѣроятную картину *того, что должно произойти*. Правильное же представленіе о будущемъ есть необходимое условіе того, чтобы умѣть избѣгать опасныхъ отклоненій въ событіяхъ, направляющихъ жизнь людей.

Такимъ образомъ существенная задача науки по отношенію къ техникѣ и народному благосостоянію состоитъ въ томъ, чтобы по возможности заблаговременно предугадывать крупныя измѣненія въ условіяхъ жизни и принимать соотвѣтствующія мѣры. Чѣмъ раньше мы будемъ знать, что грозитъ, тѣмъ надежнѣе мы можемъ избѣгать вредныхъ отклоненій отъ нормальнаго развитія жизни; это зависитъ отъ чувствительности регулятора, т. е. отъ состоянія науки и проницательности ея представителей.

Какъ такое общее явленіе, захватившее самыя разнообразныя стороны жизни, слѣдуетъ отмѣтить современное стремленіе къ объединенной, общей работѣ. Періодъ специализаціи въ наукѣ подходитъ къ концу; все болѣе и болѣе ощущается потребность выработать обобщающее воззрѣніе на накопленное, хотя бы для того только, чтобы планомѣрно его использовать. Въ связи съ этимъ стремленіемъ стоитъ все болѣе крѣпнущій тѣсный союзъ между наукой и техникой и взаимное оплодотвореніе до сихъ поръ раздѣльныхъ областей знанія. Подобно тому, богатому результатамъ, союзу, который за послѣдніе пятнадцать лѣтъ заключили между собою физика и химія на почвѣ общей или физической химіи, такъ и прикладныя вѣтви этихъ наукъ: инженерное искусство и практическая химія все болѣе сближаются. Блестящее развитіе за послѣднія 15 лѣтъ технической электрохиміи является первымъ результатомъ этого союза, и, конечно, онъ не останется единственнымъ.

Ближайшей общей задачей обѣихъ областей является вопросъ о *превращеніи горючихъ веществъ въ газообразное состояніе*. Уже нѣсколько десятилѣтій продолжаютъ указывать на громадныя преимущества этого способа для экономіи въ различныхъ производствахъ, а также для городского населенія (уничтожается вредное дѣйствіе дыма). Однако, пока отъ этихъ указаній получаютъ лишь ничтожные результаты, отчасти въ силу укоренившейся привычки, главнымъ же образомъ потому, что главные потребители угля—паровыя машины, не могутъ ожидать отъ примѣненія этого способа существенныхъ выгодъ. Наступившее въ самое послѣднее время сильное распространеніе газовыхъ двигателей (по совершенно особымъ причинамъ, а именно вслѣдствіе

утилизациі газовыхъ отбросовъ, должно существеннымъ образомъ измѣнить эти отношенія, и, повидимому, недалеко, наконецъ, то время, когда вслѣдствіе вытѣсненія паровыхъ машинъ газомоторами будетъ подготовлена почва для давно ожидаемаго переворота въ технологіи горючихъ веществъ.

Послѣдствія его будутъ весьма значительны. Не говоря уже о вышеупомянутыхъ результатахъ, слѣдующія соображенія открываютъ передъ нами широкіе горизонты. Извѣстно, что превращеніе въ газъ относительно небольшихъ количествъ угля, существующее теперь для добыванія свѣтильнаго газа, вызвало къ жизни цѣлую промышленную отрасль утилизациі его отбросовъ: газовой воды и каменноугольнаго дегтя, которыя совершенно преобразовали всю химическую промышленность и сбытъ которыхъ въ одной только Германіи исчисляется сотнями милліоновъ. Можно теперь вообразить, чего мы должны ждать отъ будущаго, когда превращеніе въ газъ каменнаго угля должно во сто кратъ возрасти. Кромѣ того, помимо (каменнаго) угля, въ будущемъ будутъ примѣняться и другія ископаемыя горючія вещества, въ особенности бурый уголь и торфъ, отъ которыхъ можно ожидать уже совершенно иныхъ побочныхъ продуктовъ, а это, въ свою очередь, вызоветъ химическую промышленность такихъ сырыхъ матеріаловъ, хозяйствованіе которыхъ будетъ имѣть глубочайшее вліяніе на испольстейную жизнь народа.

Мы остановимся только на двухъ результатахъ этого переворота. Во-первыхъ, войдутъ въ употребленіе громадныя количества *углеводородовъ*, и, въ качествѣ горючаго матеріала, а также для потребностей малыхъ двигателей, завоюютъ теперешнюю область сбыта нефти, и вслѣдствіе этого мы получимъ возможность стать независимыми отъ Америки. Во-вторыхъ, во всѣхъ ископаемыхъ горючихъ веществахъ содержится нѣсколько процентовъ азота, который теперь безъ пользы улетаетъ черезъ дымовыя трубы, а въ будущемъ, когда способы его выдѣленія и собиранія изъ газовъ станутъ доступными, будетъ улавливаться въ видѣ амміачныхъ соединеній. Связанный азотъ изъ всѣхъ искусственныхъ удобрительныхъ веществъ наиболѣе драгоцѣненъ для потребностей сельскаго хозяйства; всѣ наши поля страдаютъ отъ „азотнаго голода“. Въ настоящее время большая часть азотистато удобренія поступаетъ на рынокъ въ видѣ чилийской селитры; такимъ образомъ мы и съ этой стороны находимся въ зависимости отъ Америки. Въ будущемъ не только страхъ передъ угрожающимъ истощеніемъ чилийскіихъ селитряныхъ залежей потеряетъ свою силу для сельскаго хозяина, но можно даже ожидать значительнаго удешевленія связаннаго азота, благодаря огромному производству его, которое должно развиваться. Это послужило бы сред-

ствомъ къ сохраненію и поднятію нѣмецкаго сельскаго хозяйства, значеніе котораго, помимо прочаго, слѣдуетъ цѣнить потому, что оно препятствуетъ, или, по крайней мѣрѣ, отодвигаетъ въ далекое будущее превращеніе Германіи въ чисто промышленную страну, на подобіе Англіи.

Очевидно, что химики должны и могутъ взяться за это дѣло въ особенности, если вспомнить, что такая же зависимость отъ чилийскихъ селитровыхъ залежей какъ для сельскаго хозяйства, да еще куда болѣе опасная, существуетъ и для нашей обороны. Всякій ружейный порохъ содержитъ, какъ основную составную часть—селитру или продукты, изъ нея приготовленные; безъ этого матеріала нельзя приготовить ни пороха, ни какого-либо другого взрывчатого вещества. Такимъ образомъ, наша оборонительная сила стоитъ въ полной зависимости отъ чилийскихъ селитровыхъ залежей и отсюда можетъ быть уничтожена. Поэтому намъ слѣдуетъ стремиться создать независимое производство нитратовъ, т. е. азотной кислоты, и эта задача въ самое недавнее время разрѣшена мною и Бауеромъ; нами разработанъ и уже технически испытанъ каталитическій способъ превращенія амміачныхъ соединений въ азотную кислоту.

Чтобы разрѣшить всѣ подобныя задачи (а прежде всего задачу хозяйственнаго способа добыванія изъ сырого матеріала пригоднаго горючаго газа), необходимо тѣсное, согласное взаимное сотрудничество химиковъ и инженеровъ. Это приводитъ къ вопросу о надлежащей научной подготовкѣ такихъ людей.

Изъ всѣхъ вещей, которыя тутъ должны быть приняты въ соображеніе, выше всего надо поставить еще болѣе тѣсныя отношенія, чѣмъ до сихъ поръ, между наукой и техникой въ нашихъ университетахъ и въ высшихъ техническихъ школахъ. Такъ какъ не приходится думать о поглощеніи одного рода учреждений другими, высшихъ техническихъ школъ университетами, или наоборотъ, то остается единственный путь: оба эти учрежденія должны приближаться къ одной *общей высшей цѣли*. Другими словами, высшія техническія школы должны все болѣе принимать характеръ университетовъ, особенно въ смыслѣ поощренія свободнаго изслѣдованія и расширенія круга общеобразовательныхъ предметовъ; съ другой стороны, внутри и внѣ университетовъ должно происходить тѣсное соприкосновеніе учащихся съ практическими потребностями современной народной жизни. Тогда можно надѣяться на возстановленіе единства нашей культуры, отсутствіе котораго даетъ себя сильно чувствовать. Весь смыслъ движенія современнаго общественнаго самосознанія заключается въ стремленіи къ такому единству.

Лео Бельмонтъ*).

ЖИЗНЬ-КОШМАРЪ.

Изъ дневника непризнаннаго философа.

5 Ноября.

И вотъ новое доказательство, что я все сплю, и что мнѣ являются нелогичныя сновидѣнія.

Я забрелъ сегодня на набережную.

Величавую цѣпью тянутся тамъ дворцы на гранитномъ побережьи. По другую сторону въ голубомъ туманѣ высятся трубы фабрикъ. Стальная поверхность рѣки вздымалась и слегка колебалась. Пѣшеходы и извозчики толпятся на мостахъ. Скрипъ шаговъ, человѣческій говоръ, топотъ копытъ, стукъ колесъ — все смѣшалось въ воздухѣ. У меня закружилась голова. И безъ того въ ушахъ у меня стоитъ адскій шумъ послѣднее время...

И, вдругъ, тамъ, на противоположной сторонѣ Невы, на Васильевскомъ островѣ, предстали предо мной два гигантскихъ каменныхъ сфинкса. На головахъ ихъ королевскія тиары. Бороды обломаны, испараны временемъ.

Откуда же египетскіе сфинксы здѣсь, въ городѣ Петра? Какая связь между причудливыми призраками померкшихъ столѣтій и казарменными рядами ставшихъ въ строй домовъ, между задремавшей тайной прошлаго и новой безпокойною культурою и некультурностью настоящаго времени?

Словно обрывокъ Александрійской рукописи, вклеенный въ учебникъ исторіи Иловайскаго!

Я долго ошупывалъ гранитные пьедесталы и все же они оказались не менѣе реальными, чѣмъ желѣзные перила Николаевского моста!

Очевидно сонъ!.. То и это, все—сонъ, нелогичный сонъ, который является и улетучивается со временемъ.

---

*) Перевелъ съ рукописи В. М—овъ.

7 Ноября.

Сегодня выпалъ первый снѣгъ и выбѣлили улицы и крыши... Становится дьявольски холодно... У меня только лѣтнее пальто... Зимнее въ ломбардѣ, если его еще не продали...

Свыкаюсь съ моимъ новымъ міросозерцаніемъ, но не могу привыкнуть къ новой терминологіи. Когда думаю о примѣненіи ея, мнѣ становится смѣшно; такъ какъ собственно слѣдовало бы сказать: «мнѣ снилось сегодня, что выпалъ снѣгъ; мнѣ снится, что дьявольски холодно; мнѣ кажется, что у меня только лѣтнее пальто; я мечтаю о томъ, что у меня есть еще зимнее въ ломбардѣ»...

8 Ноября.

Мнѣ ночью снилось, что я въ Египтѣ. Я зажигаю костеръ подъ пирамидою Хеопса и грѣлся. Въ знойной пустынѣ разводилъ огонь! Смѣшно. Все же, сопоставляя этотъ ночной сонъ съ вчерашнимъ дневнымъ сномъ о холодѣ, я имѣлъ полную компенсацію впечатленій.

Я говорю «вчерашній», такъ какъ сегодня, по крайней мѣрѣ, въ настоящій моментъ, пребывая во снѣ высшаго разряда, я не чувствую холода, хотя на дворѣ снѣгъ. Напротивъ, я воображаю, что руки и лобъ у меня раскалены и что я кашляю.

Въ полдень. У меня только что былъ прежній товарищъ по канцеляріи. Забавная фигура со вздутымъ животомъ на тоненькихъ ножкахъ. Что-то въ родѣ карикатуры въ юмористическихъ журналахъ. Его толстый фіолетовый носъ на красномъ дискѣ лица и торчація надъ громадною плѣшью лоскутки сѣдыхъ волосъ производить уморительное впечатлѣніе. Рожа Фальстафа! По убѣжденіямъ—алкоголикъ. Спился съ тѣхъ поръ, какъ жена его сбѣжала съ любовникомъ. Незастѣгивающійся, коротенькій, съ узенькими руками, засаленный его сюртукъ вѣроятно помнить этотъ случай.

Я сразу догадался, что онъ пришелъ одолжить «на честное слово до завтра». Я до сихъ поръ состою его кредиторомъ на тѣхъ же условіяхъ.

Войдя въ комнату, онъ сталъ разспрашивать о моемъ здоровьѣ, потомъ началось нерѣшительное вращаніе дыр�авой шляпы въ рукахъ, наконецъ, откашлявшись, приступилъ къ дѣлу. Онъ путался немилосердно, изъясняясь на своемъ особомъ, польско-русскомъ нарѣчій.

Разошлись-де у него всѣ деньжонки. Люди задолжали ему пропасть «пенендзы». Однако, на этомъ подломъ свѣтъ никто не отдастъ. Только другъ за дружкой всѣ посматриваютъ, какъ бы что-нибудь «хапнуть». Между тѣмъ обстоятельства «фамильной натуры» требуютъ немного монеты. Ведется бракоразводный процессъ въ Римѣ... есть знакомый кардиналъ... Словомъ «очень тонкій интересъ»... Онъ могъ бы одолжить у многихъ, но ко мнѣ питаетъ особое довѣріе. Онъ является къ „родаку“ и заикающемуся другу, котораго уходя изъ канцеляріи онъ оплакиваетъ до сихъ поръ, такъ какъ и онъ жертва людской несправедливости... Онъ пришелъ спросить, можетъ ли разсчитывать на друга и „родака“ „въ фатальныхъ околичностяхъ“.

И онъ посмотрѣлъ на меня полужалкими, полунаивными глазками.

Я зналъ, каковы были его „фамиліные интересы“. Ему прекратили кредитъ въ трактирѣ. Онъ нуждался настоятельно въ водкѣ.

Я молча всталъ и подошелъ къ шкафу, желая ему дать какой-нибудь предметъ для заклада. Въ карманѣ у меня была одна только мелочь. На верхней полкѣ лежали двѣ вещи—одна, испорченный репетьеръ, антикъ, купленный нѣкогда моимъ дѣдомъ въ Женевѣ, нынѣ уже не отбивающій четвертей, но все же представляющій стоимость золота; другая вещь—отцовскій револьверъ.

Я поколебался минуту, которую вещь обречъ на пропажу. Обѣ оставлены мнѣ на память. Какое-то неясное соображеніе приказало мнѣ выбрать часы. Онъ схватилъ ихъ и поспѣшно спряталъ въ карманъ своихъ клѣтчатыхъ брюкъ.

На минуту мнѣ стало жалко часовъ... Но только на минуту...

Вѣдь часы эти—пришло мнѣ на умъ—лишь мечта моего воображенія. Неужели, отдавая ихъ, я лишуюсь чего-нибудь? За что этотъ человѣкъ осыпаетъ меня благодарностью?

Я даю ему то, что создали мои чувства, что внѣ ихъ не существуетъ, что пропадаетъ, когда я закрываю глаза и теряю осязаніе въ пальцахъ... О, какъ смѣшны показались мнѣ въ этотъ моментъ скупость и жадность!

— «Жизнь есть сонъ»—сказалъ я вслухъ.

Ein hohler Traum ist nur das Leben

Und auch die Träume sind ein Traum!

Да, Кальдеронъ правъ... Эти часы не существуютъ вовсе!»—Мой гость вытаращилъ глаза.

Я изложилъ ему мою теорію сна высшаго разряда...

Онъ дурачки хохоталъ, хватаясь красными руками за животъ.

Я вспылилъ. Этого со мною до сихъ поръ не бывало. Открывъ двери, я просилъ его немедленно убраться. Уходя, онъ кланялся шляпой до земли, про-нически приговаривая:

«Доброй ночи вашей свѣтлости—господину философу. Коли панъ себѣ спитъ, то и я пойду выспаться. Только впередъ на сонъ грядущій выпью».

Въ коридорѣ долго еще раздавался его хриплый, пьяный смѣхъ. Раздражающее эхо!

Вечеромъ того же дня. Какъ я глупъ! Просто срамъ! Какъ ограниченъ былъ мой умъ по настоящую минуту! Какъ мало еще я вникнулъ въ глубину собственной идеи о мирѣ.

Я сѣлъ на коня мудрости... лицомъ къ хвосту!

Раздражаться, впадать въ гнѣвъ, гнать человѣка въ дверь?

Кого же я удалилъ?

Мечту моего воображенія!

Съ кѣмъ я велъ философскіе диспуты? Съ кѣмъ спорилъ? Кого убѣждалъ? Себя самого!..

Неужели я не замѣтилъ, что въ мечтахъ *обычнаго сна* мое „я“ двоятся, троится, множится безъ конца?

Не убѣждался ли я каждое утро, просыпаясь, что люди, съ которыми будто-бы разговаривалъ, создавались моимъ воображеніемъ. Сонное марево говорить мнѣ, слушаетъ меня; я соглашаюсь съ мнѣніями призраковъ или опровергаю ихъ. А вѣдь все, что мнѣ кажется происходящимъ отъ приснившихся лицъ, собственно говоря, исходитъ изъ меня самого изъ глубины моего мозга. Каждое утро учить меня этому вновь.

И, несмотря на это, я до сихъ поръ не сумѣлъ взобраться на ту раціональную вершину умозрѣнія, чтобы на явленія въ снѣ высшаго разряда взглянуть, какъ на тотъ же обманъ. Ошибку, дѣлаемую въ краткомъ снѣ ночи, я позволяю себѣ повторять въ долгомъ снѣ такъ называемой дѣйствительности, наяву.

Не только часовъ нѣтъ и не было, но и эта карриатура, мой экзс-товарищъ по канцеляріи не существовалъ никогда. Его не было въ моей комнатѣ, какъ нѣтъ того города, въ которомъ я будто живу, какъ нѣтъ канцеляріи, въ которой я будто томился цѣлые годы, какъ нѣтъ этой комнаты, этого стола, этой бумаги, этого пера... Нѣтъ также моего лица, моихъ рукъ, моихъ ногъ, глазъ, чувствъ...

Существуетъ лишь духъ мой, мой разумъ, мое могучее сознаніе... сознаніе *ничего!*..

11 ноября.

О, глупые матеріальные сны! Какъ могутъ они измучить душу, которой снится дѣйствительность!

Всѣ послѣдніе три дня я грезилъ, что потъ обливаетъ мое тѣло, что меня душитъ кашель, знобитъ лихорадка, ломитъ въ костяхъ, что я не въ силахъ двинуться и встать съ кровати.

Минутами долгій сонъ и короткіе сны такъ спутывались въ головѣ, что я не могъ ихъ различить. Я не зналъ, когда просыпаюсь, когда засыпаю, я терялъ иногда сознаніе границы между сномъ высшаго и низшаго разряда.

Мнѣ казалось, что въ моей комнатѣ расхаживаетъ, убирая и хлопоча, старая сосѣдка Марія Панкратьевна, живущая рядомъ въ коридорѣ. Она полька, живетъ въ Петербургѣ пятнадцать лѣтъ, вдова унтеръ-офицера, погибшаго подъ Плевной. Старушка обязана мнѣ за то, что я купилъ ей когда-то швейную машину. Она сдѣлалась моею почетною прислугой.

Такъ смотрѣлъ я на это раньше. Но теперь я знаю, что и Плевна, и машина, и унтеръ-офицеръ, и старая Маріанна—все марево, грезы, сновидѣнія, глупый обманъ воображенія. Всего этого не стоило реально создавать...

Я видѣлъ, какъ она ходитъ мелкими шагами по комнатѣ, закутываетъ меня своею шалью, я слышалъ, какъ она жалобно причитаетъ по поводу негодности моего тонкаго истрепавшагося одѣяла; однако, на все это я взиралъ глазами философа, разгадавшаго тайну бытія. Ни мнимая реальность ея душегрѣйки и краснаго передника, ни выразительность морщинистаго лица, ни даже двѣ слезы въ ея сѣрыхъ глазахъ, которыя капнули, когда она проговорила: „Иисусъ Назарейскій, а тожъ панычъ не на шутку боленъ!“—ничто, ничто, ничто не могло меня провести.

„Паничъ, напьетесь чайку?“—спрашивала. Я не отвѣчалъ. Не буду же вести бесѣду съ грезой моего воображенія!

Она вливала мнѣ чай въ ротъ ложечкой, кормила мякотью булки, какъ ребенка. Я не сопротивлялся. Вѣдь все равно, снится ли, что кушаю, или что голодаю!

А все же сонъ о томъ, что я лежу въ кровати, исключилъ сонъ, что я пишу. Я не бралъ пера въ руки три дня, или вѣрнѣе, мнѣ не снилось, что я его беру... Еще сегодня греза о томъ, что я утомленъ и боленъ, сплетается съ другой, что я не могу удержать пера въ рукѣ и отложу его сейчасъ...

12 ноября.

Ночью я почувствовалъ, что ротъ мой переполнился жидкостью. Она брызнула на подушку. Утромъ видѣлъ, что подушка красна и влажна. Но и кровь—сновидѣніе.

Ничто меня не обманетъ!

Глубокое раздумье, основанное на наблюденіи, поучаетъ меня тому, что я не въ состояніи диктовать себѣ сновидѣній по собственной волѣ. Грустные ли, радостные ли, они приходятъ въ такомъ порядкѣ, какъ имъ вздумается.

Страшно!

Отсюда прямой выводъ, что духовный міръ, какъ игра представленій, такъ же мало можетъ доставить счастье, какъ и міръ—матерія. Отступивъ отъ вѣры въ матеріальный міръ, я не выигралъ ничего.

Почему вотъ уже цѣлые годы мнѣ мерещатся одни лишь печальные образы? Мнѣ все представляются лишь комнатка въ четвертомъ этажѣ, холодъ и голодъ, бѣдность и болѣзнь...

Правда, сонъ низшаго разряда навѣваетъ иногда другія видѣнія: образъ матери, берущей меня на колѣни... обликъ отца, ведущаго меня по широкой липовой аллеѣ тѣнистаго парка... то вдругъ школьные товарищи бѣгутъ въ запуски со звонкимъ смѣхомъ... то она въ темнотѣ сада тихо обвиваетъ мнѣ шею руками...

Однако, вѣдь и эти ночные сны въ равной мѣрѣ не зависятъ отъ меня. Надвигаются сами собой, по собственной волѣ, по законамъ, которыхъ я не успѣлъ изслѣдовать посейчасъ.

Это безсиліе управлять сновидѣніями—какъ высшаго, такъ и низшаго разряда—вполнѣ согласуется съ принятой мною раньше теоріей отсутствія свободной воли.

Спиноза сказалъ: «Мы свободны, какъ камень, брошенный на воздухъ». Мы падаемъ свободно по прямой линіи.

Всегда и повсюду желѣзная необходимость—«ананке»!

Вечеромъ, въ тотъ же день.

Спиноза сказалъ???

Ха-ха-ха! Какой Спиноза! Неужели онъ существовалъ когда-нибудь! Не есть ли онъ одно изъ раздвоеній моеѣ личности?..

Спиноза никогда ничего не сказалъ!

Все сказалъ я одинъ!..

Поистинѣ, я гениаленъ!

Бью челомъ самому себѣ!..

Система Шопенгауэра, Канта, Платона, Аристотеля—все плодъ усилій моеѣ мысли! Исторія безчисленныхъ народовъ, картина земель и морей, планетъ и солнцъ—все созданіе моеѣ фантазій!

Я создалъ „Божественную комедію“ Данта, трагедіи Шекспира, эпосъ Гомера, новеллы Боккачіо, Мадонну Рафаэля, Моисея Буонаротти, баллады Шопена, концерты Моцарта.

Столько гениальности въ одномъ человѣкѣ! Я удивляюсь себѣ, я падаю передъ собой на колѣни!..

Итакъ, всю эту жизнь, этотъ аккордъ смѣха и плача, эту ткань свѣта и тѣней, садъ розъ и терновника, микстуру ума и глупости—я создалъ одинъ, мощью моего духа!

Ахъ, и зачѣмъ же это я слѣлалъ?!

Неужели не лучше было оставить весь этотъ міръ въ области небытія?!

Повидимому бездѣйствіе противорѣчитъ природѣ духа... Я принужденъ быть творить!..

И вотъ «на половинѣ моего жизненнаго пути» я сотворилъ себѣ, наконецъ, четыре нагія стѣны, желѣзную кровать со сломанной ножкой, запачканный чернилами столикъ, вонючій коридоръ, вѣющій холодомъ, и снѣжный вихрь за окнами, и ледяной узоръ на стеклахъ, и единственное пальто, дырявое и подбитое вѣтромъ, и посинѣвшія исхудавшія мои руки, и всю дрожащую жалкую мою фигуру!..

Вотъ судьба генія, философа-творца!..

13 ноября.

Спать не вслѣдствіе утомленія. Спать, ибо такъ велитъ законъ періодичности, законъ ритмичности явленій... Я писалъ объ этомъ въ «Синтетической философіи». Помню, я подписывался тогда: «Гербертъ Спенсеръ».

Напрасно вызываю въ воображеніи картины пестрыхъ цвѣтниковъ, освѣщенныхъ лѣтнимъ солнцемъ, роскошные ковры чудно-волнистой литовской земли, ея шумящіе лѣса, напоенные ароматомъ... Или нашу старую усадьбу и большой залъ въ ней и уютную мебель, и узорчатые обои, и на нихъ ярко-красный отблескъ пышущей жаромъ открытой печки... Напрасно представляю себѣ другой огонь... бѣлыя ласковыя руки, притягивающія на нѣжную грудь...

Эти видѣнія блѣдны и худосочны: являются и разсѣиваются сейчасъ... не поймать мнѣ ихъ!

Железный законъ господства снова надъ душею дѣйствуетъ неумолимо. Онъ издѣвается надо мною. Онъ придвигаетъ къ моимъ глазамъ все тѣ же голыя стѣны, тѣ же грязныя двери и подернутыя морозомъ оконныя стекла...

Проклятіе!

Значить *духъ* также несчастье?

Ночью 13 на 14 ноября.

Не спится... Ночные сны также въ состояніи истомить человѣка!

Я только-что проснулся. Дрожу отъ ужаса. Отъ холоднаго пота слипаются волосы. Зажегъ лампу. Буду писать.

Что обозначаетъ такой сонъ:—?

Мнѣ было опять восемь лѣтъ. Я игралъ въ лошадки съ сыномъ нашего кучера, маленькимъ Войтусемъ. Мы бѣжали среди деревьевъ, согнувшихся отъ тяжести грушъ и яблокъ. Вдругъ слышу голосъ старой Катерины: «Паничъ!.. паничъ играете, а дома мамаша плачетъ». «Отчего моя мамаша плачетъ»?—спрашиваю. «То паничъ ничего не знаетъ, а панъ Ксаверій повѣсился въ паркѣ на ивѣ». Я бросилъ поводья и трость и побѣжалъ... И вдругъ очутился, ужъ не знаю, какимъ образомъ, на старомъ сельскомъ кладбищѣ. Кругомъ кресты, кресты, кресты... Въ одномъ мѣстѣ огромный камень. На немъ половина буквъ стерта. Осталось что-то непонятное: «Зд... гребен... Кса...р...ом...скій». Но отсутствіе креста достаточно указывало, чья могила. Я налегъ на камень и отвалилъ его. Въ рукахъ моихъ очутился заступъ. Я сталъ копать. Что-то шуршало. Я нагнулся, поднялъ. Это была книга. На заглавной страницѣ пестрѣли слова: «Philosophie der Erlösung» von Mainländer. Я перелисталъ нѣсколько страницъ и попалъ на слова, подчеркнутыя краснымъ карандашомъ: «Цѣль всякаго развитія—небытіе. Право всякаго развитія—страданіе». Я перевернулъ нѣсколько страницъ—опять тѣ же слова. Еще нѣсколько листиковъ—опять то же. Еще нѣсколько—вновь тѣ же слова. Слово вся книга составлена изъ двухъ фразъ. Я бросилъ книгу, вновь копалъ. Опять шуршаніе бумаги подъ заступомъ—и опять та же книга и въ ней тѣ же краснымъ карандашомъ подчеркнутыя фразы... только онѣ! Часъ, два часа копалъ—и постоянно та же ужасная находка шуршала подъ заступомъ... Отчаяніе и утомленіе овладѣли мной... Все небо испещрилось черными буквами, окаймленными красною рамой,—и это были тѣ же двѣ неумолимыя фразы.

Вдругъ чья-то холодная рука коснулась моихъ плечъ. Я обернулся: передо мной стоялъ тотъ, кого я искалъ въ землѣ: дядя Ксаверій. Какъ всегда высокій, худой... нѣтъ, еще болѣе исхудалый, чѣмъ когда-то. Сюртукъ словно повисъ на его костлявой фигурѣ. Глаза свѣтились фосфорическимъ блескомъ. Лицо было страшно блѣдно. А на безкровныхъ губахъ играла горькая улыбка. На шеѣ обмотанъ былъ зеленый шарфъ.

— Поздно,—говорилъ онъ, указывая на зарево заката,—солнце заходить. Пойдемъ домой.

— Развѣ вы, дядя живете не здѣсь?

Онъ захихикалъ.

— Ты, думаешь, я повѣсился взаправду? Думаешь, что я поймался на удочку философіи этого дурака Майнлендера и пошелъ по его слѣдамъ? «Истинный мудрецъ не бѣжитъ отъ смерти, но и не идетъ ей навстрѣчу». Такъ говорили римляне. Живешь только разъ. Надо умѣть жить. Къ чему торопиться къ смерти? Она не минуетъ никого. Надо имѣть терпѣніе и ждать.

Взялъ меня за руку и, ведя среди могильныхъ крестовъ, говорилъ тихимъ голосомъ, отъ времени до времени подсмѣиваясь.

— Видишь ли? Стойки утверждали, что жизнь ни зло, ни добро. Она принадлежитъ къ разряду: „*adiaphora*“. Ты понялъ? Жизнь есть „безразличное“... Хи-хи-хи!... Къ чему бѣжать отъ безразличнаго?!

Онъ нагнулся и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Истинный философъ мечтаетъ о нирванѣ и живетъ себѣ — поживаетъ десятки лѣтъ... небось, старѣется... Охо! иногда даже ведетъ судебные процессы съ родственниками изъ-за наслѣдства. Старый Артуръ не былъ лыкомъ шить. Онъ-то и сказалъ, что „самоубійство—только мнимое избавленіе отъ страданій, а не дѣйствительное“. Ты понялъ?..

— А этотъ шарфъ?—я притронулся къ его шеѣ.

— „Этотъ шарфъ?... Пустяки!... Попробуй... Это предохраняетъ отъ простуды... Простуда не есть „*adiaphora*“.

И онъ хотѣлъ набросить мнѣ шарфъ на шею.

Я вырвалъ руку изъ его рукъ и убѣжалъ...

Я бѣжалъ по странной улицѣ... это былъ Невскій проспектъ—но не тотъ, сегодняшній, съ длинными рядами блестящихъ магазиновъ... Другой Невскій проспектъ... прежнихъ вѣковъ... Огромная просѣка въ дѣсу... И она вся наполнена была стономъ топоровъ, рубящихъ громадныя деревья и стономъ шведскихъ плѣнныхъ, производящихъ рубку... И все же это была отчасти улица настоящаго... ибо по срединѣ отъ самой Невы тянулся рядъ электрическихъ фонарей... Зажженные лампы казались гигантскими бѣлыми пауками, сидящими на сѣткахъ изъ дугей...

Я бѣжалъ съ ужасающей быстротой... Мнѣ чудилось, что кто-то нагоняетъ меня... Огромный, мохнатый песъ... И я зналъ его имя. Оно звучало: „Матерія“.

Вдругъ нога у меня подкосилась. Я былъ утомленъ до нелзя. Песъ набросился на меня и я почувствовалъ, какъ его зубы вѣпились въ мою грудь и вырвали изъ нея кусокъ окровавленнаго мяса. Я сталъ падать въ какую-то бездну... все ниже и ниже...

И очнулся.

Страшный сонъ!... Еще теперь ощущаю боль въ груди... И кто-жъ осмѣлится утверждать, что сны менѣ реальны, чѣмъ явь.

14-го ноября.

Подумаемъ, серьезно подумаемъ...

Откуда-же берутъ содержаніе сны высшаго разряда?

Вѣдь *ex nihilo nihil*.

Сны должны имѣть свой источникъ.

Мнѣ кажется, я нашелъ отвѣтъ. Простая аналогія помогла мнѣ поднять завѣсу, скрывающую тайну закона сновидѣній.

Откуда же берутъ содержаніе сны низшаго разряда? Очевидно изъ сновъ высшаго разряда. Исслѣдовавъ первый попавшійся сонъ (хотя бы вчерашній), убѣждаюсь въ этомъ несомнѣнно. Ночью воображеніе повторяетъ лишь то, что снилось мнѣ когда-либо на яву... повторяетъ лишь въ измѣненномъ порядкѣ, въ картинахъ усложненныхъ и перепутанныхъ.

Итакъ и сонъ высшаго разряда — жизнь, очевидно получаетъ содержаніе изъ какого-нибудь еще высшаго сна. Не подлежитъ сомнѣнію, что мой громадный умственный капиталъ долженъ быть откуда-либо взятъ.

Напрасно я восторгался своимъ геніемъ. Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ, Рафаэль, битва при Саламинѣ, Александрійскій музей, Французская революція — все это я долженъ былъ уже когда-то видѣть!...

Я видѣлъ это, быть можетъ, въ болѣе полной, идеальной, высшей формѣ, — подобно тому, какъ сны дѣйствительности, пожалуй, болѣе просты и логичны, нежели почерпающіе изъ нихъ содержаніе промежуточные сны ночи (Противники мои отчасти правы. Противники мои — я самъ. Слѣдовательно могу себя поправить).

Будемъ разсуждать дальше...

Не случилось ли вамъ никогда грезить во снѣ, что вы спите, видите сновидѣнія и просыпаетесь? А между тѣмъ вы продолжали спать, пока утро не разбудило васъ.

Не случилось? Со мною это было однажды, а такъ какъ вы — я, то я имѣю право этотъ единичный случай считать за общій и строить на немъ заключенія.

Вотъ важнѣйшій выводъ: сны низшаго разряда перемежаются съ еще низшими снами, на подобіе того, какъ тѣ входятъ въ сонъ высшаго разряда, сонъ жизни...

Но изъ этого вытекаетъ, что каждый сонъ можетъ обнимать низшіе сны и заключаться въ высшемъ.

Что-то въ родѣ японскаго ящика, состоящаго изъ ряда разноцвѣтныхъ ящичковъ, входящихъ одинъ въ другой, или составного яйца, которымъ забавляются дѣти...

Задерживается ли гдѣ-либо этотъ рядъ сновъ? Существуетъ ли какой-нибудь первичный, окончательный, наивысшій сонъ, заключающій въ себѣ всѣ остальные, какъ верхній покровъ японской игрушки?

Или быть-можетъ мы имѣемъ дѣло съ безконечнымъ рядомъ, на подобіе отраженій двухъ зеркалъ, стоящихъ другъ противъ друга и повторяющихъ до безконечности отраженіе отраженій!...

Какъ знать?!

15-го ноября.

Кто знаетъ?... Быть-можетъ живя, ходя, разговаривая, я все это время лежу, погруженный въ глубокій сонъ, въ какой-то комнатѣ, на какой-то кровати, въ какомъ-то невѣдомомъ мірѣ и грежу эту ничтожную дѣйствительность. Изъ длиннаго сна я попадаю въ болѣе короткій, въ этомъ болѣе краткомъ въ еще болѣе краткіе, которыхъ память моя не сохраняетъ, и будто просыпаюсь и будто погружаюсь въ новый сонъ...

Что это за комната, въ которой я лежу?

Какой это великолѣпный залъ?! А можетъ-быть это цвѣтникъ, облитый лучами невѣдомыхъ мнѣ разноцвѣтныхъ солнць?! А можетъ-быть это мусорная яма, конюшня, или сточная канава незнакомой мнѣ улицы?... Незнакомой?... Быть-можетъ, только не оставившей ясныхъ слѣдовъ въ памяти... Вѣдь когда-то я жилъ въ этомъ мірѣ, боль скоро почерпаю матеріалъ изъ него для своихъ сновъ.

И кто тамъ лежитъ рядомъ со мною?! Или кто сидитъ у моего изголовья и ждетъ, пока я проснусь!... Быть-можетъ мать моя, но другая, чѣмъ здѣсь на землѣ,—сіяющая счастьемъ, веселая! А можетъ-быть какая-нибудь Беатриче...

И когда же пройдетъ эта страшная, томительно длинная ночь жизни?! Когда же наступитъ утро утра?! Когда я проснусь и протру эти мнимыя открытыя глаза?! На какой срокъ мнѣ вѣрно было заснуть?

Вотъ уже сплю я тридцать лѣтъ, удручаемый ужаснымъ кошмаромъ моихъ грезъ!...

А если я проснусь, то не перейду ли въ дѣйствительности лишь въ новый сонъ?! И буду ли я когда-нибудь возвращенъ опять на землю, какъ каждая сутки ночь укладываетъ меня на обыкновенный сонъ?!

И когда же суждено мнѣ будетъ перешагнуть цѣлые ряды сновъ и достигнуть того, самаго высшаго сна, въ которомъ узрю Бога и Его таинственную закулисную работу, приводящую въ движеніе эту машину сновъ, заключающихъ сны?!

16-го ноября.

Воображеніе капризничаетъ... Я очистилъ улицы отъ снѣга, пригрезилъ оттепель послѣднихъ дней, а теперь воображаю сухую и морозную пору: мостовая, крыши, деревья покрыты инеемъ; выбѣленные телеграфныя проволоки, какъ изъ хлопчатой бумаги.

Различаю предметы неясно. Мнѣ грезится городъ въ туманѣ, легкія очертанія церквей и домовъ... А въ двухъ шагахъ густая бѣлизна...

Противныя грезы!...

16-го Ноября.

Призраки мороза, голода, болѣзни!.. Опять кровь на подушкѣ...

17-го Ноября.

Около меня снуетъ образъ Маріанны Панкратьевны... Добрый, милый образъ...

18-го Ноября.

Въ вечернемъ туманѣ ничего кромѣ желтыхъ точекъ... То не свѣтъ фонарей, то глаза филиновъ... То видѣніе мороза...

Силь пѣть... Не могу.

19-го Ноября.

О, какъ мнѣ плохо!..

Философія, которую я полюбилъ, была мнѣ мачехой, не матерью!

Это она въ дни юности оторвала меня отъ чаши съ виномъ и отъ устъ женщины. Это она приказала мнѣ чуждаться веселыхъ товарищей. Это она преждевременными морщинами изрыла мнѣ чело.

Пусть бы я не бѣжалъ отъ всего, что называется практической жизнью. Пусть бы я вѣрилъ въ эту золотую бляшку и, не подозревая, что она обманъ, погнался за ней! Не надо было мнѣ махнуть рукой на ничтожество выгоднаго соціальнаго положенія.

Мнѣ не снилось бы, что я ничтожный писецъ, прогнанный чиновникъ, забвущій, голодающій, харкающій кровью, поддерживаемый состраданіемъ старой унтеръ-офицерской вдовы...

Мнѣ снилось бы вѣроятно теперь, что я обрѣлъ теплое мѣстечко, достойное человека съ такъ называемымъ «высшимъ образованіемъ», что я богатъ, окруженъ толпою лстящихъ мнѣ друзей, что у меня жена, заботящаяся о моей фуфайкѣ, и куча дѣтей, коротающихъ мой длинный досугъ. Всю эту дурацкую жизнь я принималъ бы въ серьезъ и былъ бы счастливъ!..

Желѣзный законъ владычества снова надъ умомъ несомнѣнно одарилъ бы меня такими мечтами!

А теперь?.. Я брожу по широкимъ, богатымъ улицамъ, издѣваясь надъ мнимою ихъ реальностью. Шныряю среди празднично разодрѣтой толпы буржуевъ, думая о томъ, что жизнь ихъ—игра вздорной мысли... Сонными глазами вожу по небу... соннымъ взоромъ цѣплюсь за его звѣзды. И знаю, что все это имѣетъ лишь стоимость сновидѣнія, которому суждено исчезнуть!...

Въ моей убогой и узкой каморкѣ пылающей головою ударю о стѣны. Ночью потъ выступаетъ на всемъ тѣлѣ. Днемъ дрожать всѣ члены. И въ груди боль, нестерпимая боль... Кашляю и харкаю кровью...

И напрасно утѣшаю себя философіей, даромъ говорю себѣ: «все это—сонъ, сонъ, который разсѣется и не оставитъ слѣдовъ. Жди!»

Этотъ кошмаръ задавилъ меня своею тяжестью, онъ сѣлъ мнѣ на грудь, сжимаетъ горло, сосетъ кровь...

И все съ большей и большей тоской я ожидаю пробужденія...

Проснуться?—хорошо!

Но лучше ли тотъ сонъ высшаго разряда, въ который я перейду? А если онъ еще хуже, чѣмъ тотъ, въ которомъ живу?.. О, ужасъ!

Вѣдь низшій сонъ, сонъ ночей, являлъ мнѣ иногда болѣе милые и болѣе свѣтлые образы, чѣмъ тѣ, которые я вижу во снѣ на яву...

Ахъ, это было бы чудовищно! Ни откуда спасенія! Словно въ домѣ, объятомъ со всѣхъ сторонъ пожаромъ: грызущій дымъ врывается черезъ двери; красные пѣтухи влетаютъ въ окна; надъ головой трещитъ крыша, грозитъ обваломъ. Куда и какъ бѣжать? Черезъ огонь ли въ дверяхъ, или огонь въ окнахъ? Остаться?—Но крыша осыпаетъ меня искрами и жжетъ...

Что же ждетъ меня тамъ, въ этомъ мірѣ высшаго сна?
Я боюсь его!..

Ночью съ 19-го на 20-ое ноября.

Какъ ужасно одиночество разума!..

Во всемъ громадномъ мірѣ представленій я—одинъ! Нигдѣ души, симпатичной и симпатизирующей мнѣ, души, съ которой можно бы подѣлиться своими мыслями. Нигдѣ ума, который понялъ бы меня. Нигдѣ сердца, которое забилось бы созвучно...

Одиночество! Одиночество!

Грезящій духъ, висащій въ пустотѣ соннаго несуществующаго міра!..

Гдѣ ты, чудный образъ роднаго селенія?! Гдѣ ты, сладкій призракъ любящей матери?! Гдѣ ты, божественное видѣніе дорогой Марини?!..

20-го Ноября.

Напрасно колеблюсь... Надо попробовать, нельзя-ли проснуться... Неужели я—лишь мысль! И нѣтъ во мнѣ ни крупинцы воли?!

Въ самомъ дѣлѣ, могу же я хоть отчасти управлять своими представленіями. (Другое дѣло, что и въ этомъ случаѣ напечатываніе законовъ сна не смолкаетъ)...

Сонъ дѣйствительности имѣетъ свои правила... Онъ позволяетъ дѣйствовать въ той области, въ которую насъ вводитъ...

Если я грежу на яву, что я отдалъ часы, то удаляю ихъ изъ области моего сна; и мнѣ не можетъ уже присниться столь ярко, что часы все еще лежатъ въ шкафу.

И если мнѣ снится на яву, что я сижу за столомъ и что передо мною лежитъ перо, бумага, стоитъ чернильница, я могу пригрезить, что я взялъ перо и пишу. Я только-что вызвалъ такимъ образомъ обманчивый сонъ, что и теперь пишу...

Мнѣ мерещится въ данный моментъ зажженная лампа. Она ярко бросается мнѣ въ глаза. И вотъ я могу принудить себя грезить о томъ, что я придвинулъ, отодвинулъ, погасилъ и вновь зажегъ эту лампу...

Это я и называю: «дѣйствовать въ сферѣ своего сновидѣнія».

Значитъ, въ извѣстныхъ границахъ я могу управлять развитіемъ моихъ сновъ? Очевидно!..

Отлично!—слѣдовательно надлежитъ лишь навѣять себѣ такого рода сонъ, который сотрясеніемъ всей духовной системы вызвалъ бы необходимость проснуться.

Вотъ задача!..

20-го ноября ночью.

Я знаю... знаю... знаю...

Я только что проснулся, дрожа отъ ужаса, обливаясь потомъ. Мнѣ приснилось, что я цѣпилъ себѣ въ лобъ. И когда я во снѣ надавилъ курокъ, я дрогнулъ—и очнулся...

И сейчасъ же вскочилъ съ кровати...

Ха! ха! ха!

Теперь нужно повторить лишь этотъ эффектный сонъ во снѣ на яву, столь же отчетливо и ярко...

Вотъ весь секретъ, какъ сбросить съ груди давящій кошмаръ сна дѣйствительности!

Тамъ, на полкѣ въ шкапу—револьверъ. Онъ, значить, въ сферѣ дѣйствій моего сновидѣнія. Онъ заряженъ...

Слѣдуетъ только погрезить, что я иду за нимъ, беру его и...

Что я цѣлюсь...

И проснусь!... проснусь отъ жизни!

Итакъ, отважно! Навѣю себѣ этотъ страшный, потрясающій, но столь желанно и красиво кончающійся сонъ!

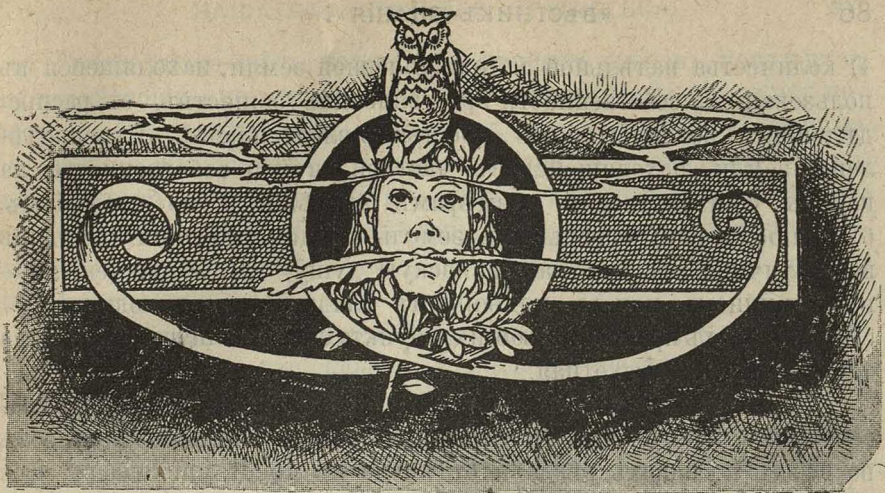
Я боюсь не пробужденія—нѣтъ!

Боюсь скорѣе, что подобно тому, какъ каждую ночь мы вновь погружаемся въ нашъ короткій сонъ, точно такъ же когда-либо, спустя годы или столѣтія, неумолимый законъ періодичности откроетъ мнѣ глаза и велитъ вступить опять въ сей ужасный длинный сонъ дѣйствительности!...

Leo Belmont.

А. А. Радцигъ.

Наша официальная статистика.

Изданія Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ
Землевладѣніе, земледѣліе и народное продовольствіе. Скотоводство.

Въ предыдущей статьѣ я привелъ нѣсколько данныхъ объ изданіяхъ Центрального Статистическаго Комитета, относящихся къ разнымъ сторонамъ общественнаго быта населенія Россіи, а теперь займусь изданіями, въ которыхъ приведены статистическія таблицы, освѣщающія вопросы землевладѣнія, земледѣлія и т. д.

Въ земледѣльческой странѣ, какъ Россія, вопросы о землепользованіи имѣютъ первенствующее значеніе тѣмъ болѣе, что у насъ вѣроятно не менѣе девяти десятыхъ всего населенія кормится произведеніями сельскохозяйственной промышленности.

Статистическія свѣдѣнія о землевладѣніи и земледѣліи стали появляться сравнительно очень недавно, а именно первыя изданія о землевладѣніи *) относятся къ 1880 г. Работы эти положили основаніе русской поземельной статистикѣ и составлены всѣ по одному и тому же плану. Данныя даются и по губерніямъ и по уѣздамъ относительно: 1) числа частныхъ владѣльцевъ и количества принадлежащей имъ земли, 2) числа крестьянскихъ общинъ, числа ревизскихъ душъ муж. пола въ нихъ и количества земли, находящейся въ собственности и пользованіи общинъ 3) количества земли, принадлежащей казнѣ, удѣлу, церквямъ, монастырямъ, городамъ, частнымъ обществамъ и др. учрежденіямъ,

*) Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Восемь выпусковъ.

4) количества надѣльной и прикупленной земли, находящейся въ пользованіи и собственности крестьянскихъ обществъ, съ распределеніемъ по категоріямъ крестьянъ-владѣльцевъ, 5) распределенія земли, находящейся въ частной личной собственности, на группы соотвѣтственно размѣрамъ владѣній и по сословіямъ, 6) распределенія надѣльныхъ земель каждой категоріи крестьянъ по величинѣ надѣла на ревизскую душу, съ обозначеніемъ— въ общинномъ или въ подворномъ владѣніи она находится.

Во всѣхъ предшествующихъ пунктахъ изъ общаго количества земли выдѣлена пахотная.

Затѣмъ въ тѣхъ же выпускахъ показано: распределеніе населенныхъ мѣстъ по ихъ типамъ и число жилыхъ построекъ во всѣхъ поселкахъ уѣзда и отдѣльно въ крестьянскихъ.

Слѣдующее изданіе, относящееся къ тому же предмету, было издано въ 1884 г. подъ заглавіемъ „Распределеніе земель по угодьямъ въ Европейской Россіи за 1881 г.“.

Планъ самаго изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, но исполненіе его довольно небрежно, не говоря уже о томъ, что источники, изъ которыхъ почерпнуты свѣдѣнія, едва ли заслуживаютъ довѣрія. Въ предисловіи названнаго изданія мы находимъ слѣдующія объясненія относительно источниковъ.

„Насколько добытыя свѣдѣнія близки къ истинѣ, нельзя, къ сожалѣнію, судить, по неимѣнію никакихъ данныхъ для сличенія; только новая перепись можетъ указать степень точности нашего матеріала. Но и теперь мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что собранныя нами свѣдѣнія о поляхъ подъ посѣвами господствующихъ въ уѣздѣ растений заслуживаютъ полнаго довѣрія“.

Изъ этой выписки видно, что составители Стат. Временника (серія III, вып. 4) съ одной стороны согласны, что нельзя судить о томъ, насколько приводимыя свѣдѣнія близки къ истинѣ, съ другой считаютъ себя въ правѣ утверждать, что собранныя свѣдѣнія заслуживаютъ полнаго довѣрія, а въ этомъ послѣднемъ я положительно и сомнѣваюсь и ниже объясню почему.

Но, помимо сомнительности самыхъ матеріаловъ, я, къ сожалѣнію, долженъ указать, что цифры, помѣщенные въ предисловіи, не сходятся съ цифрами таблицъ. Такъ, напр., на стр. XXXI предисловія, общее число пахотныхъ земель *подъ зерновыми хлѣбами* показано въ 59.184.302 дес., тогда какъ въ таблицѣ III (Распределеніе земель подъ посѣвами) *подъ зерновыми хлѣбами* въ Европ. Россіи безъ Прибалтійскихъ губерній значится 57.204.166 дес. + 868.048 дес. въ Прибалтійскихъ губ., а всего 58.072.214 дес. Подъ горохомъ въ предисловіи значится 831.011 дес., а въ таблицахъ 815.223 дес. Неудобно же въ самомъ дѣлѣ показывать однѣ цифры въ предисловіи, а другія въ таблицахъ!

Точно также число озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, показанное въ предисловіи, не сходится съ числами таблицъ. По этому поводу въ предисловіи есть объясненіе, что въ итоги, показанные въ предисловіи, включены и пахотныя земли казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ, хотя данныхъ о распредѣленіи ихъ по посѣвамъ въ таблицахъ нѣтъ. Распредѣленіе сдѣлано впоследствии примѣрно на основаніи собранныхъ при переписи свѣдѣній, крайне неполныхъ.

Вотъ противъ подобнаго фабрикованія свѣдѣній я и возстаю энергично, потому что нельзя дѣлать распредѣленіе земель въ Петербургѣ на основаніи крайне неполныхъ свѣдѣній.

Послѣ вышеупомянутаго Временника послѣдовательно вышли въ 1886 г.: Поземельная собственность Европейской Россіи 1877—1886 г.; Свѣдѣнія о землевладѣніи въ Привислинскихъ губерніяхъ (1886 г.) и Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обследованію 1886 года.

Всѣ эти изданія имѣютъ одинъ общій недостатокъ, именно недоброкачественный первоначальный матеріалъ и довольно небрежную обработку этихъ матеріаловъ въ Петербургѣ.

Данныя о распредѣленіи земель въ 70-хъ и 80-хъ годахъ грѣшатъ тѣмъ, что показанныя пространства площадей посѣвовъ ниже таковыхъ въ дѣйствительности, а такъ какъ сборы хлѣбовъ высчитывались, принимая во вниманіе опубликованныя раньше площади посѣвовъ, то и выходило, что наши урожаи были страшно малы, почему норма потребленія населенія и принималась соотвѣственно очень низкая.

Если перейти отъ земельной статистики къ даннымъ о нашихъ урожаяхъ *), мы увидимъ, что для 1883—87 г. въ среднемъ подъ всѣми хлѣбами въ 50 губ. Европейской Россіи было принято 59.982.800 десятинъ. Почти то же пространство значилось подъ хлѣбами и въ 1888 г. Въ 1893 г. площадь посѣвовъ всѣхъ хлѣбовъ была опредѣлена въ 60.434 тыс. дес., а 10 лѣтъ спустя Центральный Статистическій Комитетъ показываетъ уже цифру въ 67.440 тыс. дес.

Я положительно убѣжденъ въ томъ, что площадь посѣвовъ хлѣбовъ въ 1888 г. было не ниже теперешней и что соотвѣственно этому и урожай этаго года долженъ быть значительно возвышенъ. Въ 1888 г. впервые нашъ вывозъ достигъ 548 милл. пуд., а вслѣдъ затѣмъ въ 1889 г. было вывезено 466 милл. пуд. Такіе вывозы при частныхъ остаткахъ (сборъ за исключеніемъ сѣмянъ) всѣхъ хлѣбовъ въ 1.954 милл. пуд. въ 1888 г., и 1.356 милл.

*) См. Изданія Центрального Статистическаго Комитета «Урожай» за разные года.

пуд. въ 1889 г. были бы прямо невозможны, потому что на пропитаніе населенія оставалось бы слишкомъ мало хлѣба. Принимая населеніе для 1888 г. въ 86 милл. жителей, на душу за скидкою вывоза оставалось бы лишь по 16,3 пуд., а въ 1889 г. при 87 милл. жителей лишь по 10 пуд. на душу, что прямо невозможно. Поэтому я и считаю данныя объ урожаяхъ 80-хъ годовъ много ниже фактическихъ сборовъ.

Я не принималъ во вниманіе Привислинскій край, потому что сборы хлѣбовъ въ Привислинскихъ губерніяхъ недостаточны для собственнаго потребленія и этимъ губерніямъ приходится получать хлѣбъ изъ тѣхъ же 50-ти губерній Европейской Россіи. Теперешнія цифры площадей посѣвовъ уже ближе къ дѣйствительности, но и онѣ по всей вѣроятности не полны, хотя Центральный Статистическій Комитетъ, какъ видно изъ его записки: Способы собиранія и разработки урожайныхъ данныхъ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ *) увѣренъ въ своей непогрѣшимости. Эта увѣренность видна изъ того, что способы собиранія урожайныхъ данныхъ и ихъ разработки не подвергались существеннымъ измѣненіямъ съ 1883 г. Съ тѣхъ поръ распространился районъ собиранія данныхъ почти на всю Россію, а именно на 72 губ. и области, но, въ отношеніи качества, матеріалы не улучшились. Это обстоятельство признано и Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяиственной промышленности, какъ видно изъ того, что по предложенію предсѣдателя Особого Совѣщанія была образована комиссія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу о реорганизаціи собиранія свѣдѣній объ урожаяхъ.

Въ самомъ назначеніи комиссіи уже замѣчается сомнѣніе въ правильности способовъ собиранія данныхъ и желаніе улучшить наши свѣдѣнія объ урожаяхъ.

Министръ финансовъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что свѣдѣнія объ урожаяхъ, разрабатываемыя въ трехъ вѣдомствахъ разнообразными методами, представляютъ часто большое различіе въ итогахъ, и полагаетъ, что улучшеніе существующаго порядка собиранія и разработки свѣдѣній объ урожаяхъ имѣетъ весьма важное значеніе для мѣропріятій Министерства Финансовъ, которому весьма важно своевременно получать вѣрные итоги сборовъ хлѣбовъ.

Это мнѣніе совершенно вѣрно, такъ какъ способы собиранія данныхъ на мѣстахъ давно уже требуютъ улучшенія; но еще болѣе того необходимо улучшить окончательную обработку дан-

---

*) Матеріалы по вопросу объ организаціи собиранія сельскохозяиственныхъ статистическихъ свѣдѣній. С.-Петербургъ 1903 г.

ныхъ въ Петербургѣ. Укажу на нѣкоторые дефекты въ самыхъ изданіяхъ «Урожай».

Въ поуѣздныхъ таблицахъ въ изданіяхъ Центрального Статистическаго Комитета помѣщены сборы хлѣбовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель, тогда какъ данныя о сборахъ хлѣбовъ съ арендуемыхъ крестьянами у частныхъ владѣльцевъ земель игнорируются. Въ сводныхъ таблицахъ приводится общій сборъ независимо отъ того, кому онъ принадлежитъ, и выводятся чистые остатки хлѣбовъ, которые и распределяются на душу населенія.

До 1889 г., включительно, чистые остатки хлѣбовъ съ частновладѣльческихъ и крестьянскихъ земель высчитывались на душу сельскаго населенія, какъ будто города не потребляли хлѣба, съ другой стороны выводимая цифра не давала понятія о сытости деревни, потому что, кромѣ крестьянскаго, на душу населенія высчитывался и частновладѣльческій хлѣбъ.

Съ 1900 г. общіе чистые остатки хлѣбовъ высчитываются на все населеніе, что уже вѣрнѣй, но необходимо выдѣлять при этомъ хлѣбъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, съ земель арендованныхъ крестьянами отъ частновладѣльческаго, и тогда выяснится сколько хлѣба приходится на крестьянскую душу.

Норма потребления хлѣба крестьянами въ Россіи въ разныхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще не выяснена, а между тѣмъ это вопросъ очень важный. Въ 70-хъ годахъ въ среднемъ потребление считали равнымъ 18 пуд. всѣхъ хлѣбовъ въ годъ на душу, но мнѣ кажется, что эта цифра, считая потребление населенія и прокормъ скота, недостаточна.

Центральный Статистическій Комитетъ считаетъ нормой потребления продовольственныхъ хлѣбовъ на душу 13 пудовъ. При маломъ потребленіи въ Россіи мяса и рыбы, эта послѣдняя цифра слишкомъ низка, тѣмъ болѣе что при перемолѣ пшеницы получаютъ отруби, идущія на прокормъ скота.

Но, если данныя о сборахъ хлѣбовъ могутъ быть названы неудовлетворительными, то что же сказать о тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія печатаются Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ о сборахъ льна-волокна и пеньки. Эти данныя уже вполнѣ фантастичны и едва ли доставляются съ мѣста производства въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ появляются въ печати.

Какъ извѣстно, ленъ на югѣ высѣвается съ цѣлью получения волокна, а между тѣмъ мы видимъ, что въ изданіяхъ Центрального Статистическаго Комитета отмѣчаются сборы льна - волокна въ такихъ губерніяхъ, гдѣ ленъ не производится и гдѣ ни одинъ пудъ льняного волокна не попадаетъ на желѣзную дорогу. А въ такомъ случаѣ, спрашивается, куда же дѣвается этотъ ленъ?

Чтобы не быть голословнымъ, привожу слѣдующія цифры, взятія изъ изданій Центрального Статистическаго Комитета.

Сборы льна-волокна:

Въ тысячахъ пудовъ.

Годы.	Обл. Войска Донскаго.	Губ. Екате- ринославск.	Сѣверный Кавказъ.
1893—1897 въ среднемъ. . .	807	1.082	5.704
1898	2.405	4.383	7.897
1899	799	1.563	3.071
1900	1.083	2.088	3.993

Милліоны пудовъ льняного волокна будто бы собираются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ленъ вообще могъ бы быть лишь самаго плохаго качества, потому что льняное волокно при произрастаніи требуетъ влаги, безъ которой получается короткій и грубый стебель, изъ котораго едва ли можно вить даже веревки.

Съ 1901 г. по даннымъ Центр. Стат. Комитета, губернія Екатеринославская и Область Войска Донскаго перестали производить льняное волокно, а Сѣверный Кавказъ сильно сократилъ это производство.

Нельзя себѣ представить, чтобы данныя о производствѣ льна въ Екатеринославской губ., или Области Войска Донскаго были получены изъ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, а если это такъ, то надо думать, что цифры были пополнены въ Петербургѣ. И вотъ противъ подобнаго пополненія цифръ въ Петербургѣ, я энергично и возражаю, потому что для того, чтобы пополнять цифры, надо знать мѣстные условія.

Но вотъ что еще страннѣй. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ напечатаніемъ данныхъ о производствѣ льна-волокна на югѣ была сдѣлана ошибка, вслѣдствіе чего общая цифра сборовъ льна у насъ сильно возвысилась. Эта ошибка была замѣчена всѣми лицами, знакомыми съ производительностью Россіи, и въ тоже время она, къ сожалѣнію, прошла незамѣченной для составителя: „Ежегодника Министерства Финансовъ“, который нѣсколько лѣтъ подъ рядъ повторялъ одну и ту же несообразность, при чемъ въ итогѣ сверхъ того вкралась еще непростительная ошибка.

Привожу данныя Центрального Статистическаго Комитета и Ежегодника Министерства Финансовъ съ 1892 по 1897 г. Сборы, льна-волокна въ 64 г. (60 губ. Европ. Россіи и 4 Сѣв. Кавказа) составляли:

Тысячи пудовъ.

Годы.	По даннымъ	По даннымъ.
	Центр. Стат. Комит.	Ежегод. Минист. Фин.
1892	19.040	37.571
1893	24.872	49.205
1894	26.217	51.849
1895	36.210	71.774
1896	41.566	82.159
1897	34.561	43.355

Я положительно недоумѣваю, откуда составитель Статистическихъ Сборниковъ Министерства Финансовъ могъ взять приведенныя цифры, а между тѣмъ онѣ напечатаны въ Ежегодникахъ за 1898 г. (стр. 536), за 1899 г. (стр. 708), за 1900 г. (стр. 564), за 1901 (стр. 663). Какъ можно четыре года подъ рядъ повторять однѣ и тѣ же невѣрныя цифры, просто непостижимо, а между тѣмъ это фактъ. Какое же послѣ того можетъ быть довѣріе къ официальнымъ цифрамъ.

Точно также подвержены сильному сомнѣнію свѣдѣнія, печатаемыя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ о количествѣ скота въ Россіи.

На несообразности статистики скота я въ 1899 г. указывалъ въ своемъ изслѣдованіи: Скотоводство и молочное хозяйство въ разныхъ государствахъ, и сейчасъ могу лишь повторить, что если намъ нужны точныя свѣдѣнія о скотоводствѣ, то намъ надо сдѣлать перепись скота, а безъ такой переписи цифры будутъ всегда лишь приблизительными.

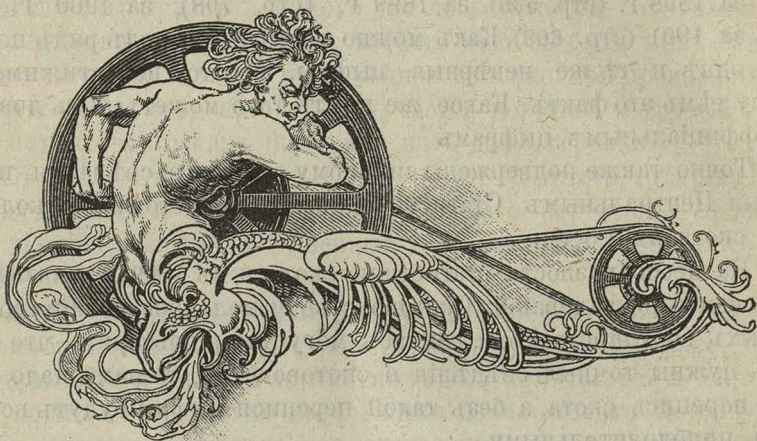
Въ 1901 г. Центральный Статистическій Комитетъ выпустилъ въ свѣтъ „Временникъ“ № 50, подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о количествѣ скота въ 1900 г. по даннымъ волостныхъ правленій и уѣздной полиціи“. Эти свѣдѣнія, какъ не основанныя на переписи, также внушаютъ мало довѣрія, а способы собиранія нельзя признать научными, что не отрицается и самимъ Центр. Стат. Комитетомъ, который все таки считаетъ, что: „хотя этотъ способъ (собиранія данныхъ черезъ волостныя правленія и уѣздную полицію) и не представляется строго статистическимъ, но получаемыя посредствомъ него данныя оказываются достаточно удовлетворительными“. По моему мнѣнію, свѣдѣнія, напечатанныя въ 1901 г., слѣдуетъ признать такъ же неудовлетворительными, какъ и раньше напечатанныя, при чемъ, въ послѣднемъ Временникѣ нѣтъ данныхъ, ни о вѣсѣ скота, ни о его возрастѣ и т. д., то-есть нѣтъ тѣхъ данныхъ, которыя могли бы быть собраны переписью.

Резюмируя все вышесказанное, я позволяю себѣ думать, что официальные изданія о землевладѣніи, землепользованіи, урожаяхъ и скотоводствѣ могли-бы быть значительно улучшены, но

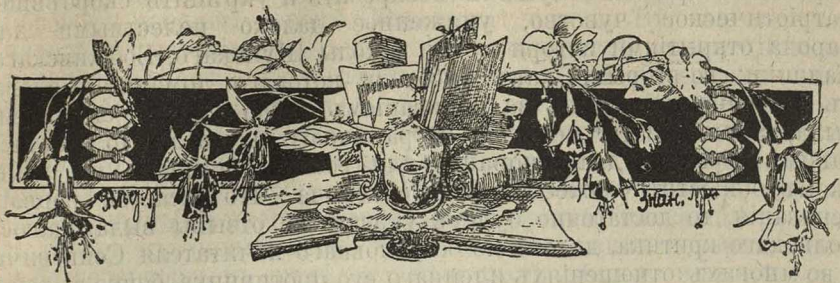

нужно прежде всего, чтобы свѣдѣнія на мѣстахъ собирались-бы не волостными правлениями и уѣздной полиціей, а специалистами статистиками. Точно также необходимо, чтобы разработка данныхъ производилась бы специалистами, а не чиновниками, выдвигаемыми службой на высшія должности статистиковъ, безъ достаточной научной и практической подготовки.

Антонъ Радигъ.

Левъ Горскій.

Буря вокругъ Сенкевича.

Ожесточенные нападки на Сенкевича, беспощадная критическая провѣрка вдохновлявшихъ его идеаловъ, сведеніе общественнаго значенія его писательской дѣятельности на „нѣтъ“ или даже на минусъ — явленіе въ польской печати весьма знаменательное, крайне неожиданное и во многихъ отношеніяхъ поучительное для русскаго читателя. Оно знаменательно, такъ какъ доказываетъ, что въ психикѣ польскаго общества, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его слоевъ, произошли какіе-то крутые повороты, явились какія-то новыя идейныя образованія; что-то старое порвалось и заговорило что-то свѣжее. Оно неожиданно, ибо рѣзко противорѣчитъ еще носящимся въ воздухѣ кликамъ юбилейнаго торжества въ честь автора „Quo Vadis“, которому недавно и, какъ казалось, въ единодушномъ порывѣ польское общество преподнесло великолѣпный даръ—цѣлое имѣніе: доказательство почести и благодарности, которыхъ не удостоивался въ такой степени до сихъ поръ ни одинъ изъ польскихъ писателей. Наконецъ, явленіе это поучительно для русскаго читателя, такъ какъ талантливый авторъ „Трилогіи“ и „Безъ догмата“ приобрѣлъ себѣ и въ русской публикѣ многихъ обожателей, которымъ не помѣшаетъ ознакомиться съ критическими вѣяніями польской мысли во взглядахъ на Сенкевича, какъ ни далеко зашли нынѣ польскіе критики въ пылу полемическаго задора и... юношеской беспощадности.

Впрочемъ, безъ всякаго отношенія къ правотѣ или ложности взглядовъ, одинъ уже фактъ критической реакціи по отношенію къ Сенкевичу на польской почвѣ самъ по себѣ чрезвычайно интересенъ. Авторъ „Трилогіи“ и „Quo Vadis“ съ давнихъ поръ сталъ вдвойнѣ любезенъ польскому сердцу. Во-первыхъ, какъ

могучій художественный талантъ, который идеалистическими картинами прошлаго сумѣлъ воскресить и укрѣпить скорбѣвшее патріотическое чувство, униженное далеко нелестными для народа открытіями исторической школы Шуйскаго, Бобжинскаго, Калинки; во-вторыхъ, какъ писатель, котораго домашняя слава, въ особенности вслѣдъ за написаніемъ „Quo Vadis“, скрѣплена была, такъ сказать, печатью заграничнаго патента. Получились такимъ образомъ два основанія для господствующаго въ польскомъ обществѣ обожествленія Сенкевича. Что касается перваго основанія, то достаточно будетъ указать на отзывы выдающагося польскаго критика, далеко не безусловнаго почитателя Сенкевича, а во многихъ отношеніяхъ идейнаго его противника, борца за демократическіе идеалы, Фельдмана, который, подчеркивая ни на чемъ не основанную идеализацію шляхетскаго прошлаго въ историческихъ романахъ автора „Трилогіи“, тѣмъ не менѣе, признаетъ за нимъ громадную патріотическую заслугу. По мнѣнію Фельдмана, вполне понятно и естественно, что голосу Сенкевича, прозвучавшему въ сухой и трезвенной атмосферѣ, созданной слишкомъ затянувшимся господствомъ выродившагося „позитивизма“, отвѣтилъ „крикъ восхищенія изъ ста тысячъ грудей“: „Трилогія“ Сенкевича не есть рядъ книгъ — это великій актъ. Душа націи давно желала его, выжидала. Она требовала „своего“ — а давно уже ни одна книга не отличалась столь сильнымъ, польскимъ духомъ; какъ эта нація требовала глубокаго, свободнаго дыханія для сдавленной груди, прежнія книги не были уже способны, пробуждать воспоминанія, мечты, энтузіазмъ, народъ требовалъ поддержки — и эта то книга на многихъ произвела вліяніе „мѣднаго змѣя“, на котораго Моисей приказалъ обращать глаза измученному блужданіями, терзаемому болѣзнями Израилю въ пустынь“. Къ сожалѣнію Сенкевичъ, по указанію Фельдмана, подкрѣпляетъ не надолго. Первое вѣяніе холодной критической мысли — а ея не удержатъ — разрываетъ радужную завѣсу... Что касается втораго основанія восторговъ по адресу Сенкевича, то оно еще болѣе ярко и еще глубже затрогиваетъ характерныя струны народной души. Уже Мицкевичъ замѣтилъ поклоненіе поляковъ чужеземному („что французъ выдумаетъ, то полякъ полюбитъ“). Пословица: „никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“ — на польской почвѣ многократно приобрѣтала доказательную силу. За то „свой“ всегда становился пророкомъ, когда онъ снабжался заграничнымъ патентомъ на славу. Неоднократно талантливійшіе люди уѣзжали за границу при свисткахъ или сопутствуемые гробовымъ молчаніемъ, а возвращались на родину при трубныхъ звукахъ всей польской прессы, которая размахивала въ честь ихъ знаменами, сшитыми изъ отзывовъ заграничной критики. Остроумѣйшему изъ современныхъ польскихъ писателей, Нейверту-Новачинскому, пришлось прикрикнуть однажды на польскихъ хвалителей автора „Quo Vadis“: „Господа! помилуйте, Сенкевичъ вовсе не потому великъ, что его хвалятъ за границею, но его хвалятъ за граница потому, что онъ великъ“. А между тѣмъ нельзя въ данномъ случаѣ не отнестись снисходительно къ дѣтской радости польской прессы изъ-за признанія Сенкевича за границей и въ Россіи, какъ ни прожужжала уши эта пресса менѣе терпѣливымъ слушателямъ постоянными восклицаніями: „опять итальянская

газета пишетъ о Сенкевичѣ...“ или: „французскій критикъ говорить про нашего писателя...“ или: „въ русскомъ журналѣ появился переводъ новеллы нашего Сенкевича“ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, народъ, переставшій жить политической жизнью и живущій только духовно, блѣднѣетъ иногда отъ ужасной мысли, что его имя можетъ быть забыто въ сонмѣ народовъ, что онъ не обращаетъ на себя ничьего вниманія: отсюда понятно, что писатель, засвидѣтельствовавшій о духовной мощи народа, прославившій польское имя за предѣлами Польши, обратившій историческими романами вниманіе чужеземцевъ на прошлое своего государства, снискавшій уваженіе и любовь къ типамъ этого прошлаго, заслужилъ признательность и благодарность въ средѣ своихъ и сталъ чѣмъ-то въ родѣ божка.

И вотъ долгіе годы принято было не критиковать Сенкевича. Почти все, что о немъ писалось, было сплошнымъ дигиромбомъ. Критическое замѣчаніе казалось доказательствомъ дурного вкуса, непатріотичности, безтактности, или, что хуже—немошной зависти. Однажды маститый романистъ Ежъ (Милковскій), который пѣшкомъ прошелъ всю южную Россію, сдѣлалъ замѣчаніе, что трава малороссійскихъ степей въ мартъ вовсе не столь высока, чтобы въ ней могли скрываться съ головой всадники, какъ думаетъ авторъ „Огнемъ и мечемъ“,—и замѣчаніе это сочтено было за выискиваніе завистниками Сенкевича пятенъ на солнцѣ, а консервативные критики (имя имъ — легионъ!) въ дальнѣйшемъ указывали на безусловную художественную правду изображеній Сенкевича и отсутствіе малѣйшихъ погрѣшностей противъ истины. Въ другой разъ извѣстный критикъ изъ прогрессивнаго лагеря выразилъ сомнѣніе въ справедливости отношеній Сенкевича къ Хмѣльницкому и къ казакамъ и сдержанно замѣтилъ, что Ярема Вишневецкій врядъ ли заслуживалъ идеализаціи; несмотря на это, консервативная критика не переставала оглушительно кричать объ исторической правдѣ въ романахъ Сенкевича и молиться на „благородный образъ“ воскрешеннаго авторомъ „Трилогіи“ героя „Яремы“. И забывалось вовсе, что этотъ герой нарисованъ былъ ранѣе историкомъ Шайнохой и романистомъ Качковскимъ согласно подлиннымъ документамъ, при чемъ оказывался олигархомъ и буяномъ, жестокимъ до мозга костей, издѣвающимся надъ крестьянскимъ людомъ, строителемъ висѣлицъ, авторомъ тезиса: „слѣдуетъ убивать такъ, чтобы умирающіе чувствовали, что они умираютъ“ Красивая фальсификація Сенкевича сходилась за великолѣпный портретъ: Ярема Вишневецкій, который угнетеніемъ простого народа только усиливалъ пламя возстанія, который съ войскомъ являлся на сеймъ, желая сорвать таковой, прослылъ среди публики, одурманенной кадильнымъ дымомъ „Трилогіи“, за покорнаго сына и спасителя Рѣчи-Посполитой, блистающаго гражданскими добродѣтелями, смиреннаго и возвышеннаго героя. Однажды Свентоховскій, говоря объ индивидуальности Сенкевича, замѣтилъ, что среди всѣхъ воспитанниковъ Главной Школы этотъ въ молодые годы не выдавался ничѣмъ, развѣ тѣмъ, что зналъ отлично гербы на всѣхъ каретахъ и удивлялъ этимъ знаніемъ своихъ коллегъ; въ другой разъ изъ-подъ пера Свентоховскаго сорвалось замѣчаніе, что, между тѣмъ, какъ нѣсколько страницъ Бальзака представляютъ обиліе идей въ афористической формѣ, изъ многотомныхъ сочиненій Сенкевича трудно извлечь даже

небольшое количество сжатыхъ мыслей, стоящихъ повторенія, но и то, и другое замѣчаніе упало въ бездну молчанія, а, пожалуй, показалось завистливымъ шипѣніемъ писателя, не могущаго добиться столь широкой, какъ Сенкевичъ, популярности; и Свентовский, дабы избѣжать такихъ подозрѣній, аристократически замолчалъ на цѣлыя годы о своемъ „счастливымъ литературномъ соперникѣ“. Впрочемъ, и это молчаніе приписывалось злобной зависти. Господствующимъ тономъ въ отзывахъ о Сенкевичѣ былъ тотъ, который встрѣчался въ цвѣтистыхъ фразахъ графа Тарновскаго, ректора Краковскаго университета, расточающаго безъ всякой мѣры похвалы любимцу публики. Въ диэпирамбическихъ изліяніяхъ Тарновскаго Сенкевичъ оказывался Дантомъ, Мицкевичемъ, Шекспиромъ въ одномъ лицѣ, да еще съ плюсомъ...

Такъ продолжалось многіе годы...

И вдругъ вокругъ Сенкевича разыгралась неистовая буря. Обнаружилось, что въ литературѣ повѣяли новыя идеи, что вкусы подъ вліяніемъ модернистической поэзіи значительно измѣнились, что пессимизмъ Пшибышевскаго нашелъ сильный отзвукъ въ сердцахъ молодежи, что, если молодежь эта и не нашла новыхъ твердыхъ принциповъ, новыхъ торныхъ путей, то все же она выросла изъ пеленокъ старообряднаго и плоскаго оптимизма, воодушевляющаго страницы „Quo Vadis“ и „Семьи Поланецкихъ“.

Скажемъ напередъ, что поводъ для критическихъ нападокъ на Сенкевича самъ по себѣ былъ ничтоженъ и что нападки перешли границы справедливости. Но назрѣвшее новое настроеніе давно искало случая заявить, что идеалы Сенкевича болѣе не удовлетворяютъ широкихъ круговъ интеллигенціи, и необходимая реакція противъ безмѣрнаго куренія еиміама на алтарѣ Сенкевича должна была проявиться въ обратномъ явленіи: въ безпощадномъ указаніи на отрицательныя стороны въ дѣятельности этого крупнаго таланта.

Ближайшій поводъ поворота въ общественномъ мнѣніи былъ таковъ: одна изъ варшавскихъ газетъ, „Театральная“ обратилась ко всѣмъ выдающимся польскимъ писателямъ съ просьбою, высказать свое мнѣніе о новѣйшемъ „чувственно-пессимистическомъ“ репертуарѣ польскаго театра. Изъ-подъ пера Сенкевича вырвалось рѣзкое осужденіе: „Течка появляется лишь въ нѣкоторыя времена года и не заполняетъ всецѣло даже жизни животныхъ. Тѣмъ болѣе она не можетъ заполнять человѣческой жизни. Въ виду этого, направленіе, основанное исключительно на явленіяхъ течки, считаю опаснымъ этически, несогласнымъ съ истиной и природой вещей, натянутымъ эстетически, неискреннимъ, а, слѣдовательно, лишеннымъ цѣнности. Впрочемъ, съ большинствомъ пьесъ этого репертуара я незнакомъ ближе; высказываю лишь общій взглядъ“.

Собственно говоря, отъ Сенкевича и нельзя было ожидать другого мнѣнія: классикъ, поклонникъ ясныхъ архитектурныхъ линій въ своихъ твореніяхъ, онъ не могъ питать любви къ туманнымъ очертаніямъ модернистическихъ созданій; насадитель оптимистическихъ взглядовъ на жизнь, ровный и радостный авторъ „Семьи Поланецкихъ“, убѣжденный въ томъ, что въ катехизисѣ указанъ для всякаго желающаго безошибочный путь къ нравственности и счастью заразъ, строгій судья „бездогматовцевъ“

не могъ относиться дружелюбно къ пессимистическимъ вѣяніямъ современной мысли. Притомъ чувственные образы Пшибышевскаго, повторяющіеся однообразно, могли надоесть даже читателю, далекому отъ приторной pruderie; для всякаго безпристрастнаго критика, хотя бы и захваченнаго новымъ движеніемъ, т. е. лучшимъ въ немъ, становилось яснымъ, что Пшибышевскій, при всемъ своемъ талантѣ, ужъ слишкомъ бьетъ по одной струнѣ—физиологической любви, увлеченный своей забавной философской идеей, что „въ началѣ былъ полъ“. Такимъ образомъ, осужденіе Сенкевича могло касаться лишь излишествъ извѣстнаго направленія, касаться главнымъ образомъ Пшибышевскаго. Въ добавокъ, оно относилось лишь къ сценическимъ произведеніямъ, служа отвѣтомъ на специальную статью „Театральной Газеты“; наконецъ, самъ Сенкевичъ оговаривался, что съ большинствомъ пьесъ даннаго репертуара онъ незнакомъ, что онъ высказываетъ лишь общій взглядъ, т. е. протестуетъ противъ пьесъ, коихъ темою служить исключительно „течка“.

Однако, рѣзкость фразы, короткій судъ, отсутствіе ограничительныхъ поясненій относительно всего направленія, презрительное слово „течка“, произнесенное надъ трагедіей полового инстинкта, насмѣшка надъ пессимизмомъ, хотя бы и съ чувственною окраскою—все это не могло не взволновать цѣнителей новаго направленія. Многимъ показалось, что Сенкевичъ осуждаетъ безъ исключенія все модернистическое направленіе, всѣхъ писателей и созданіе модной литературы. Посему горькое слово упрека обращено было молодымъ критикомъ Бжозовскимъ къ Сенкевичу въ журналѣ „Глосъ“; Пшибышевскій въ томъ же журналѣ, полусамовѣренно, полусамоничижительно, прибавимъ, съ большою дозою наивности, задалъ автору „Quo Vadis“ вопросъ: „неужели обо мнѣ шла рѣчь, когда вы произносили слово: течка?“ Сенкевичъ не считъ нужнымъ отвѣтить. За него безъ нужды стали говорить другіе. Консервативный лагерь напалъ на Бжозовскаго за непочтительный тонъ въ обращеніи къ Сенкевичу. Обвиненіе было несправедливо. Къ Бжозовскому примкнули другіе. Произведена была „переоцѣнка“ дѣятельности Сенкевича. Консервативный лагерь завопилъ на кошунство молодыхъ критиковъ. Возгорѣлась полемика. Тонъ ея съ обѣихъ сторонъ становился неприличенъ. Дѣло дошло до скандала. Какой-то критикъ „Курьера Варшавскаго“ напалъ съ палкою на редактора газеты „Глосъ“ въ кондитерской. Къ счастью, рядомъ съ журнальной свалкой шло нѣкоторое просвѣтленіе критической мысли. Бжозовскій напечаталъ цѣлый рядъ статей о Сенкевичѣ, которыя, при всѣхъ преувеличеніяхъ, „оцѣнки на выворотъ“, бросили свѣтъ на нѣкоторые недочеты доселѣ безусловно обожаемаго писателя и дали поводъ къ чьей-то мѣткой характеристикѣ: „большой маленькій человѣкъ“ (Бжозовскій) далъ хорошій урокъ маленькому великому человѣку (Сенкевичу)“.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ молодой критикъ и драматургъ, доселѣ малоизвѣстный, впрочемъ, вызвавшій недавно вниманіе публики полученіемъ награды на драматическомъ конкурсѣ имени Сенкевича, что, кстати, побудило какого-то азартнаго фельетониста изъ „Курьера Варшавскаго“ обвинять Бжозовскаго за его критическое отношеніе къ автору „Quo Vadis“... въ неблагодарности къ Сенкевичу!..

„Авторъ „Семьи Поланецкихъ“—пишетъ Бжозовскій—несоизмѣримъ съ нашей эпохой какъ въ общественномъ, такъ и въ чисто-духовномъ отношеніи... Его творенія стали намъ чужды... Общественная нужда, страданія, антагонизмъ; кровавыя столкновения личныхъ идеаловъ и общественныхъ обязанностей,—все содержаніе нашей моральной жизни не нашло въ его сочиненіяхъ никакого отклика... Съ міромъ соединяетъ его лишь глазъ... Его психологія, чисто внѣшняя, заключаетъ въ себѣ лишь то, что люди должны знать другъ о другѣ, дабы могли въ довольно узкихъ границахъ жить совмѣстно, не причиняя себѣ вреда... Нѣтъ человѣка менѣе способнаго къ отвлеченіямъ, чѣмъ Сенкевичъ, менѣе способнаго выйти изъ устоявшихся привычекъ и окрѣпшихъ навыковъ души... Для него ни въ дѣлахъ человѣческихъ, ни во всемъ мірѣ, нѣтъ ничего сложнаго, ничего темнаго... Если бы онъ не существовалъ, современное мѣщанство должно было бы его выдумать. Благодаря ему, le bourgeois s'amuse“.

Въ этомъ отрывкѣ опредѣлено вѣрно то, что сильнѣе всего въ талантѣ Сенкевича: умѣніе рассказывать. Въ эпоху, когда буржуа утомлялся чтеніемъ нѣсколько длинной новеллы, онъ сумѣлъ вновь приковать вниманіе читателей къ многотомнымъ романамъ, какъ бы воскрешая времена славы Сю и Дюма-отца. Если бы отъ беллетристики требовалось лишь одно: „забавлять“—ни одно критическое замѣчаніе не достигло бы высотъ литературнаго престола Сенкевича; онъ былъ бы неуязвимъ. Однако, такъ какъ литература не только пріятная забава, такъ какъ, благодаря вліянію художественныхъ твореній на умы средней публики, отъ беллетристики позволительно требовать посѣва благотворныхъ идей и просвѣтленныхъ чувствъ, то строгая оцѣнка дѣятельности Сенкевича съ точки зрѣнія идейной становится вполне умѣстной. А при таковой оцѣнкѣ оказывается въ значительной степени вѣрнымъ замѣчаніе Бжозовскаго, что Сенкевича главнымъ образомъ соединяетъ съ міромъ око: онъ скользитъ по поверхности явленій. Поэтому—прибавимъ отъ себя—вопреки его замыслу красивый языческій Римъ въ „Quo Vadis“ выходитъ у него привлекательнѣе, чѣмъ первобытный христіанскій міръ; посему христіанство отождествляется имъ съ показнымъ римскимъ католицизмомъ; онъ не замѣчаетъ зіяющей пропасти между гробомъ Спасителя и царственнымъ престоломъ папъ, насаждавшихъ инквизицію. Его, казалось бы, никогда не мучили сомнѣнія, извѣстныя Толстому. Для него линія, ведущая отъ Христа къ Льву Х (Медичи) — есть линія безъ всякихъ изгибовъ и изломовъ. Посему въ самомъ глубокомъ изъ его романовъ: „Безъ догмата“—по печальной случайности, говорящей въ пользу Сенкевича, самомъ глубокомъ психологическомъ романѣ на польскомъ языкѣ—смерть и несчастіе Анельки приводятся въ прямую связь съ отсутствіемъ догматической вѣры въ душѣ Плошовскаго: Плошовскій не вѣрилъ достаточно сильно въ катехизисъ, потому, дескать, былъ нерѣшителенъ въ дѣлахъ любви (будто всѣ вѣрующіе женятся безъ колебаній и сразу распознаютъ подругу жизни), потому заставилъ Анельку выйти замужъ за другого безъ любви, потому заставилъ ее умереть... при разрѣшеніи ребенкомъ, потому самъ не могъ уже жениться на ней! И Сенкевичу не приходитъ даже на умъ, что виною несчастія Плошов-

скаго и Анельки было скорѣе *присутствіе догмата въ ней*, невозможность разрыва несчастнаго брака по канонамъ католической церкви: ибо тутъ приходится дѣло имѣть съ „непоколебимыми“ принципами... Такимъ образомъ глубокой и стремительный потокъ психологическаго анализа Сенкевича становится въ концѣ концовъ мелкимъ ручейкомъ, разливающимся на пескѣ. Наконецъ, та же невозможность задержатъ свой взоръ въ глубинѣ порождаетъ самый плоскій (при всѣхъ красотахъ) польскій романъ „Семья Поланецкихъ“, герой котораго вызываетъ восторгъ автора своею идеальною дѣловитостью, — при чемъ авторъ не замѣчаетъ, что этотъ герой спекулируетъ на человѣческомъ голодѣ *); Поланецкій на сотняхъ страницъ является представителемъ мелкой буржуазной „трагедіи“ — измѣны женѣ, для того, чтобы вся эта трагедія мирно разрѣшилась внезапнымъ успокоеніемъ совѣсти измѣниваго мужа, потому ли, что Марыня, родивъ, опять приобрѣтаетъ заманчивыя для мужа очертанія фигуры, потому ли, что Поланецкій исполнилъ „долгъ“ всякаго порядочнаго человѣка... купилъ имѣніе!.. Только деньги откуда-то взять?.. Просто, слѣдя за столь невысокимъ полетомъ мысли, не вѣрится иногда, что Сенкевичъ начиналъ свою литературную дѣятельность прекраснымъ этюдомъ: „Очерки углемъ“, въ которомъ сильно бьется демократическій пульсъ и смѣло брошенъ столь любезной вполнѣдствіи Сенкевича аристократіи упрекъ въ безсердечныхъ отношеніяхъ къ меньшей братіи“.

По поводу теперешней размолвки между бойцами изъ „Глоса“ и защитниками Сенкевича въ консервативной прессѣ Варшавская „Правда“ пишетъ:

„Онъ внесъ въ нашу литературу три вещи: большой талантъ, большую популярность и большія требованія гонорара. Изъ уваженія къ его творческой силѣ, изъ благодарности за художественное удовольствіе и изъ купеческаго интереса вытекаетъ не только его слава, но и невиданная доселѣ у насъ реклама. Если авторъ беретъ нѣсколько копѣекъ за строку, можно заработать на немъ и безъ особенныхъ усилій, но когда онъ получаетъ за строку нѣсколько рублей, о его сочиненіяхъ приходится трубить постоянно и во всѣ стороны. Издатели и старались, чтобы ни одинъ нумеръ распространенныхъ журналовъ не проходилъ безъ замѣтки о Сенкевичѣ. Его имя стало преслѣдовать читателей, какъ „Одоль“ или „Белларина“. Въ то время, какъ много цѣнныхъ сочиненій едва удостоивалось обозначенія въ реестрахъ библіографіи, малѣйшая замѣтка самаго захолустнаго заграничнаго журнала объ авторѣ „Quo Vadis“ удостоивалась перепечатокъ. Всѣ безъ исключенія его сочиненія объявлялись перлами искусства... Онъ сталъ папою и монархомъ литературы“.

Въ дальнѣйшемъ сотрудникъ „Правды“ доказываетъ, что это идолопоклонство въ честь одного имени принесло вредъ литературѣ и обществу. Кадильный дымъ отъ алтаря Сенкевича, туманъ панегирической пыли, вызванной этимъ „литературнымъ монотеизмомъ“ затмилъ всѣ другіе таланты, всѣ иные плоды литературы. И реакція была необходима. Пришли на сцену новые люди,

*) Выгодное дѣло, восхищавшее Поланецкаго — продажа по дорогой цѣнѣ партій хлѣба въ голодныя губерніи Россіи.

для которыхъ сталъ чуждъ авторъ аристократическаго „Безъ догмата“, шляхетской трилогіи, клерикальнаго „Quo Vadis...“ Собственно говоря, имъ бы и не пришло въ голову напасть на Сенкевича—могучій талантъ, высказывавшійся искренно и по своему, какъ ему велѣла судьба,—если бы не тотъ идолопоклонническій танецъ, устроенный вокругъ его имени, который заглушалъ всѣ другіе голоса и мѣшалъ обратить вниманіе на все новое, цѣнное, достойное жизни не менѣе сенкевичевскихъ изданій. Критикъ „Правды“ высказываетъ въ концѣ замѣчаніе, что самому Сенкевичу, вѣроятно, не приходится по вкусу его безтолковые защитники, „дождемъ болота“ заливающіе молодежь, пользующуюся естественнымъ правомъ творчества и критики. „Нѣкоторая наивность, странности и излишества этой молодежи—по замѣчанію сотрудника „Правды“,—это мелочь, недоходящая до сердцевины вопроса. Сердцевина—въ заявленіи нѣкоторой группы людей, что канонизованный писатель не есть для нихъ евангеліе, что они свободны не признавать въ немъ авторитета, стоящаго внѣ критики, что они видятъ, кромѣ него, другія свѣтила. Этотъ свѣжій потокъ, хотя бы въ началѣ неглубокій и извилистый, хотя бы покрытый пылью и не знающій своего исхода, не долженъ быть загороженъ. Пусть течетъ: если его вскармливаетъ богатый источникъ, если онъ найдетъ встрѣчные ручьи—разрастется въ рѣку; если нѣтъ—высохнетъ. Но его пока не слѣдуетъ безчестить“.

Имѣя въ виду это замѣчаніе, вернемся къ статьямъ Бжозовскаго о Сенкевичѣ *): Мы не можемъ, въ виду обширности этихъ статей, привести цѣликомъ ихъ интересное содержаніе, но постараемся намѣтить, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія идеи. Оговоримся, что не всѣ упреки Бжозовскаго по адресу Сенкевича представляются упреками и съ нашей точки зрѣнія. Но они вдвойнѣ характерны: они даютъ возможность начертить ярче индивидуальность Сенкевича, какъ контрастъ модернистическимъ вѣяніямъ въ польской литературѣ, и распознать характеръ измѣнившагося времени въ сопоставленіи съ обожествляемымъ недавно писателемъ. Вѣрная сама по себѣ иногда характеристика Сенкевича подъ перомъ Бжозовскаго, сильная, какъ полемическій приѣмъ въ проложеніи путей новому направленію, становится слабою какъ критика — и вотъ почему. Во-первыхъ, этотъ представитель индивидуализма, потрясающій критическимъ копьемъ во имя индивидуализма модернистическихъ авторовъ, которымъ якобы стала на дорогѣ огромная фигура Сенкевича, нападаетъ... на индивидуализмъ писательской личности автора „Quo Vadis“. Между тѣмъ ратуя за свободу авторской индивидуальности, за субъективизмъ художественнаго созерцанія, за право смотрѣть собственными глазами на міръ, за то, что душа писателя создаетъ изъ себя этотъ міръ, критикъ долженъ бы, по крайней мѣрѣ, признать равноправность за художественнымъ созерцаніемъ Сенкевича и отдать должную дань уваженія также его міру и законамъ его души. Съ той идейной высоты, на которую становится критикъ, дока-

*) Статьи другихъ сотрудниковъ „Глоса“, съ большою силою нападающихъ на шляхетско-клерикальные идеалы романовъ Сенкевича, проводятъ мысли не новыя для русскихъ читателей, а потому мы обращаемъ большее вниманіе на оригинальныя по замыслу статьи Бжозовскаго.

зывающій призрачность всякаго объективизма, могутъ распростра- няться лучи во всѣ стороны, и туда, гдѣ думаютъ иначе, чѣмъ Сенкевичъ, но грозный ударъ не долженъ падать никуда, даже туда, гдѣ думаютъ такъ, какъ думаетъ Сенкевича. Во-вторыхъ, довольно странны нападки Бжозовскаго, бывшаго сотрудника кра- ковской „Жизни“, редактированной Пшибышевскимъ, на Сенке- вича за отсутствіе общественнаго духа. И Бжозовскій, и его еди- номышленники, поставившіе выше всего идеаль красоты, еще вчера, пожалуй, рядились въ модныя одежды антиобщественности. Искусство—вотъ все, что они считали достойнымъ поклоненія. Общественные идеалы, нравственныя различія добра и зла — все это лежало для нихъ гдѣ-то очень низко, казалось имъ и мелкимъ, и смѣшнымъ. А сегодня они стали казнить Сенкевича за недоста- токъ общественнаго духа. Правда, что эволюція къ общественности и демократіи прежнихъ индивидуалистовъ и аристократовъ духа представлена Бжозовскимъ и ярко, и почти убѣдительно; разницы между вчера и сегодня во взглядахъ модернистовъ по возмож- ности сглажены, черезъ пропасти переброшены идейные мосты; правда, что недостатокъ общественности у Сенкевича подтвер- ждается искусно подобранными аргументами со ссылкой на тео- ретическія построенія Авенаріуса, но все же сомнѣнія остаются: пусть Сенкевичъ разнится въ социальныхъ взглядахъ съ передо- вымъ лагеремъ, но не можетъ быть рѣчи объ отсутствіи обще- ственности въ писателѣ, который въ своемъ міросозерцаніи сли- вается съ большинствомъ, старательно поддерживаетъ принципы историческаго прошлаго и ходячей морали, поклоняется и за- ставляетъ поклоняться извѣстнымъ національнымъ и религіознымъ (т. е. групповымъ) идеаламъ. Консерватизмъ—не есть въ тѣсномъ смыслѣ явленіе антиобщественное. Напротивъ, онъ по духу общест- венное вѣяніе, онъ защищаетъ все то, что долгое время составляло основу единства группы. Когда онъ защищаетъ даже пережитки, можно съ прогрессивной точки зрѣнія говорить лишь о томъ, что эта защита приноситъ вредъ обществу въ цѣломъ, мѣшаетъ его дальнѣйшему высшему развитію, но объ отсутствіи обще- ственности въ тѣсномъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи. Эта часть критики Бжозовскаго основана посему на натяжкахъ и на смѣ- шеніи понятій, хотя она не лишена цѣнности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обращается противъ защиты Сенкевичемъ вредныхъ идей- пережитковъ и задерживающихъ развитіе народной души классовъ-хъ предразсудковъ. Въ-третьихъ, нельзя не замѣтить того про- тиворѣчія, въ которое постоянно впадаетъ Бжозовскій, съ одной стороны, изображая пышный расцвѣтъ модернистической лите- ратуры, которая обогнала Сенкевича, а съ другой стороны завѣряя, что Сенкевичъ задержалъ движеніе новѣйшей литературы. Что- нибудь—одно: то или другое?.. Мы думаемъ, что Сенкевичъ не задер- жалъ развитія литературы, а если его популярность у публики стала на дорогѣ популярности другихъ авторовъ, то тутъ не Сенкевичъ виноватъ, а его усердные хвалители, скорѣе же всего и эта вина сцѣпленія обстоятельствъ: медленнаго развитія общественной души, обычнаго мизанеизма (нелюбви къ новшествамъ), необходимости борьбы, на которую обречена всякая новая красота, пока полу- чить признаніе, наконецъ, излишествъ и недостатковъ новаго на- правленія, которыя мѣшаютъ признанію достоинствъ. Впрочемъ,

стремленіе къ новой модѣ представляетъ обратное теченіе и помогаетъ побѣдѣ новаго—даже со всѣми его излишествами, кривляньями, странностями, иногда.. увеличивающими быстроту и яркость побѣды!..

Однако, довольно оговорокъ. Перейдемъ къ цитатамъ изъ статей Бжозовскаго. Вотъ одна изъ мастерскихъ характеристикъ: „Міръ Генриха Сенкевича отличается ясностью и выразительностью очертаній, формъ, даже душъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютнымъ отсутствіемъ какого-либо остающагося въ тѣни или полутѣмѣ фона. Все здѣсь показывается въ мягкомъ, не рѣжущемъ глазъ, самомъ пріятномъ для смотрящаго солнечномъ свѣтѣ: ни о чемъ не приходится догадываться, ничто не остается предполагаемымъ, нерѣшеннымъ, сложнымъ: все упрощается, становится понятнымъ само по себѣ, не возбуждаетъ сомнѣній. Въ мірѣ Сенкевича нѣтъ никакихъ загадокъ, никакихъ источниковъ безпокойства, никакихъ раздвоеній мысли и души. Все есть такъ, какъ есть; кажись, иначе и не могло быть...“

Критикъ доказываетъ это многими примѣрами. Самый яркій находится въ „Quo Vadis“. Сенкевичъ, противопоставляя языческій міръ христіанскому, нагромоздилъ съ одной стороны все зло, преступленія, страданія, безпокойство, хаосъ, по другую сторону— всю добродѣтель, простоту, правду и вдобавокъ и счастье. Очевидно, выборъ оказывается чрезмѣрно легкимъ. Духовная высота Марка Аврелія остается за чертою взора писателя, какъ и все, что было „mauvais genre“ въ нарождающемся христіанствѣ. Даже, что касается христіанства, то душа апостола Павла представлена слишкомъ идиллически; этотъ прототипъ всякаго абсолютнаго христіанства Кальвиновъ, Янсеніевъ и т. п. изображенъ смиреннымъ старцемъ, не имѣющимъ никакого другого дѣла, кромѣ благословенія легальной любви Виниція и Лиги. Объ антагонизмѣ между любовью и аскетизмомъ ни слова; ни слова о трагическихъ изнываніяхъ нарождающейся христіанской души, о томящихъ ее въ началѣ сомнѣніяхъ на границѣ двухъ противоположныхъ созерцаній; никакого углубленія въ творческій процессъ новой религіи... Критикъ признаетъ, что съ художественной точки зрѣнія такая выпуклость и ясность контуровъ должна привлекать массы читателей и представляетъ родъ своеобразной красоты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается ничтожность столь легкаго синтеза; чувствуется, что онъ созданъ безъ всякаго усилія мысли, едва ли не послѣ бѣлаго взгляда глазомъ.

„Сенкевичъ — это человѣкъ, не признающій потемокъ и сложностей. Все ясно, либо должно быть ясно—вотъ догма его душевной жизни. Въ современномъ культурномъ обществѣ Генрихъ Сенкевичъ единственный художникъ крупнаго калибра, который въ творествѣ своемъ не обнаруживаетъ слѣда контрастовъ души, внутренней борьбы, сомнѣній. Все ясно; но это не ясность, исполненная трагической мощи великой побѣды надъ собой, надъ трудностями и раздвоеніями, какъ, напр., у безсмертнаго автора „Фауста“; это ясность и спокойствіе, опережающія всякую борьбу и побѣду, лучистый покой легкой мысли и душевной чистоты“.

„Чѣмъ жить? — спрашиваютъ Ничше, Ибсенъ, Мэтерлинкъ, Пшибышевскій—Сенкевичъ отвѣчаетъ: любовью къ весьма вѣрной

женщинѣ, сознаніемъ, что въ костелѣ идетъ месса и миткалемъ“ *).

По утвержденію Бжозовскаго, Сенкевичъ убѣжденъ въ цѣнности и законности всѣхъ наивныхъ компромиссовъ современной мѣщанской жизни, въ сомнѣніи видитъ лишь прискорбное недоразумѣніе, потакаетъ улыбающемуся бездушію всѣхъ тѣхъ, кто пользуется жизнью, не приобретающаго ничего борьбой. Буржуазіи, желающей забавляться, пользоваться благами обеспеченной жизни, не думая и не сомнѣваясь, повезло: какъ это ни странно, она обрѣла великаго художника, который смогъ быть великимъ, будучи ея угодникомъ.

Генрихъ Сенкевичъ умѣетъ описывать даже битвы такъ красиво, что за красотой зрѣлища нигдѣ не видно страданія. Для него явленія міра не болѣе какъ занимательное зрѣлище и, возсоздавая ихъ, онъ умѣетъ занять читателя.

„Сенкевичъ забавляется міромъ, но это не забава человѣка, который, на подобіе Анатолія Франса, приобрѣлъ право на такую игру убѣжденіемъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего серьезнаго; онъ забавляется, такъ какъ не хочетъ знать, что такое жизнь и забавляетъ другихъ, которые не хотятъ знать того же.

„Генрихъ Сенкевичъ — говоритъ критикъ — олицетворяетъ польское шляхетское мировоззрѣніе. Польскій шляхтичъ, когда чего-либо не пойметъ, не вѣритъ въ это, а когда это надоѣдливое „что-либо“ не уступаетъ, впадаетъ въ гнѣвъ. Постулатъ, вносимый въ жизнь польскимъ шляхтичемъ, былъ, чтобы міръ не представлялъ затрудненій въ пониманіи, убѣжденіе, что все, вызывающее затрудненія, ненужная, вредная, глупая выдумка. Основное невѣріе въ глубину и сложность міра — вотъ фундаментальная догма польской философіи. Неудивительно, что представителемъ польскаго духа объявленъ былъ при трубныхъ звукахъ художникъ, вся дѣятельность котораго была безпрестаннымъ примѣненіемъ этой догмы“.

Читатель согласится, что молодому польскому критику удалось взглянуть на знаменитаго польскаго писателя съ оригинальной точки зрѣнія, при чемъ онъ замѣтилъ многое, незамѣченное никѣмъ другимъ, и умѣлъ своеобразными свои наблюденія выразить въ мѣткихъ и сильныхъ выраженіяхъ. А вотъ что говорить онъ дальше о психологіи Сенкевича:

„Это психологія салонная *par excellence*, впрочемъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Душепознавательная и визионерская гордость Достоевскаго, психологія анализа въ родѣ Стендаля ему неизвѣстны; даже Бурже глубже сходитъ въ душу, чѣмъ онъ. Пока для характеристики человѣка достаточны внѣшнія очертанія его дѣйствій, Сенкевичъ даетъ фигуру вполне послѣдовательную; но изъ этихъ рамокъ онъ и не выходитъ. Глубина души либо не занимаетъ его, либо не представляется ему загадкой. Онъ, пожалуй, самый послѣдовательный, но и самый холодный художникъ въ современной Европѣ. Онъ никогда не теряетъ равновѣсія; онъ всегда безмѣрно *correct*: въ атмосферѣ его произведеній всякій взрывъ показался бы чѣмъ-то безтактнымъ. Онъ признаетъ только разсудочные характеры. Онъ умѣетъ нарисовать

*) Намекъ на заведеніе окраски миткаля, принадлежащій Поланецкому.

только одну душевную силу—силу холодной, гордой, размѣренной воли. Импульсивныя движенія чувствъ и мыслей, безсознательныя творческія глубины—это для него книга за семью печатами. Его здравый разсудокъ столь чуждъ мистицизму, что и первобытное христіанство, когда онъ захотѣлъ его прославить, вышло у него здоровымъ, т. е. фальсифицировано имъ и сдѣлано банальнымъ“.

И въ этихъ словахъ много правды — хотя самъ критикъ чувствуетъ, что необходима при нихъ оговорка относительно нѣкотораго сентиментализма Сенкевича, который, затрогивая инныя темы, особенно любовныя, умѣетъ быть и теплымъ. Но что касается любви, то и тутъ поражаетъ критика отсутствіе въ Сенкевичѣ всякой метафизики. И любовь для Сенкевича есть что то весьма простое и очень занимательное. Его занимаютъ главнымъ образомъ перипетіи любовной исторіи. Въ трагедію любви онъ мало проникаетъ: такъ „для него Анелька можетъ быть одновременно идеаломъ польской женщины и легализованной содержанкой своего мужа“... Впрочемъ, что касается нападеній Бжозовскаго и его сотоварищей въ „Глосѣ“ на типъ Анельки, то мы ихъ не раздѣляемъ: Анелька—жертва клерикально-соціальныхъ предрассудковъ; она не перестаетъ быть чистой, хотя и отдается нелюбимому человѣку, ибо она дѣйствуетъ въ глубокомъ убѣжденіи, что такъ велитъ ей обязанность, дѣйствуетъ въ духѣ религіознаго понятія о бракѣ, какъ о таинствѣ; она—страдалница. Критики Сенкевича, не забрасывая грязью этой несчастной женщины—одной изъ самыхъ трогательныхъ фигуръ въ литературной галлерей польскихъ женщинъ — могли найти болѣе вѣрный путь для того, чтобы отгнать отсутствіе прогрессивной мысли и трагическихъ раздвоеній въ Сенкевичѣ, если бы указали ему, что онъ не замѣтилъ зіяющей пропасти между высшими понятіями о любви и общественными понятіями, между священнымъ правомъ человѣческаго сердца и узами оскверненнаго каноническимъ правомъ брака: онъ миновалъ и въ этомъ вопросѣ мучительныя сомнѣнія, сведя всю обширную трагедію къ случайной ошибкѣ, къ винѣ человѣка „безъ догмата“. Дескать, нужно лишь имѣть догматъ—и все пойдетъ на ладъ!

Но какъ имѣть догматъ? — объ этомъ не задумывается Сенкевичъ. Минутами онъ какъ будто нащупываетъ, что не имѣть догмата есть несчастіе, а не вина, но сейчасъ же объ этомъ забываетъ. Ему все кажется, что „неимѣніе догмата“—это лишь рѣдкая случайность и что на исчезновеніе догматовъ въ современномъ обществѣ существуетъ лишь одно, весьма простое лѣкарство: „имѣть догматъ“.

Если этотъ оптимизмъ — не маска, если эта проповѣдь — не скрытое состраданіе человѣка, который утѣшаетъ старымъ лишь потому, что безвѣріе — несчастіе, а новыхъ утѣшеній пока нѣтъ; если эта вѣра Сенкевича не священное притворство изъ за нежеланія растравлять опаснѣйшія раны, а лишь крайнее недомысліе и непониманіе своего времени, поражающее у столь крупнаго художественнаго таланта, да, пожалуй еще, ханжество средняго сытаго обывателя, повторяющаго то, что „принято“, что популярно у толпы, то, во что „всѣ вѣрятъ“—то раздраженіе современной молодежи, пребывающей въ мучительномъ сомнѣніи, ощущающей жаръ ранъ, горечь яда сомнѣній въ душѣ и неподдающейся лѣченію снадобьями отжившаго прошлаго, под-

носимыми столь щедро Сенкевичемъ,—то раздраженіе это, говорю, становится понятнымъ.

И неудивительно, что въ порывѣ этого раздраженія у Бжозовскаго вырываются въ концѣ его статей (за которыми въ цѣломъ вслѣдствіе ихъ обширности мы не въ состояніи слѣдить), слѣдующія тяжелыя слова:

„Мировоззрѣніе улыбающейся, влюбленной въ самое себя пошлости, атмосфера безъ духа, безъ идеала—вотъ что встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ Сенкевича. Обвиненіе тяжкое, но я бросаю его, сознавая всю отвѣтственность, которую на себя беру. Дайте мнѣ изъ сочиненій Сенкевича одно слово, вырванное изъ діалога души съ вѣчностью, одно слово о страшной загадкѣ добра и зла, хотя бы одно искреннее слово о смерти“.

Будемъ осмотрительнѣе! Не подпишемъ обѣими руками этихъ словъ упрека по адресу автора „Безъ догмата“ и „Трилогіи“: у него свои взгляды, другіе идеалы! Впрочемъ мы и не знаемъ всѣхъ тайниковъ его души. Но все же со спокойною совѣстью отмѣтимъ слова Бжозовскаго. Ихъ продиктовалъ честный крикъ молодой души—ихъ продиктовало страданіе.

Левъ Горскій.

Проф. К. Фламмаронъ.

ЗЕМЛЯ И ЧЕЛОВѢКЪ ВО ВСЕЛЕННОЙ *).

I. Разборъ положеній А. Р. Уоллеса.

Сегодня я намѣренъ подвергнуть критикѣ недавно предложенную великимъ англійскимъ натуралистомъ, Альфредомъ Русселемъ Уоллесомъ, гипотезу, по которой наше солнце находится въ серединѣ млечнаго пути, а послѣдній представляетъ всю вселенную. Задача солнца состоитъ въ томъ, чтобы давать свѣтъ и возбуждать жизнь исключительно на нашей землѣ, которая одна только обитаема изъ всѣхъ другихъ планетъ.

Уже давно, начиная съ первой работы, которая была мною отдана на судъ критики, я придерживаюсь совершенно противоположныхъ возрѣній, и я счастливъ, что приглашенъ высказаться и отстоять свой взглядъ здѣсь передъ вами; ибо я думаю, вмѣстѣ съ г. Пуанкаре, что духовный свѣтъ, пролитый астрономіей на наше сознаніе, гораздо важнѣе того матеріальнаго свѣта, которому мы обязаны знаніемъ видимаго міра. Мы согласны съ тѣмъ, что величіе астрономіи заключается болѣе въ ея философіи, чѣмъ въ добытыхъ ею физическихъ данныхъ. Желательно, чтобы этотъ свѣтъ никогда не заволакивался ни малѣйшимъ облачкомъ, такъ какъ его вліяніе на развитіе человѣческой мысли не должно ничѣмъ помрачаться; положенія же г. Уоллеса намъ кажутся именно такимъ облачкомъ, и мы попытаемся его разсѣять.

Альфредъ Руссель Уоллесъ,—одинъ изъ творцовъ теоріи трансформизма, уже давно извѣстенъ въ наукѣ. Участіе, которое онъ принялъ въ недавнихъ дебатахъ по различнымъ вопросамъ психологіи, обнаруживаетъ въ немъ независимость характера—явленіе, вообще говоря, очень рѣдкое въ наше время. Этотъ

---

*) Глаголъ, произнесенная въ собраніи „Société astronomique de France“, первымъ предсѣдателемъ котораго былъ Фламмаронъ, состоящій теперь его секретаремъ.

ученый внушаетъ всѣмъ, сталкивающимся съ нимъ людямъ самое искреннее почитеніе. Для насъ безразлично: англичанинъ онъ, или нѣмецъ, или французъ, такъ какъ астрономія не признаетъ никакихъ политическихъ границъ. Это человекъ науки, съ насъ достаточно этой характеристики его, какъ человека. Едва ли можно ожидать отъ него легкомыслія, и его положенія должны опираться на какія-нибудь серьезныя данныя. Последнее его сочиненіе о центральномъ положеніи нашей планеты многими читалось и комментировалось, и, дѣйствительно, не могло пройти незамѣченнымъ.

Прежде всего, введеніе заставляетъ догадываться, что это сочиненіе преслѣдуетъ не только научныя цѣли, но отчасти и теологическія. Въ немъ мы встречаемся съ такими вопросами, какъ вопросъ о христіанскомъ ученіи, Сынѣ Бога, безсмертіи души, объ агностицизмѣ и матеріализмѣ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ вопросахъ, ихъ мы только отмѣтимъ. Мы подвергнемъ критическому разбору его положенія лишь съ точки зрѣнія согласія съ данными астрономіи и фізіологіи и философской ихъ цѣнности.

Въ каждомъ спорѣ легко оставаться справедливымъ и искреннимъ,—и не въ этомъ заключается добродѣтель критика. Гораздо труднѣе быть безпристрастнымъ, такъ какъ трудно отрѣшиться отъ своихъ воззрѣній. Наша самая строгая обязанность, какъ критика, состоитъ въ томъ, чтобы ничего не измѣнять въ фактахъ, если это измѣненіе можетъ служить на пользу или во вредъ разсматриваемой теоріи. Наука имѣетъ своей цѣлью только истину. Истина священна и налагаетъ извѣстныя требованія на человека. Мы должны быть всегда и во всемъ ея рабами и защитниками.

Положенія Уоллеса отвѣчаютъ на слѣдующіе 5 вопросовъ: 1) безконечно ли число звѣздъ; 2) расположеніе звѣздъ въ пространствѣ; 3) млечный путь; 4) наше скопленіе звѣздъ; 5) приспособленность земли для жизни.

Исслѣдуемъ постепенно эти вопросы.

I. Вотъ разсужденіе автора: «часто утверждалось, что число звѣздъ безгранично и что, слѣдовательно, вселенная безконечна въ пространствѣ. Последнія телескопическія изслѣдованія, а также и фотографія, доказываютъ, что стремленіе къ увеличенію числа звѣздъ уменьшается для звѣздъ большей величины, т. е. чѣмъ звѣзда больше, тѣмъ меньше звѣздъ равной ей величины. До девятой величины число звѣздъ каждого класса равно почти утроенному числу звѣздъ предыдущаго класса, но дальше это отношеніе сильно уменьшается.

«Съ другой стороны, если бы число звѣздъ было неограниченно, то небо должно было бы быть переполнено ими и блестѣть подобно солнцу. Итакъ, число звѣздъ ограничено».

Можно написать цѣлый томъ возраженій на это утвержденіе Уоллеса. Во-первыхъ, не слѣдуетъ смѣшивать абсолютное пространство съ вселенной. Мнѣ кажется, что мы не можемъ представлять себѣ абсолютное пространство иначе, какъ безъ границъ,—неограниченнымъ, безконечнымъ, такъ какъ едва наше воображеніе представить себѣ границу этого пространства, какъ это понятіе само собой уничтожится. Я хорошо знаю, что нѣкоторые философы, и далеко не изъ послѣднихъ, дошли до отрицанія реальнаго существованія пространства и думали,

напримѣръ, опредѣлить пространство, говоря, что пространство—это то, что раздѣляетъ два тѣла, т. е. что безъ тѣла не существовало бы и пространства. Мы имѣемъ смѣлость считать это опредѣленіе чистѣйшимъ софизмомъ. Ничто, пустота все-таки еще составляютъ пространство, т. е. то мѣсто, въ которомъ могутъ помѣститься тѣла *).

Мы считаемъ пространство безконечнымъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и вселенная должна быть необходимо безконечна? Нѣтъ.

Можно согласиться даже съ Уоллесомъ, что вселенная ограничена; всетаки число звѣздъ не безгранично.

Я прибавлю, что этого не можетъ быть, такъ какъ мы всегда можемъ, по крайней мѣрѣ, мысленно прибавить къ числу существующихъ звѣздъ еще одну, десять, двадцать, пятьдесятъ, сто, тысячу звѣздъ. Пространство безконечно, но число звѣздъ не безконечно **).

Мы можемъ согласиться съ Уоллесомъ, что число звѣздъ—не безконечность (это существительное и прилагательное «безконечно» имѣютъ, впрочемъ, противоположный смыслъ), но мы не можемъ утверждать вмѣстѣ съ нимъ, что вся вселенная состоитъ только изъ извѣстныхъ звѣздъ и тѣхъ, которыя еще будутъ открыты. Можетъ существовать еще значительное число звѣздъ, которыя останутся вѣчно невидимы для человѣческаго глаза, отчасти вслѣдствіе дальности ихъ разстоянія, отчасти вслѣдствіе того, что лучи, испускаемые этими звѣздами не могутъ быть восприняты сѣтчатой оболочкой нашего глаза.

Очень возможно также, что число потухшихъ звѣздъ значительно превышаетъ число свѣтящихся еще солнцъ. Мы знаемъ уже и затмѣнія звѣздъ, напр. Альголи и системы звѣздъ этого рода.

Существуетъ мнѣніе, что если бы число звѣздъ было безконечно, то все небо должно было бы блестѣть подобно солнцу. Это мнѣніе опирается на тотъ фактъ, что поверхности воображаемыхъ концентрическихъ сферъ увеличиваются пропорціонально квадратамъ ихъ радіусовъ и что количество свѣта, посылаемое каждой звѣздой уменьшается по этому же закону, откуда слѣдуетъ, что если бы число звѣздъ было безконечнымъ, то звѣздное небо должно было бы быть богато свѣтомъ и по интенсивности его походить на солнце. Но невозможно доказать, что блескъ звѣздъ не уничтожается вмѣстѣ съ увеличеніемъ разстоянія и не

*) „Это тавтологія“, быть можетъ, скажутъ намъ нѣкоторые.—Нисколько, отвѣчу имъ я. Я вынужденъ пользоваться словами въ разговорной рѣчи и письмѣ. Наше представленіе пространства находится въ связи съ нашимъ мускульнымъ чувствомъ; наши идеи зависятъ отъ нашихъ ощущеній, но отсюда не слѣдуетъ, что причины нашихъ ощущеній не существуютъ въ дѣйствительности. Наша впечатлѣнія всѣ относительны, но внѣ насъ *есть то, что существуетъ*, хотя оно и неизвѣстно намъ въ своей сущности. Внѣшній міръ не подчиненъ нашему разуму. Безъ насъ солнце, земля, Юпитеръ, Сатурнъ все же бы существовали.

**) Многіе математики, заслуживающіе довѣрія, утверждаютъ, что число звѣздъ можетъ быть безконечно. Такъ напримѣръ, въ астрономическомъ бюллетенѣ Парижской обсерваторіи за 1902 г., стр. 227, въ статьѣ Сале (Salet) читаемъ: «Число звѣздъ неограниченно, по крайней мѣрѣ, можетъ быть неограниченнымъ». И далѣе авторъ, опираясь на этотъ принципъ, рассуждаетъ о картинѣ звѣзднаго неба. Съ другой стороны, если можно по желанію увеличивать мысленно число звѣздъ, то какъ можетъ это число быть безконечнымъ? Безконечность есть то, чего нельзя болѣе увеличить, къ чему нельзя больше ничего прибавить.

уменьшается обратно пропорціонально квадрату радіуса. Галлей, Шезо, Ольберсъ, В. Струве, изслѣдовывавшіе этотъ вопросъ, не рѣшили его. Пространство можетъ быть и не абсолютно прозрачнымъ. А между тѣмъ развѣ оно не наполнено различными веществами, метеорическими тѣльцами и туманностями? Развѣ туманная матерія должна быть обязательно свѣтящейся? Безъ сомнѣнія,—нѣтъ. Въ доказательство мы можемъ привести туманность, освѣщаемую (новой) звѣздой Персея.

II. Уоллесъ разсматриваетъ собственныя движенія звѣздъ проходящихъ необъятное пространство съ различными скоростями, изъ которыхъ самая значительная—скорость звѣзды 1830 Грумбриджа (Groombridge), составляетъ 7" ежегодно—(слѣдовало указать на еще большую скорость звѣзды Кордоба V^ч, 243, которая достигаетъ 8", 7). Объ этихъ движеніяхъ, такъ же какъ и о тѣхъ, которыя констатированы спектральнымъ анализомъ, здѣсь говорить не мѣсто: это факты наблюденія. То же самое можно сказать и о параллаксахъ. Самая близкая звѣзда настолько удалена отъ насъ, что если бы мы разсматривали съ ея поверхности разстояніе между солнцемъ и землей, то оно опиралось бы на уголъ приблизительно равный дугѣ въ 1 секунду (около $\frac{7}{10}$). Эту величину легко себѣ представить, если разсматривать букву о этого размѣра, удаленную отъ насъ на 1½ километра; величина дуги будетъ при этомъ $\frac{1}{10}$ секунды. Движенія звѣздъ кажутся намъ такими незначительными благодаря вращенію земли вокругъ солнца.

Разстояніе звѣздъ отъ насъ нельзя опредѣлять по ихъ блеску. Самыя блестящія звѣзды—далеко не самыя близкія. Лучшія указанія на этотъ счетъ даютъ собственныя движенія звѣздъ: самыя быстрыя движенія совершаютъ наиболѣе близкія звѣзды. Съ холмика на берегу моря можно въ общемъ судить объ удаленіи кораблей по ихъ видимымъ перемѣщеніямъ, независимо отъ ихъ дѣйствительныхъ различій въ скоростяхъ. То же и здѣсь. Исходя изъ этихъ соображеній, авторъ стремится опредѣлить форму и строеніе вселенной.

III. Всѣмъ хорошо знакомъ млечный путь; каждый любовался въ прекрасныя лѣтнія ночи этой небесной рѣкой, которая протекаетъ какъ бы по эфирнымъ долинамъ, съ одного конца горизонта на другой. Этотъ звѣздный поясъ окружаетъ всю землю, и если бы она была прозрачна, то мы видѣли бы его подъ ногами такъ же, какъ видимъ его у себя надъ головой. Онъ описываетъ на небесной сферѣ почти большой кругъ, наклоненный подъ угломъ 63° къ эклиптикѣ и приближающийся къ сѣверному и южному полюсамъ. Млечнымъ своимъ цвѣтомъ,—происшедшимъ, какъ повѣствуетъ античный мифъ, вслѣдствіе того, что въ этомъ мѣстѣ были пролиты капли молока изъ груди Юноны, которою она кормила Геркулеса,—онъ обязанъ безчисленному множеству маленькихъ звѣздъ 8-ой, 9-ой, 10-ой, 11-ой и т. д. величинъ. Лучи этихъ звѣздъ слишкомъ мало-интенсивны, чтобы произвестъ въ отдѣльности впечатлѣніе на сѣтчатую оболочку нашего глаза, но въ общей сложности они даютъ впечатлѣніе свѣта. Въ простой бинокль ихъ можно ясно разглядѣть и раздѣлить; число ихъ значительно увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ зрительной способности.

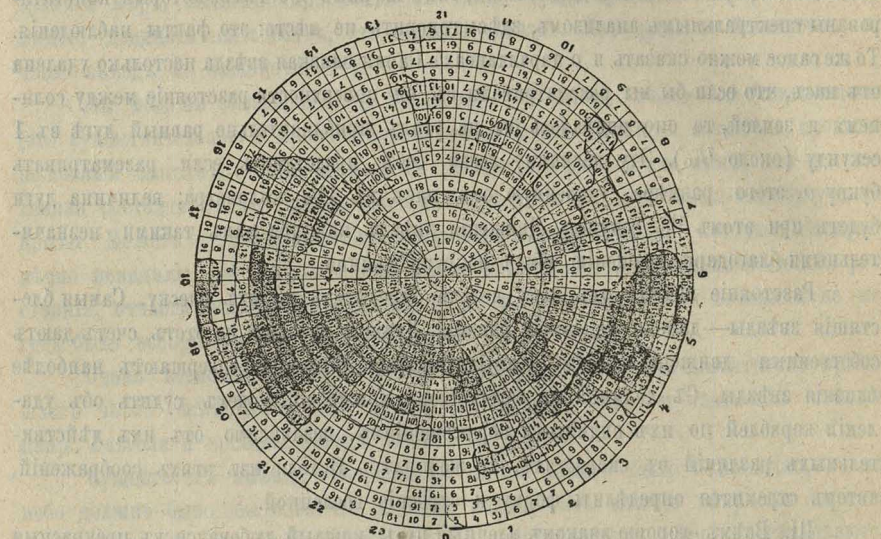
Но, кромѣ маленькихъ звѣздъ, составляющихъ звѣздный поясъ, въ млечномъ пути и вблизи его находятся звѣзды различной яркости. Два полюса млечнаго пути представляютъ мѣста съ наименьшимъ количествомъ звѣздъ. Раздѣливъ

млечный поясъ на зоны величиной въ 15 градусовъ, въ квадратѣ мы замѣтимъ постепенное увеличеніе числа звѣздъ отъ полюсовъ къ срединѣ. По мнѣнію Джона Гершеля (1840), это увеличеніе пропорціонально числамъ 4—5—8—13—24—53.

Наблюденія, сдѣланныя послѣ Гершеля, подтвердили его вычисленія.

На звѣздныхъ картахъ Скиапарелли мы также видимъ ясно, что скопленіе звѣздъ различныхъ величинъ для каждого мѣста неба увеличивается около млечнаго пути. Основываясь на фотометрическихъ изслѣдованіяхъ Пиккеринга и урмометрическихъ Гульда, авторъ раздѣлилъ небо на 36 зонъ параллелями склоненія по 50° . Каждая зона была разбита на сферическія трапеціи вертикальными часовыми кругами.

1.—Густота звѣздъ сѣвернаго полушарія.

Между экваторомъ и параллелью 50° -го градуса склоненія эти круги удалены другъ отъ друга подъ угломъ въ 5° , между параллелями 50° и 60° —подъ угломъ 10° , между 60° и 80° — 15° , между 80° и 85° — 45° ; параллель же около полюса была раздѣлена на четыре части. Такимъ образомъ все пространство было раздѣлено на 1.800 частей, мало отличныхъ одна отъ другой. Степень скопленія звѣздъ можетъ быть опредѣлена количествомъ звѣздъ въ каждомъ мѣстѣ. Общее число звѣздъ будетъ 4.303, среднее число для $\frac{1}{200}$ всей сферы будетъ 21,5, и среднее для каждой поверхности—10,4. На прилагаемомъ рисункѣ сѣвернаго полушарія видно направленіе млечнаго пути.

Карта, составленная Прокторомъ по большому атласу Аргеландера, содержащая 324.198 звѣздъ этого атласа, до звѣздъ 10-й величины включительно, которую я опубликовалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ моей „Популярной Астрономіи“, также обнаруживаетъ это увеличеніе густоты.

Изъ этихъ фактовъ Уоллесъ, подобно многимъ, впрочемъ, астрономамъ, дѣлаетъ выводъ, что млечный путь есть огромное кольцеобразное скопленіе звѣздъ,

и что мы и наша планета находимся въ центрѣ этого скопленія. Джонъ Гершель, производившій замѣчательныя изслѣдованія по этому вопросу на мѣстѣ Доброй Надежды, а также въ Англіи, предполагалъ, что мы находимся ближе къ южной части, чѣмъ къ сѣверной, такъ какъ южная сторона кажется намъ болѣе яркой и ближе къ намъ находящейся. Но это можетъ быть и иллюзія, такъ какъ млечный путь очень неправиленъ, и сосѣднія части сѣвернаго полюса, а также и южнаго болѣе узки сравнительно съ частями, отстоящими на 90° . В. Струве пришелъ къ противоположному выводу. Болѣе всего поразило англійскаго натуралиста то, что млечный путь образуетъ огромный кругъ, наклоненный, какъ мы уже говорили, подъ угломъ 63° къ эклиптикѣ, которая пересѣкаетъ этотъ кругъ въ $6^h 47^m$ и $18^h 47^m$ прямого восхожденія, съ полюсами въ $12^h 47^m$ и 27° сѣвернаго склоненія и $0^h 47^m$ и 27° южнаго склоненія. Отсюда онъ сдѣлалъ выводъ, что мы находимся какъ разъ въ плоскости медианы кольца. Никто изъ астрономовъ — пишетъ Уоллесъ, — не обратилъ еще своего вниманія на этотъ поистинѣ замѣчательный фактъ, который заставляетъ насъ придти къ заключенію, что „some causal connection between our system and the Galaxy“. Другими словами, наша солнечная система и млечный путь находятся въ провиденціаль-ной зависимости.

Уоллесъ вовсе не былъ первымъ, обратившимъ свое вниманіе на этотъ фактъ, хотя и считаетъ себя таковымъ. Въ 1620 г. Кеплеръ писалъ въ своемъ „*Epitome*“:

„Солнце и его система занимаютъ особенное и замѣчательное мѣсто, сравнительно съ другими неподвижными звѣздами. Это мѣсто находится около центра звѣзднаго кольца, образующаго млечный путь, который представляетъ почти совершенный большой кругъ“.

Въ 1755 г. Кантъ писалъ въ его „*Естественной исторіи неба*“: „Мѣста, невключенныя въ блѣдую полосу млечнаго пути, тѣмъ богаче звѣздами, чѣмъ ближе онѣ къ его срединѣ; наибольшее число звѣздъ, видимыхъ невооруженнымъ глазомъ, находится въ узкой зонѣ, середину которой занимаетъ млечный путь“.

Въ 1761 г. Ламбертъ писалъ въ своихъ „*Космологическихъ письмахъ*“: „Наше солнце есть звѣзда, принадлежащая къ громадному сферическому скопленію звѣздъ, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ небснаго свода. Это скопленіе, такъ же, какъ и тѣ, которыя въ цѣломъ даютъ впечатлѣніе млечнаго пути, — имѣетъ не сферическую форму, а продолговатую и представляетъ собой огромный дискъ, діаметръ котораго несравненно больше его толщины. Мы находимся не совсѣмъ въ центрѣ его, а въ сторонѣ Сіріуса. Млечный путь не есть большой кругъ, но параллель близкая къ 5-му градусу.“

Мы перейдемъ теперь къ возможно болѣе детальному и тщательному изученію вида млечнаго пути; но предварительно рассмотримъ еще одно положеніе англійскаго натуралиста.

IV. Звѣзды, разстояніе которыхъ отъ насъ определено, т. е. самыя ближайшія, видимы во всѣхъ направленіяхъ. Согласно изслѣдованіямъ Картеуна, этотъ фактъ указываетъ на то, что эти звѣзды образуютъ шаровидное скопленіе,

почти концентрическое съ млечнымъ путемъ. Наше солнце — одна изъ звѣздъ этого скопленія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что это подтверждаетъ взглядъ Ламберта, высказанный еще въ XVIII в.

Уоллесъ обратилъ вниманіе на эти изслѣдованія Картеуза и соглашается съ ними, тѣмъ болѣе, что они съ другой стороны опираются на Ньюкомбову теорію собственныхъ движеній. „Современная астрономія—говоритъ онъ—утверждаетъ, что наше солнце—одна изъ центральныхъ звѣздъ шаровиднаго скопленія, и что это скопленіе занимаетъ почти центральное мѣсто въ плоскости млечнаго пути. Такимъ образомъ мы находимся въ центрѣ вселенной“.

Таково астрономическое заключеніе автора. Послѣдній его выводъ заключается не только въ томъ, что наша солнечная система находится въ центрѣ вселенной, но еще, что только одна наша планета обитаема. Намъ еще придется заняться разсмотрѣніемъ этого положенія. Теперь же докажемъ, что астрономическое заключеніе автора относительно нашего скопленія звѣздъ не выдерживаетъ серьезной критики. Намъ придется отдать себѣ возможно точный отчетъ въ строеніи млечнаго пути. Это мы и попытаемся сейчасъ сдѣлать.

II. Млечный путь и вселенная.

Первыми дѣйствительно научными астрономическими изслѣдованіями о величинѣ и расположеніи млечнаго пути мы обязаны генію и трудолюбію великаго наблюдателя Уильяма Гершеля. Начатыя въ 1784 г. и продолжавшіяся до его смерти (1822 г.) изслѣдованія ученаго по этому вопросу дали богатый матеріалъ для его статей, помѣщенныхъ въ «*Philosophical Transactions*» Лондонскаго Королевскаго Общества. Въ нихъ замѣчается послѣдовательное развитіе и измѣненіе его воззрѣній по мѣрѣ накопленія открытій. Эта перемѣна взглядовъ великаго астронома многими игнорируется, хотя воззрѣнія его въ концѣ жизни радикально измѣнили его первоначальныя гипотезы, перевернувъ ихъ вверхъ дномъ.

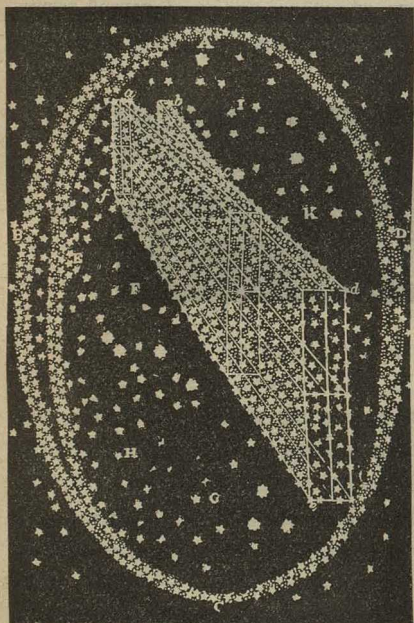
Въ 1784 г. знаменитый астрономъ высказалъ взглядъ, что всѣ звѣзды одинаковы по своей величинѣ и одинаково удалены другъ отъ друга. Число звѣздъ, которыя можно счесть въ полѣ зрѣнія телескопа зависитъ отъ длины луча зрѣнія. Гершель устроилъ телескопъ, отверстіе котораго было равно 18,8 дюйма, увеличивавшій въ 157 разъ и имѣвшій поле зрѣнія въ 15 минутъ и 4 секунды въ діаметрѣ.

Это поле зрѣнія обнимаетъ собой $\frac{1}{833000}$ всего небеснаго свода, считая послѣдній болѣе милліона. Это именно Гершель и называлъ своимъ мѣриломъ звѣздъ (gaging of the heavens star gage). Этихъ изслѣдованій онъ произвелъ 3400 между $+45^{\circ}$ и -30° склоненія. Число звѣздъ, записанныхъ въ этихъ подсчетахъ (мѣркахъ), чрезвычайно различно, начиная съ одной звѣзды и даже ни одной и кончая 588-ю, какъ среднимъ максимальнымъ. Для минимальныхъ разстояній онъ получилъ такимъ образомъ, считая въ разстояніяхъ звѣзды первой величины для minimum'a—цифру 46 и для maximum'a—497.

Если бы эти подсчеты были сдѣланы для всѣхъ направленій, то можно было

бы такимъ образомъ опредѣлить внѣшній видъ видимаго звѣзднаго міра. Но такъ какъ ихъ нельзя сдѣлать для околополюсныхъ зонъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, то Гершель ограничился только одной частью млечнаго пути и сдѣлалъ выводъ, что „наша туманность представляетъ очень обширное и развѣтвленное скопленіе, состоящее изъ многихъ миллионъ звѣздъ“. Крайнія звѣзды этого скопленія находятся въ созвѣздіи Орла, отстоящемъ на разстояніи въ 480 миллионъ разстояній земли отъ солнца, т. е. на разстояніи, которое свѣтъ проходитъ въ 7.570 лѣтъ, и въ созвѣздіи Единорога, отстоящемъ въ 817 миллионъ разъ дальше, чѣмъ солнце отъ земли (это разстояніе свѣтъ прошелъ бы въ 12.920 лѣтъ). Производя свои изслѣдованія, Гершель открылъ огромное число туманностей, которыя онъ считалъ очень отдаленными млечными путями.

2.—Первый набросокъ Уильяма Гершеля (1784 г.)

идей, немного уже устарѣвшей. Въ слѣдующемъ 1785 г. онъ написалъ другую статью, въ которой изслѣдуетъ новыя «мѣрки» звѣздъ и изображаетъ нашъ звѣздный міръ въ видѣ продолговатой плоской, эксцентрично вытянутой и раздвоенной полосы, проекція которой на небѣ даетъ также впечатлѣніе млечнаго пути. Зрительные лучи SA , SB , SC встрѣтятъ гораздо больше звѣздъ, чѣмъ лучи SD или SE , или вообще, чѣмъ лучи, перпендикулярные къ плоскости млечнаго пути.

Большинство астрономовъ приняло эту очень простую, даже чересчуръ простую гипотезу, по которой всѣ звѣзды одинаковы и находятся на одинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Нельзя привести ни одного серьезнаго доказатель-

Мы не знаемъ совсѣмъ внѣшнихъ границъ нашего звѣзднаго скопленія. Они могутъ быть и округлой, и квадратной формы и все-таки давать глазу впечатлѣніе круга, проектируясь на небѣ. На рисункѣ (рис. 2), опубликованномъ въ «*Transactions*» 1784 г., наше скопленіе звѣздъ изображено въ видѣ прямоугольнаго слоя или параллелепипеда съ двумя расходящимися концами. Проекція его на небѣ даетъ внѣшній видъ млечнаго пути. Идея эта принадлежитъ Томасу Райту (Wright) (*The Theory of the Universe. London 1750*); опираясь на нее Кантъ построилъ свою теорію. Наблюдатель, находящійся въ серединѣ слоя, въ точкѣ S , увидитъ проекцію прямоугольника $abcdef$ въ видѣ млечнаго пояса $ABCDE$, тогда какъ отдѣльныя разсѣяныя звѣзды будутъ проектироваться отдѣльно, въ точкѣ F , G , H , I , K .

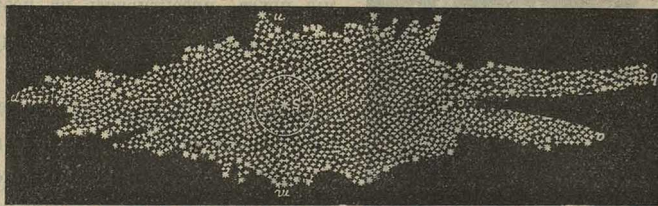
Великій натуралистъ вскорѣ от-

казался отъ этой первоначальной своей

ства въ защиту этого положенія. Наша планетная система даетъ лучшее опроверженіе его. Впрочемъ, Гершель никогда не упорствовалъ въ какомъ либо предвзятомъ мнѣніи и работалъ постоянно для своего собственнаго удовольствія, съ самой полной независимостью ума. Въ 1796 г. онъ началъ отказываться отъ гипотезы равномернаго размѣщенія звѣздъ въ пространствѣ. Въ 1812 г. въ новой статьѣ онъ пишетъ: „Теперь, послѣ моихъ новыхъ изслѣдованій, для меня ясно, что млечный путь состоитъ изъ звѣздъ, размѣщенныхъ совсѣмъ иначе, чѣмъ звѣзды, которыя окружаютъ насъ“. Въ 1817 г. онъ пишетъ: «Мои подсчеты скорѣе опредѣляютъ густоту звѣздъ. Они обнаруживаютъ различное богатство звѣздами различныхъ мѣстъ неба». Въ 1818 г.: «Если мои подсчеты не могутъ объяснить млечнаго пути, то въ этомъ виновата не природа, а тотъ фактъ, что звѣздное скопленіе непостижимо (fathomless)».

Постепенно Гершель отказывается почти цѣликомъ отъ своей первой теоріи. По новому его воззрѣнію, млечный путь—не есть блестящая полоса, такъ какъ

3.—Второй набросокъ У. Гершеля (1785 г.)

она непостижима и мы не въ состояніи опредѣлить все количество звѣздъ, изъ которыхъ она состоитъ. Въ 1817 г. онъ резюмируетъ свои положенія слѣдующимъ образомъ:

1) Млечный путь, разсматриваемый невооруженнымъ глазомъ, представляетъ непрерывный рядъ свѣтлыхъ пятенъ различной густоты и 18-ти различныхъ отѣнковъ мерцающаго свѣта.

2) Его ширина очень различна. Есть мѣста, въ которыхъ она не превышаетъ 5 градусовъ. Въ другихъ она доходитъ до 16. Въ одной его части онъ представляетъ отдѣльную вѣтвь— 120° долготы, причемъ двѣ вѣтви его занимаютъ протяженіе въ 22° .

3) Въ сильнѣйшіе телескопы мы не можемъ опредѣлять вѣншихъ границъ млечнаго пути.

4) Блескъ звѣздъ созвѣздія Оріона доказываетъ, что это мѣсто млечнаго пути ближе всѣхъ другихъ къ намъ. Въ млечномъ пути есть нѣсколько пустотъ, именно въ созвѣздіи Единорога и Цефея.

Въ мемуарахъ 1817 и 1818 гг. мы видимъ, что сложившіяся окончательно идеи Уильяма Гершеля радикально противоположны его первымъ идеямъ. *Млечный путь — неизмѣримое и непостижимое скопленіе звѣздъ*—вотъ окончательный выводъ изъ его изслѣдованій. Резюмируя идеи Гершеля, Вильгельмъ Струве не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть въ порывѣ благо-

роднаго восторга: «Счастливы смертныя, который, подобно Гершелю, въ возрастѣ 80-ти лѣтъ, обладаетъ такимъ проникательнымъ умомъ и ясностью сужденія, которые позволяютъ ему заниматься столь сложными изслѣдованіями!»

Во всякомъ случаѣ, замѣчательно то, что вышеприведенный эскизъ считается почти всѣми астрономами — за окончательный результатъ трудовъ Гершеля, тогда какъ онъ уже съ 1802 г. открыто измѣнилъ свои прежнія воззрѣнія *).

Приводя здѣсь сравнительный очеркъ всѣхъ трудовъ, посвященныхъ рѣшенію великой проблемы общаго строенія вселенной, мы не можемъ обойти молчаніемъ гипотезу Медлера «*О центральному солнцу во вселенной*» (1846 г.). Солнце, по его мнѣнію, находится въ Плеядахъ и тождественно съ Альціоной. Эта гипотеза опирается на направленіе и величину собственныхъ движеній звѣздъ. Периодъ обращенія солнца вокругъ этой точки онъ опредѣлилъ въ 18 милліоновъ лѣтъ, и скорость этого движенія должна составлять 50 километровъ въ секунду.

Въ своихъ «*Этюдахъ звѣздной астрономіи*», опубликованныхъ въ 1847 г., Вильгельмъ Струве приводитъ слѣдующія разсужденія: «Млечный путь не имѣетъ формы совершеннаго круга, такъ какъ, въ среднемъ, онъ приближается къ параллельному кругу, отстоящему почти на 92° отъ его сѣвернаго полюса, лежащему по краямъ Волосъ Вероники и Борзыхъ Собакъ въ точкѣ $12^h 32^m$ прямого восхожденія и $+315$ склоненія. Наше солнце немного эксцентрично около созвѣздія Дѣвы **). Если счтаты всѣ звѣзды частями одной большой системы млечнаго пути, то мы не можемъ имѣть никакого представленія ни о его дѣйствительной величинѣ, ни о его формѣ».

Въ томъ же трудѣ, подвергнувъ критикѣ опредѣленія густоты звѣздъ въ зонахъ Бесселя и Аргеландера, русскій ученый астрономъ дѣлаетъ заключеніе, что „мѣсто, наиболѣе обильное звѣздами, не образуетъ совершенной плоскости, а скорѣе ломаную поверхность или, вѣрнѣе, находится на двухъ плоскостяхъ, наклоненныхъ другъ къ другу подъ угломъ около 10° . Пересѣченіе этихъ плоскостей находится почти въ плоскости небеснаго экватора. Солнце помѣщается недалеко отъ этой линіи пересѣченія, около точки 13^h экватора“. (*Etudes D'Astronomie stellaire, Saint-Petersbourg, 1847*).

Нельзя не упомянуть также труды Джона Гершеля относительно южнаго полушарія, опубликованныхъ имъ въ 1847 г. въ его превосходномъ сочиненіи «*Observations du Cap.*». Наблюденія свои онъ производилъ въ 1834—1838 гг., при чемъ онъ впервые примѣнилъ для этихъ мало изслѣдованныхъ мѣстъ методъ счетовъ его знаменитаго отца. По его мнѣнію, млечный путь имѣетъ форму, которая напоминаетъ кольцо. Солнце немного эксцентрично въ этомъ кольцѣ и

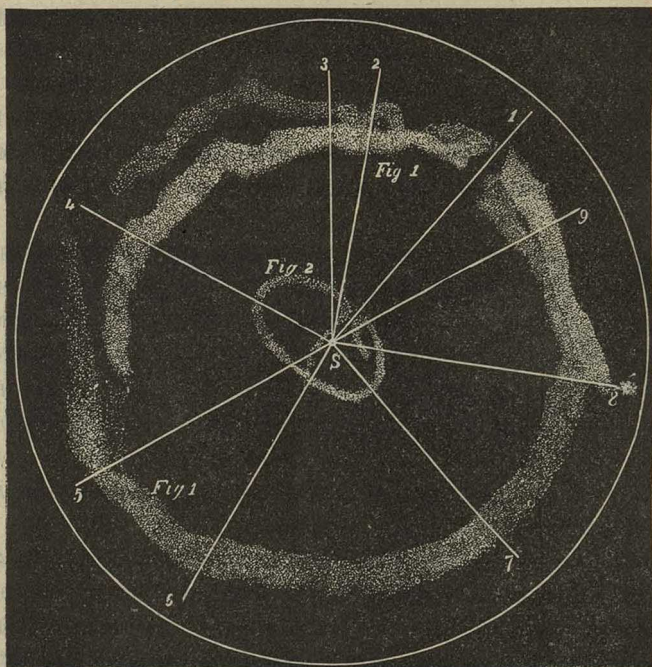
*) Даже въ Англіи. Въ недавню (1903) появившемся трудѣ „*The twentieth Century Atlas of popular Astronomy*“ перваго астронома Единбургской обсерваторіи, этотъ эскизъ считается синтезомъ идей Гершеля: „Adopted by most eminent astronomers“.

**) Джонъ Гершель не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и считалъ млечный путь большимъ кругомъ. Г. Андрѣ (*Astronomie stellaire*), напротивъ, думаетъ, что солнце находится не въ центрѣ системы, а на нормали къ плоскости млечнаго круга и что млечный путь раздѣляетъ небесную сферу на двѣ части, относящіяся какъ 8:9, при чемъ большая содержитъ осеннее равноденствіе.

находится ближе къ южной сторонѣ, чѣмъ къ сѣверной. Это звѣздное кольцо состоитъ изъ огромнаго числа звѣздъ. Если бы мы могли смотрѣть на млечный путь извнѣ и спереди, то мы получали бы такое впечатлѣніе, какъ и отъ кольцеобразной туманности Лиры. Солнечная система была бы относительно изолирована въ огромной пустотѣ.*).

Всѣ эти наблюденія, открытія, споры о великой проблемѣ строенія звѣзднаго міра мало-по-малу освѣщали этотъ сложный вопросъ, не приводя, однако,

4.- Объясненіе внѣшняго вида млечнаго пути Прокторомъ (1869).

къ его рѣшенію, такъ какъ содержаніе вопроса очень обширно и сложно, особенно благодаря неправильностямъ мерканія и существованію въ млечномъ пути пустотъ и отверстій, черезъ которыя, кажется, что можно проникнуть въ самую глубину неба.

Американскій профессоръ Александръ Стифенъ попытался согласовать всѣ вышеприведенныя гипотезы, предположивъ, что млечный путь представляетъ спиральную туманность въ родѣ туманности Дѣвы (Messier, 99) **). Но хотя эта теорія и очень остроумна, не ей, однако, принадлежитъ будущее.

Англійскій астрономъ Прокторъ въ свою очередь предложилъ слѣдующую гипотезу. По его мнѣнію, млечный путь имѣетъ форму змѣи, свернувшейся въ овалъ, концами къ центру, оставляющими между собой пустое пространство. Эта

*) Outlines of Astronomy.—Results of Astr. obs. Cape of Good Hope, 1847.

**) Astronomical Journal, т II, 1852.

пустота сообщается съ темнымъ отверстіемъ «угольного мѣшка» южнаго полушарія. Раздвоеніе млечнаго пути между Лебедьмъ и Скорпіономъ, также какъ и меньшее раздвоеніе въ южной части объясняется тѣмъ, что эти два конца свернувшейся къ намъ змѣи или небесной рѣки проектируются на небѣ ¹⁾.

Эта гипотеза очень оригинальна, но мало вѣроятно, что одна изъ вѣтвей млечнаго пути ближе къ намъ, чѣмъ другая.

Въ астрономіи, также какъ и въ другихъ наукахъ, всякая гипотеза должна опираться на наблюденія. Поэтому особенно необходимо было произвести возможно больше наблюденій надъ видомъ млечнаго пути, какъ невооруженнымъ глазомъ, такъ и при помощи телескопа. Первая карта, на которой млечный путь былъ изображенъ съ точностью, очень близкой къ дѣйствительности, была нарисована Леббокомъ (Lubbock) ²⁾.

Бельгійскій астрономъ Гузо (Houzeau) нарисовалъ первый специальный атласъ. Въ своей «Всеобщей Уранометріи», опубликованной въ 1878 г. ³⁾, трудъ, который достоинъ занять второе мѣсто послѣ работы Аргеландера, онъ приводитъ свои наблюденія, сдѣланныя имъ на Ямайкѣ, на экваторѣ, относительно обоихъ небесныхъ полушарій, между 28 января 1875 г. и 28 февраля 1876 г. Наблюденія велись невооруженнымъ глазомъ и были проверены при помощи бинокля. Одна изъ главныхъ заслугъ этого труда заключается въ изображеніи млечнаго пути черточками, одинаковой толщины или изофотическими линіями, подобно тому, какъ это дѣлается на рельефныхъ картахъ земли. На этой картѣ изображены дѣйствительный видъ млечнаго пути, относительная толщина его и пятна, которыя были зарисованы еще Уильямомъ Гершелемъ.

Изученіе этихъ картъ приводитъ насъ къ заключенію, что млечный путь вовсе не представляетъ собою тонкой однообразной чечевицы съ наибольшимъ скопленіемъ звѣздъ въ экваторіальной плоскости. Къ тому же заключенію мы придемъ, если будемъ разсматривать рисунокъ млечнаго пути, очень тщательно и кропотливо исполненный наблюдателемъ Беддикеромъ (Boeddicker) въ обсерваторіи лорда Росса въ Ирландіи ⁴⁾. Контуры этой карты очерчены очень тонко, легкіе тоны свѣта прекрасно переданы литографіей; глядя на эту карту, чувствуется, что передъ нами изображеніе чрезвычайно сложной звѣздной системы. Намъ кажется только, что раздвоеніе между α Лебедя и Скорпіономъ менѣе замѣтно, чѣмъ оно наблюдается въ дѣйствительности. Эта работа была исполнена невооруженнымъ глазомъ.

Производя внимательное изслѣдованіе южныхъ частей млечнаго пути для уранометрическихъ картъ, Гульдъ склоненъ былъ заключить, что въ млечномъ пути находится нѣсколько млечныхъ путей, накладывающихся одинъ на другой ⁵⁾.

¹⁾ Monthly Notices of the Royal Astronomical Society, 1869.—The Univers of Stars, 1878.—Old and New Astronomy, 1888.

²⁾ The Stars in six Maps. London, 1836.

³⁾ Annales de l'Observatoire de Bruxelles Nouvelle série, t. I (5 cartes).

⁴⁾ The Milky Way, from the north pole to 10° of south declination, London 1892 (4 карты).

⁵⁾ Uranometria Argentina. 1879, p. 381.

Мы упомянули уже выше о картѣ зонъ Аргеландера, въ которой Прокторъ собралъ 324.198 звѣздъ этого большого атласа, обнимающаго пространство отъ сѣвернаго полюса до 2° къ югу отъ экватора. Его наблюденія, однако, не ограничиваются только звѣздами $9\frac{1}{2}$ величины. Мы видимъ, что на этой картѣ млечный путь кажется гораздо меньше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности, когда мы наблюдаемъ его невооруженнымъ глазомъ. Это происходитъ оттого, что мы видимъ невооруженнымъ глазомъ звѣзды до 6-ой величины, звѣзды же 7-ой, 8-ой, 9-ой величины для насъ невидимы, хотя скопленіе ихъ въ млечномъ пути и производитъ впечатлѣніе на сѣтчатую оболочку нашего глаза. Впрочемъ, звѣздъ Аргеландера недостаточно для того, чтобы произвести на нашу оболочку впечатлѣніе млечнаго свѣта; необходимо прибавить сюда еще звѣзды, менѣе блестящія— 10-ой и даже меньшей величины.

Многіе изслѣдователи: Пласманъ, ¹⁾ Стратоновъ, ²⁾ Каптеинъ ³⁾, Истонъ (Easton) ⁴⁾ спеціально изучали вопросъ о малыхъ звѣздахъ млечнаго пути. Ихъ изслѣдованія привели къ согласному выводу, что мерцаніе млечнаго пути происходитъ, главнымъ образомъ, благодаря звѣздамъ менѣе 10-й величины. Къ тому же выводу производятъ и изученіе превосходныхъ фотографій млечнаго пути, исполненныхъ Вольфомъ и Барнардомъ. Истонъ (Easton) нарисовалъ изофотическую карту млечнаго пути, которая исполнена тщательнѣе даже, чѣмъ вышеупомянутая карта Гузо; на картѣ Истона отбѣйки свѣта переданы шестью тонами. По этой картѣ видно, что млечный путь состоитъ изъ скопленій звѣздъ, имѣющихъ между собой нѣкоторую связь и что онъ представляетъ не звѣздное кольцо, а рядъ слоевъ звѣздъ неправильной и различной густоты. Самое большое скопленіе находится въ созвѣздіи Лебеда въ двухъ вѣтвяхъ, которыя будутъ находиться на различныхъ разстояніяхъ, что не исключаетъ возможности проектированія отдѣльныхъ группъ на вѣтвяхъ, которыя могутъ состоять изъ серій скопленій, болѣе или менѣе связанныхъ. Около γ Лебеда находится огромное звѣздное скопленіе—центръ подвижныхъ скопленій, самое большое изъ которыхъ приближается къ солнцу и находится въ созвѣздіи Цефея, затѣмъ дѣлаетъ поворотъ черезъ Кассіопею, удаляясь все болѣе и болѣе, и образуетъ затѣмъ вѣтвь Оріона, окружая насъ въ южномъ полушаріи.

Стратоновъ считаетъ млечный путь, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ частяхъ, которыя ближе всѣхъ другихъ къ намъ—скопленіемъ большихъ сгущеній звѣздныхъ кучъ, взаимно-соприкасающихся, входящихъ другъ въ друга и разсѣянныхъ во всю длину млечнаго пути. Солнце составляетъ часть перваго сгущенія, которое въ свою очередь образуется изъ нѣкотораго числа различныхъ сгущеній.

Вопросъ показался еще болѣе запутаннымъ Бекгаузу (Backhouse), ⁵⁾ который занялся изученіемъ млечнаго пути въ обоихъ полушаріяхъ и нашелъ всѣ предыдущія гипотезы недостаточными. Онъ пришелъ къ заключенію, что въ млеч-

¹⁾ Mittheilungen d. Verein. d. Freunde der Astronomie 1893; Himmelskunde, 1898.

²⁾ Public. Observ. Taschkent II, 1900.

³⁾ Public. Astr. Labor. Groningen, 8.

⁴⁾ La distribution de la lumière galactique. Amsterdam 1903.

⁵⁾ Publications of West Hendon House Observatory. Sunderland, 1902.

номъ пути, особенно въ темныхъ мѣстахъ или такъ называемыхъ «мѣшкахъ съ углемъ», изъ которыхъ самый замѣчательный находится между ζ Лебеда и γ Дельфина, содержится особая туманная матерія, различной степени мерцанія, которая можетъ быть и свѣтлой, и темной.

Мнѣ казалось необходимымъ привести здѣсь очеркъ этихъ воззрѣній, чтобы возможно ближе познакомиться съ строеніемъ видимаго міра. Но мнѣ кажется также, что прямое наблюденіе—пока только одно—можетъ лучше всего освѣтить

5.—Распределеніе звѣздныхъ кучъ и туманностей по отношенію къ млечному пути въ сѣверномъ полушаріи. Скопленія звѣздъ обозначены квадратиками, а туманности кружками.

нашъ вопросъ, къ чему внимательное наблюденіе млечнаго пути въ темную, лѣтнюю ночь дастъ намъ самое лучшее представленіе дѣйствительности. Познакомившись съ предыдущими теоріями, мы увидимъ въ этомъ огромномъ небесномъ поясѣ очень различныя и по величинѣ, и по густотѣ, звѣздныя скопленія и согласимся съ тѣмъ, что если млечный путь и не есть правильная система въ родѣ, напр., нашей солнечной, или системъ различныхъ порядковъ Ламберта, то онъ представляетъ перспективное изображеніе множества безчисленныхъ, налагающихся

одно на другое звѣздныхъ скопленій, разсѣянныхъ на огромныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга въ одной плоскости.

Это заключеніе весьма правдоподобно также потому, что почти всѣ звѣздныя скопленія, вмѣсто того, чтобы быть видимыми во всѣхъ направленіяхъ, находятся какъ разъ въ плоскости млечнаго пути.

Замѣчательнъ тотъ фактъ, что скопленія звѣздъ собираются въ плоскости млечнаго пути, въ то время какъ туманности какъ будто стремятся удалиться отъ нея и собираться въ плоскостяхъ перпендикулярныхъ къ ней. Чѣмъ больше звѣздъ, тѣмъ больше звѣздныхъ скопленій. Чѣмъ меньше звѣздъ, наоборотъ, тѣмъ больше туманностей. Это замѣтилъ уже Уильямъ Гершель, который, при уменьшеніи количества звѣздъ во время его счетовъ, обращался къ своей сестрѣ: бывшей его секретаремъ, со словами: „Приготовься писать, сейчасъ будемъ записывать туманности“.

Это преобладаніе звѣздныхъ скопленій въ млечномъ пути и, наоборотъ, удаленіе отъ него туманностей сдѣлалось общеизвѣстнымъ фактомъ съ середины послѣдняго вѣка, благодаря Вильгельму Струве,—вѣрнѣе, благодаря трудамъ Уильяма Гершеля. «Число скопленій, говоритъ Струве, находящихся въ млечномъ пути, включая въ него скопленія, открытыя Гершелемъ, и скопленія, которыя находятся вблизи млечнаго пути, равно 263; 225 скопленій находятся въ млечномъ пути, а 38—вне его. Предполагая среднюю ширину его въ 10° , выходитъ, что величина млечнаго пути, видимаго въ Slough, равняется $\frac{1}{12}$ всего небеснаго свода и $\frac{1}{9}$ часть небесклена, доступнаго Гершелю. Такимъ образомъ оказывается, что млечный путь въ 54 раза богаче скопленіями звѣздъ, чѣмъ другія части неба. Млечный путь слѣдуетъ представлять себѣ огромнымъ собраніемъ звѣздныхъ скопленій, очень неправильной густоты. Въ то же время млечный путь очень бѣденъ неразложимыми туманностями. Наибольшее число послѣднихъ находится въ мѣстахъ, соседнихъ съ однимъ изъ полюсовъ этого круга—въ созвѣздіяхъ Дѣвы и Волосъ Вероники. Этотъ замѣчательный фактъ, мнѣ кажется, ясно доказываетъ разнородность скопленій и туманностей» ¹⁾.

Въ каталогахъ Уильяма Гершеля указано около 2 тысячъ туманностей. Въ 1864 г. Джонъ Гершель опубликовалъ свой всеобщій каталогъ, дополнивъ его новыми открытіями, сдѣланными имъ въ южномъ полушаріи; въ немъ перечислены 5.079 туманностей. Наконецъ, въ 1888 г. появился каталогъ Дрейера, въ которомъ туманностей отмѣчено 7.840, и вскорѣ дополненіе къ нему, которое увеличило число туманностей на 1.529. Въ послѣднее время было открыто еще много туманностей, и теперь ихъ число превышаетъ 10.000 ²⁾, т. е. равно числу звѣздныхъ скопленій. Распрежденіе туманностей въ пространствѣ изучали Кливлендъ Абе (Cleveland Abbe) въ 1867 ³⁾, и Прокторъ въ 1869 г. и онѣ были нанесены на спеціальныя карты. Ихъ очень много приведено въ сочиненіяхъ Проктора, и онѣ очень поучительны. Одна изъ лучшихъ картъ (хотя сѣверная часть млечнаго пути изображена не совсѣмъ хорошо)—это двойная

¹⁾ Etudes d'Astronomie stellaire, 1847 p. 40 и примѣч. 57.

²⁾ Memoirs of the R. A. S., 1888.

³⁾ Monthly Notices.

карта Сиднея Уотерса (Sidney Waters), на которой указано распредѣленіе звѣздъ и туманностей ¹⁾. На ней система млечнаго пути и скопленій звѣздъ составляетъ одно цѣлое ²⁾.

Фотографіи Барнарда, исполненныя имъ въ обсерваторіи Лика и Герса, также какъ и фотографіи Вольфа, въ Гейдельбергѣ, и изслѣдованія Ньюкомба относительно числа и мерцанія звѣздъ можно привести въ доказательство изложенныхъ здѣсь фактовъ; но мы должны ограничиться самымъ существеннымъ, а всего вышесказаннаго, по моему мнѣнію, уже достаточно для того, чтобы составить взглядъ на строеніе видимаго міра, который будетъ опираться на научныя данныя.

По нашему мнѣнію, звѣзды, звѣздныя скопленія и млечный путь образуютъ очень разнородное огромное цѣлое. Форма этого звѣзднаго міра намъ неизвѣстна. Во всякомъ случаѣ, можно предполагать, что онъ имѣетъ видъ неправильной, сплюсненной сферы, для которой млечный путь служитъ экваторомъ. Экваторіальный экваторъ значительно больше полярнаго. Скопленія звѣздъ и отдѣльныя звѣзды находятся главнымъ образомъ въ экваторіальной плоскости и въ сосѣднихъ плоскостяхъ. Неразрѣшимыя и газообразныя туманности помѣщаются внѣ млечнаго пути, удаляясь къ двумъ его полюсамъ и къ около-полюснымъ мѣстамъ, особенно тѣ, спектръ которыхъ походитъ на спектръ туманности Андромеды.

Можно ли отсюда заключать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми астрономами ³⁾, что туманности не составляютъ части нашей вселенной, и признать существованіе двухъ элементовъ: «элемента туманностей и элемента звѣздъ»? Имѣемъ ли мы право думать, что туманности находятся внѣ нашей звѣздной группы? Эти мнѣнія не кажутся мнѣ правдоподобными, такъ какъ туманности находятся по обѣ стороны плоскости млечнаго пути и идутъ, почти симметрично, по направленію къ его полюсамъ, сгущаясь противоположно уплотненію звѣздъ. Это замѣчательное распредѣленіе ихъ не случайно. Мы должны считать ихъ частью нашей вселенной, такъ же, какъ и все то, что мы знаемъ.

Такимъ образомъ, факты какъ будто говорятъ за то, что *силы, которыя руководили всеобщимъ развитіемъ нашей вселенной, болѣе активно и интенсивно проявлялись въ экваторіальной зонѣ, чѣмъ въ болѣе удаленныхъ зонахъ*, которыя опоздали своимъ развитіемъ, менѣе богаты звѣздами въ настоящемъ и въ будущемъ, болѣе холодны и, такъ сказать, застыли. (Это отчасти напоминаетъ солнце, на которомъ пятна находятся преимущественно по бокамъ экватора). Все развилось значительно въ этой экваторіальной зонѣ, чѣмъ около полюсовъ. Наше солнце и красныя звѣзды также находятся въ ней ⁴⁾.

Туманности представляютъ вѣроятно ту первоначальную звѣздную матерію, изъ которой образовались считающіеся въ настоящее время неразложимыми простыя

¹⁾ Proctor and Ranyard, Old and New Astronomy, 1892, p. 728—729.

²⁾ Это характерное совпаденіе скопленій звѣздъ съ млечнымъ путемъ еще яснѣе замѣтно на прекрасной картѣ Стратоновъ (Ташкентъ 1901).

³⁾ W. Struve. Etudes d'Astronomie stellaire; André. Traité d'Astronomie stellaire.

⁴⁾ Карта красныхъ звѣздъ, которую я нарисовалъ въ 1877 г. и которая не была издана, показываетъ, что эти звѣзды вообще разсыяны вдоль млечнаго пути, что также доказываетъ болѣе развитіе въ этихъ мѣстахъ.

элементы; четыре блестящія волнистыя линіи, соотвѣтствующія длинѣ волны 4.341, 4.861, 4.957 и 5.004, характеризующія ихъ спектръ, непохожи на линіи, получающіяся въ спектрѣ всѣхъ извѣстныхъ элементовъ, и пока эта матерія названа *nebulum*. Самымъ близкимъ элементомъ, линіи котораго нѣсколько походятъ на линіи спектра этой матеріи, является водородъ. Вѣроятно, эта матерія находится еще въ первоначальномъ состояніи. Станутъ ли эти туманности звѣздами? Мы можемъ это предполагать, не только потому, что превращеніе туманностей въ солнца и планетныя системы хорошо объяснило бы генезисъ вселенной, но еще и потому, что эта туманная матерія находится и въ скопленіяхъ звѣздъ, въ Плеядахъ, въ туманности Оріона и многихъ другихъ.

Кромѣ того, интересныя открытія Барнарда доказываютъ, что туманная матерія сильно распространена въ звѣздномъ мірѣ.

Наше солнце не занимаетъ какого-либо исключительнаго мѣста. Центральное мѣсто ему можно приписать съ такимъ же правомъ, какъ и его сосѣду α Центавра (на разстояніи 41 триллиона километровъ отъ насъ) или другому нашему сосѣду 61-ой звѣздѣ Лебеда (на разстояніи 69 триллионовъ) и еще огромному числу звѣздъ, параллаксъ которыхъ можетъ быть опредѣленъ. Претендовать, что наша земля и мы составляемъ центръ и конечную цѣль вселенной, можно съ такимъ же успѣхомъ, какъ обитателю дома № 172 на улицѣ Риволи считать себя живущимъ въ центрѣ Парижа и думать, что только для него и построенъ городъ. Всѣ жители одного квартала могутъ имѣть ту же претензію и иллюзію.

Мало того. Представляя для насъ въ перспективѣ весь видимый міръ, млечный путь не представляетъ, однако, абсолютной плоскости, содержащей наше солнце, такъ какъ очень большія звѣзды находятся не въ центральной зонѣ, а по бокамъ ея. Ниже слѣдуетъ таблица самыхъ ближайшихъ къ намъ звѣздъ и соотвѣтствующихъ имъ фотометрическихъ данныхъ. (Для Альдебарана эта величина принята за единицу).

Самыя блестящія звѣзды на небѣ.

Сириусъ	(—1,4)	Плечо Оріона	(0,9)	ϵ Большого Пса	(1,5)
Коноплъ	(—0,8)	Альтаиръ	(0,9)	β Южнаго Креста	(1,6)
Капелла	(0,1)	α Южнаго Креста	(0,9)	γ Оріона	(1,7)
Артиуръ	(0,2)	Альдебаранъ	(1)	β Быка	(1,8)
Вега	(0,2)	Скорпіоново сердце	(1,2)	ϵ Оріона	(1,8)
α Центавра	(0,2)	Поллуксъ	(1,3)	α Журавля	(1,9)
Ригель	(0,3)	Регуль	(1,3)	Касторъ	(1,9)
Прокіонъ	(0,5)	Фомахандъ	(1,3)	α Персея	(1,9)
β Центавра	(0,7)	Денебъ	(1,4)	ζ Оріона	(1,9)
				δ Большого Пса	(1,9)

Это самыя большія изъ всѣхъ видимыхъ нами звѣздъ и, во всякомъ случаѣ, — самыя блестящія, такъ какъ ихъ блескъ не зависитъ отъ ихъ разстоянія отъ насъ. Большинство ихъ, напр. Коноплъ, Плечо Оріона, Бетельгейзе, Нога Оріона, Скорпіоново сердце, Денебъ не имѣютъ параллакса и не проявляютъ замѣтнаго собственнаго движенія. Замѣчательно, что пять изъ нихъ (α и β Центавра, α Креста, Денебъ и α Персея) находятся въ млечномъ пути, а восемь остальныхъ — по его краямъ: Сириусъ, Капелла, Альтаиръ, Сердце Скорпіона, β Креста ϵ и β Большого пса и β Быка. Изъ остальныхъ большинство находится на

небольшомъ разстояніи отъ насъ, напр. Прокіонъ на западѣ, Плечо Оріона и Альдебаранъ на востокъ; еще ближе къ намъ Вега и Канопъ, Касторъ и Поллуксъ, также и звѣзды Оріона. Всѣ эти солнца находятся близко отъ млечнаго пути. Отдѣльно разсѣяны такія, какъ Арктуръ, Регулъ, Фомахандъ, *α* Журавля.

Такимъ образомъ, блестящія звѣзды также составляютъ часть общей системы млечнаго пути. Но наше солнце не занимаетъ въ ней какого-либо исключительнаго положенія... Всѣ вышеупомянутыя звѣзды гораздо больше нашего солнца, такъ какъ если бы солнце находилось отъ насъ на такомъ же разстояніи, какъ и онѣ, то оно было бы для насъ звѣздой 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й величины и даже того меньше. Съ Канопы или Ригеля наше ослѣпительное свѣтило кажется незамѣтной точкой для невооруженнаго глаза; ихъ параллаксы никому не удалось найти. Канопъ болѣе чѣмъ въ 10.000 разъ ярче нашего солнца; Арктуръ—въ 8.000 разъ.

Всѣ доводы ученаго натуралиста за центральное положеніе солнца одинаково могутъ быть приложены и къ звѣздамъ, сосѣднимъ съ нимъ, напр. къ звѣздѣ *α* Центавра, или 60-й звѣздѣ Лебеда, которыя, также какъ и наша земля, находятся въ плоскости млечнаго пути. Наше солнце отличается отъ этихъ звѣздъ только своею ничтожностью. Преимущество первой передъ солнцемъ заключается въ томъ, что она представляетъ двойную систему, и масса ея въ 2 раза больше массы солнца. Мы не знаемъ планетъ, которыя могли бы двигаться вокругъ того или другого изъ этихъ двойныхъ солнцъ, взаимное обращеніе которыхъ почти равно одному вѣку. Тотъ фактъ, что онѣ невидимы для насъ, не кажется мнѣ удивительнымъ, такъ какъ, если бы наше солнце было видимо съ *α* Центавра, то Юпитеръ казался бы звѣздой 24-й величины, отстоящей только на 5" отъ солнца, а само солнце—звѣздой только 2-й величины. 61-я звѣзда Лебеда—тоже двойная система, обладающая собственнымъ движеніемъ съ очень большой скоростью. Центральное положеніе можно также приписать и Сиріусу, тѣмъ болѣе, что млечный путь, рассматриваемый съ этой лучезарной звѣзды (самой яркой на нашемъ небѣ), кажется также короной, описывающей кругъ на небѣ, и что разстояніе между нимъ и землей, которое свѣтъ можетъ пройти въ 9 лѣтъ, весьма незначительно сравнительно съ разстояніемъ земли отъ границъ млечнаго пути, которое свѣтъ можетъ пройти по крайней мѣрѣ въ 10.000 лѣтъ.

Кромѣ того, если бы даже наше солнце и находилось въ центрѣ звѣздной системы, оно не могло бы оставаться въ этомъ мѣстѣ постоянно. Уоллесъ забываетъ про огромныя движенія, которыя совершаетъ каждый звѣздный атомъ въ вихрѣ безконечности. Наша звѣздная система движется съ большой скоростью *) къ созвѣздію Геркулеса и въ 65.000 лѣтъ проходитъ разстояніе равное тому, которое отдѣляетъ насъ отъ звѣзды *α* Центавра. Для геологовъ 20.000 лѣтъ—сравнительно небольшой періодъ; допустивъ, что движеніе солнца совершается по прямой линіи, этого періода было бы достаточно, чтобы доставить насъ къ границамъ млечнаго пути.

*) Вѣроятно 18½ километровъ въ секунду къ $AR = 273^{\circ}6$ и $\omega = + 29^{\circ}5$.

Итакъ, положеніе Уолесса не выдерживаетъ критики. Млечный путь вовсе не представляетъ правильной системы, а образуется изъ скопленія звѣздныхъ кучъ. Въ этомъ скопленіи наше солнце не занимаетъ какого либо исключительнаго мѣста, ни тѣмъ болѣе центральнаго. Скорѣе это можно сказать относительно системы Сириуса, или Капеллы, или Скорпионова Сердца. Иллюзія о центральномъ положеніи нашего солнца была бы дозволительна, если бы существовало центральное солнце, и оно было бы нашимъ. Но въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Солнечная система—монархія, солнце играетъ въ ней роль короля; наоборотъ, звѣздная система — республика, безъ какого либо преимущественнаго авторитета.

Чтобы опредѣлить число звѣздъ нашей вселенной,—не смущаясь безконечностью пространства, попытаемся сдѣлать вмѣстѣ съ лордомъ Кельвиномъ *) слѣдующій расчетъ. Предположимъ сферу радіуса $3,09 \times 10^{16}$ километровъ (расстояніе для котораго параллаксъ звѣзды $= 0",001$), въ которой была бы распределѣна равномерно одна и та же матерія, масса которой была бы въ тысячу миллионѣвъ разъ больше массы солнца. Скорость, прибрѣтенная тѣломъ, находившимся первоначально въ состояніи покоя на поверхности этой сферы, была бы около 20 километровъ въ секунду къ концу 5 миллионѣвъ лѣтъ и 108 километровъ въ секунду къ концу 25 миллионѣвъ лѣтъ, предполагая, что ускореніе остается постояннымъ въ теченіе достаточно большого промежутка времени. Такимъ образомъ, эти числа были бы равны скоростямъ собственныхъ движеній звѣздъ. Если бы, вмѣсто тысячи миллионѣвъ солнцъ въ этой сферѣ мы вообразили бы ихъ въ 10 разъ больше, то достигнутыя скорости были бы гораздо больше приведенныхъ выше, такъ что первое предположеніе можно считать довольно правдоподобнымъ.

Допустимъ, что число звѣздъ равно миллиарду и замѣтимъ, что оно было бы максимальнымъ относительно телескопическихъ наблюденій и фотографій; предположимъ это число въ виду совпаденія вычисленныхъ скоростей съ скоростями собственныхъ движеній. Можно ли допустить, что, кромѣ этого миллиарда звѣздъ, нѣтъ еще другого миллиарда звѣздъ съ тѣмъ же параллаксомъ и даже третьяго, четвертаго и 100, и 1.000 миллионѣвъ вселенныхъ, аналогичныхъ или даже различныхъ? Никѣмъ образомъ.

Вселенныя эти могутъ быть раздѣлены одна отъ другой абсолютно пустымъ пространствомъ, лишеннымъ даже эѳира, и быть невидимы одна для другой.

Мнѣ кажется даже, что мы уже знаемъ нѣсколько звѣздъ, не принадлежащихъ къ нашей звѣздной системѣ. Я укажу напр., вмѣстѣ съ Ньюкомбомъ на звѣзду 1830 Грумбриджа (Groombridge), самую скорую изъ звѣздъ, движеніе которыхъ опредѣлено. Движеніе этой звѣзды совершается со скоростью 320.000 метровъ въ секунду. Весьма вѣроятно, что эта звѣзда движется извнѣ и пересѣкаетъ нашу систему, подобно метеору.

*) On the Clustering of Gravitational Matter in and part of the Universe. The Observatory, nov. 1901.

То же самое можно сказать, безъ сомнѣнія, и про звѣзду 9352-ую каталога Лякейля, Арктуръ и *р.* Кассіопей.

Въ настоящее время собственныя движенія звѣздъ не даютъ еще возможности опредѣлить ни вида видимаго звѣзднаго неба, ни вида млечнаго пути. Звѣзды, далеко отстоящія одна отъ другой, уносятся общимъ вѣсьмъ имъ собственнымъ движеніемъ. Тѣ звѣздныя системы, которыя давно уже открыты мной *), доказываютъ съ очевидностью существованіе этихъ скопленій. Моя общая карта собственныхъ движеній **) также подтверждаетъ разнообразіе звѣздныхъ системъ въ нашей огромной звѣздной республикѣ.

Итакъ, предположеніе, что наше солнце находится въ центрѣ вселенной, — ошибочно. Невѣрно также предположеніе, что солнце есть какая-то исключительная, особенная звѣзда. Еще болѣе странной кажется намъ идея, раздѣляемая Уоллесомъ, что единственной задачей этого центральнаго солнца является освѣщать нашу планету и обезпечивать жизнь на ея поверхности. Такъ же бездоказательно и другое его мнѣніе, что только на землѣ существуютъ условія, пригодныя для жизни. Намъ кажется удивительнымъ, что такой великій умъ, которымъ обладаетъ англійскій ученый натуралистъ, замыкается въ такомъ узкомъ горизонтѣ. Странно, что этотъ знаменитый ученый, считающій время — однимъ изъ главныхъ факторовъ постепеннаго развитія земныхъ видовъ, забылъ примѣнить этотъ принципъ къ другимъ мірамъ, напр., къ Юпитеру, которому принадлежитъ будущее въ нашей системѣ. *Наша* современная эпоха не имѣетъ какого-либо исключительнаго значенія въ вѣчности. Съ какой стати, съ другой стороны, предполагать, что границы нашего знанія совпадаютъ съ границами могущества природы? Мы постоянно встрѣчаемся съ доказательствами противнаго. Гипотеза Уоллеса суживаетъ нашъ горизонтъ и представляетъ попытку вернуть насъ къ временамъ Птолемея и убѣдить, что небо есть наша тюрьма. Величіе современной астрономіи, напротивъ, заключается въ томъ, что она разрушила всѣ преграды, такъ какъ наша наука — представляетъ собой лишь тѣнь на лицѣ дѣйствительности.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ привести здѣсь всѣ споры относительно условій жизни и показать подробно, что не только на землѣ существуютъ условія, пригодныя для жизни. Ограничивать дѣятельность природы только сферой нашихъ знаній простительно только ребенку. Нѣкогда наши предки считали существенной частью всего міра — четыре элемента: «землю, воду, воздухъ и огонь». Въ наше время признается необходимость углерода для всякаго живого организма. Но никто не знаетъ, въ чемъ заключается сущность этого углерода. И кто знаетъ, быть можетъ, наши потомки будутъ улыбаться надъ наивностью нашихъ теорій. Нѣтъ сомнѣнія также, что обитатели системъ Ригеля или Денеба, — звѣздъ, спектры которыхъ характеризуются линіями титана и кремнія, не считаютъ углеродъ такою же необходимой субстанціей. Доказавъ, что наша планета не занимаетъ центральнаго мѣста вселенной, не представляется уже необходимымъ возражать Уоллесу относительно условій жизни. Разъ невѣрна гипотеза, — невѣрны и вы-

*) Comptes rendus de l'Academie des sciences, 1877.

**) Grand Atlas Céleste, 1877.

воды изъ нея. Но мы, однако, не можемъ обойти совершеннымъ молчаніемъ и эти идеи Уоллеса.

III. Условія жизни.

Главная идея Уоллеса заключается въ томъ, что только наша планета обитаема. Чтобы доказать это, онъ беретъ за исходный принципъ единство химическаго строенія вселенной и, какъ слѣдствіе изъ него, дѣлаетъ выводъ, что, гдѣ только существуетъ жизнь, — она должна быть организована на тѣхъ же началахъ, какъ и у насъ. По мнѣнію англійскаго натуралиста, чтобы планета была обитаема, необходимо, чтобы она была не только аналогична, но и идентична (тождественна) съ землей, т. е.:

1) Необходимо соответственное разстояніе отъ солнца для тождества температуры суши; испареніе воды, облака и дожди.

2) Атмосфера должна быть той же величины и плотности, что необходимо для общей циркуляціи воздуха.

3) Необходимо, чтобы на ней существовали моря и происходили приливы, а слѣдовательно нужна и луна, такъ какъ безъ приливовъ немислимо существованіе высихшихъ существъ.

4) Необходимо, чтобы моря были очень глубоки и чтобы поверхность воды была въ 13 разъ больше поверхности суши.

5) Наконецъ, необходимо присутствіе пыли, такъ какъ безъ пыли не можетъ быть дождевыхъ облаковъ. Пустыни такъ же необходимы, какъ и вулканы, чтобы распространять пыль въ атмосферѣ.

Признавъ неизбежность этихъ пяти условій, понятно, почему Уоллесъ не могъ найти во вселенной другой планеты, идентичной нашей. Въ нашей солнечной системѣ, очевидно, только одна земля отстоитъ отъ солнца на достаточномъ разстояніи. Другія планеты нашей системы находятся или слишкомъ близко, или слишкомъ далеко отъ солнца. Относительно планетъ другихъ системъ ничего неизвѣстно, но весьма вѣроятно, что онѣ имѣютъ другое калорифическое строеніе. Атмосфера Марса не достаточно плотна для дыханія. Венера необитаема, такъ какъ у нея нѣтъ луны. Что касается пыли, то ея слишкомъ много на Марсѣ, но очевидно недостаточно на Юпитерѣ. Зато на Юпитерѣ несомнѣнно присутствіе облаковъ и даже въ большомъ количествѣ. Слѣдуетъ думать, что знаменитый астрономъ никогда не видѣлъ его.

Аргументы Уоллеса болѣе или менѣе оригинальны, но разсужденія его стары, какъ міръ. Суть ихъ сводится къ одному и тому же: или сходство, или отсутствіе. Вообще, біологи не видятъ жизни внѣ идентичности. Я не могу никогда удержаться отъ того, чтобы не сравнить ихъ разсужденія съ разсужденіями рыбъ въ ихъ прозрачной средѣ. Вообразите себѣ двухъ пискар-й, увидѣвшихъ рыбака. У нихъ долженъ происходить діалогъ въ родѣ слѣдующаго:

«Посмотри, я вижу рыбу внѣ воды! Это невозможно!»

— «Дѣйствительно», думаетъ другой пискаръ; „но все-таки мнѣ кажется...“ Если бы эти обитатели водъ были полными невѣждами, то они, пожалуй, бы и признали дѣйствительное существованіе рыбака. Но, если хоть нѣсколько образо-

ваны, то, начавъ изслѣдовать условія жизни въ воды, они въ результатъ придуть къ отрицанію существованія рыбака. Пожалуй, они станутъ изслѣдовать этотъ вопросъ такъ же подробно, какъ и Уоллесъ. Допустимъ, что они увидѣли приплывшую къ нимъ лосось.

„Откуда она?“—„Изъ соленой воды“. „Изъ соленой воды? Невозможно! Жить можно только въ прѣсной водѣ“. И если лосось станетъ имъ разсказывать про море, они не повѣрятъ ему, такъ какъ *знаютъ* по традиціи, что соленая вода необитаема.

Не правда ли, милостивые государи, эти разсужденія напоминаютъ разсужденія жителей нашей планеты, считающихъ нашъ горизонтъ границей міра?

Съ другой стороны, не слишкомъ ли самоувѣренно утверждать, что обитатели другихъ міровъ или похожи на насъ, или не существуютъ. Существуетъ мнѣніе, что Богъ создалъ человѣка по своему подобію. Желая создать представленіе о Богѣ, человѣкъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ надѣлать Бога своими чертами и сдѣлать Его похожимъ на себя. Одинъ греческій философъ какъ-то сказалъ, что если бы быки могли имѣть идею о Богѣ, то они представляли бы Его себѣ похожимъ на нихъ,—огромнымъ быкомъ. Не слишкомъ ли все это наивно? О, если бы мы дѣйствительно преуспѣвали бы во всемъ, — что было бы, если бы существовалъ только одинъ міръ—тогда такое мнѣніе было бы правдоподобно. Но что думаетъ само человѣчество о своемъ превосходствѣ? Что всѣ обитатели міріады міровъ, существующихъ въ пространствахъ небесъ, должны походить на насъ! Какая дерзость, какая пронія! Неужели можемъ мы думать такъ, милостивые государи, когда наша человѣческая раса такъ груба и, скажемъ даже сильнѣе, чувственна? Развѣ первое наше условіе жизни не есть... ѣда и развѣ пищеварительный каналъ не самый важный нашъ органъ? Я думаю, намъ нечѣмъ гордиться, и что навѣрное не всѣ обитатели неба зависятъ отъ ѣды и вѣчной бойни...

Нѣтъ, милостивые государи, разнообразіе такъ же безконечно и въ звѣздныхъ пространствахъ, какъ и на лугахъ земли. Мало того, мы можемъ, мы должвы даже привѣтствовать въ жизни цѣль существующаго порядка, — цѣль вѣчно осуществляемую на землѣ, на нашемъ единственно доступномъ полѣ наблюденія и опыта. Да, жизнь есть неизбѣжный законъ, высшая сила, которой все повинуется. Земля есть чаша изобилія. Изъ глубины морей, съ долинъ и горъ, съ роскошныхъ луговъ и полей, изъ лѣсовъ, воздуха—отовсюду подымается безконечный, производительный, вѣчный шумъ. Слушайте! Это звучитъ великій голосъ природы, въ которомъ сливаются всѣ неизвѣстные, мистическіе голоса, непрерывно говорящіе голоса, голоса морскихъ волнъ, голосъ лѣснаго вѣтра, голосъ воздуха и воды, голоса 300 тысячъ видовъ насѣкомыхъ, наполняющихъ вселенную и образующихъ какой-то фантастическій живой міръ, управляемый силой инстинкта. Капля воды содержитъ тысячи существъ, между которыми насчитывается 215 семействъ инфузорій, описанныхъ при помощи микроскопа натуралистомъ Эренбергомъ. Какъ разнообразны ихъ причудливыя формы и какъ велика ихъ плодовитость, если, напр., коловратка можетъ произвести на свѣтъ 16 милліоновъ существъ въ двѣ недѣли. Граммъ пыли улицъ Парижа содержитъ 130.000 бактерий. Микроорганизмы живутъ не только въ воздухѣ и въ водѣ, они кипятъ и въ

почвѣ, въ которой играютъ очень важную роль. Крамеръ опредѣляетъ ихъ число въ 650.000 въ одномъ граммѣ. Взрывъ землю въ саду, на полѣ, на лугу, мы найдемъ червей, приготовляющихъ черноземъ. Подъ любымъ камнемъ на дорогѣ кишитъ огромное населеніе. Въ лѣсу вы увидите муравьевъ, холмики кротовъ, спугнете ящерицъ, грѣющихся на солнцѣ, услышите птицъ, чирикающихъ около гнѣздъ, жужжаніе насѣкомыхъ, увидите цѣлые рои мошекъ, летающихъ въ освѣщенномъ солнечными лучами воздухѣ, а вечеромъ, когда весь этотъ концертъ замираетъ, вы услышите одинокую и сиротливую пѣсню сверчка или кваканье лягушки, а въ густой травѣ начнетъ блестятъ свѣтлячекъ. Вездѣ вы увидите жизнь, разлитую въ безчисленныхъ зародышахъ, проявляющуюся даже въ паразитахъ во вредъ самой себѣ. Безъ отдыха и безъ остановокъ, въ теченіе многихъ уже вѣковъ жизнь занята этимъ великимъ воспроизведеніемъ природы.

И, имѣя предъ собой это зрѣлище огромной, производительной, таинственной жизни нашего земного атома, несмотря на всѣ его планетныя несовершенства, бессмысленную смѣну временъ года, на разрушительные циклоны, колебанія почвы, вулканы и всѣ неблагопріятныя біологическія условія нашей планеты,—все-таки находятся люди, способные отрицать существованіе жизни и мысли въ прекрасныхъ областяхъ безконечности! Это равносильно отрицанію солнца, отрицанію свѣта!

Признаемъ лучше, что наша мизерная планета обитаема, потому что природа не могла сдѣлать иначе, потому что жизнь есть всеобщее начало.

Подведемъ итоги всему вышесказанному, милостивые государи! Итакъ, въ результатъ нашего изслѣдованія оказывается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что наша планета не имѣетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ другими планетами въ нашей солнечной системѣ. Наше солнце не занимаетъ какого-либо исключительнаго мѣста въ скопленіи многихъ милліоновъ солнцъ, образующихъ нашу звѣздную вселенную. Какъ ни великъ этотъ звѣздный міръ, все-таки онъ представляетъ только точку въ безграничномъ пространствѣ. Нѣтъ никакихъ данныхъ заключать, что не существуетъ милліардовъ другихъ міровъ, болѣе обширныхъ и даже, быть можетъ, болѣе прекрасныхъ, чѣмъ извѣстны намъ. Всѣ наши знанія о жизни, природѣ, пространствѣ и вѣчности—только впечатлѣнія стрекозъ, порхающихъ въ солнечномъ лучѣ. Мы живемъ въ относительно „Неизвѣстномъ“, на лонѣ Абсолютнаго, Безграничнаго безъ начала и конца. Матеріальный міръ находится вездѣ, въ предверіи небесъ.

Изъ литературы и жизни.

I.

Босяки о Горькомъ.

Вопросъ о томъ, насколько вѣрно М. Горькій изображаетъ жизнь босяковъ, неразъ возбуждался поклонниками и противниками главы „молодыхъ писателей“. Г. Пильскій описываетъ въ „Курьерѣ“ свой разговоръ по этому поводу съ самими босяками. Въ этомъ разговорѣ многое отдаетъ авторскою отсебятиною, чувствуется нѣкоторая фальшь, и невольно возбуждается сомнѣніе въ томъ, что, именно, принадлежитъ здѣсь босякамъ, и что вложилъ въ ихъ уста г. Пильскій... Тѣмъ не менѣе, безынтересно ознакомиться и съ этою «босяцкою» критикою изображенія Горькимъ жизни босяковъ, которая, по ихъ мнѣнію, обрисована «не совсѣмъ» вѣрно. «А только все, какъ есть въ натурѣ, на самомъ дѣлѣ. Только у него будто бы эти самые босяки ужъ очень хорошій народъ. Сильный. Важный. Смѣлый. Умный...

— А развѣ не бываетъ среди васъ смѣлыхъ и умныхъ?

— Какъ не бывать—бываетъ....

— Вотъ, когда, напримѣръ, выпьемъ,—то дѣлаемся посмѣлѣй,—улыбнулся онъ.—Утромъ поробоче. Пока не опохмѣлишься. Умныхъ тоже у насъ много. Только и изъ умныхъ, надо такъ сказать, Горькаго у насъ пойметъ не каждый. Да и жизнь онъ описываетъ все-таки не нашу, не московскую, а какую-то степную, вольную. Большую жизнь. И душа будто бы у людей этихъ тоже большая. Оно, пожалуй, и правда, что страхъ-то у насъ, у многихъ потерянь. Потому страхъ, какъ веревка, ноги опутываетъ. А намъ со спутанными ногами—помереть. Это только лошадь со спутанными ногами кормиться можетъ. Намъ это нельзя. Намъ нужно быть, просто сказать, отчаянными. Куда захотѣлъ, туда пошелъ. Но ходимъ и мы все-таки съ оглядкой. Наплевать-то, оно, дѣйствительно, наплевать. Только, ежели, очень ужъ часто будешь плевать, то подъ конецъ и слюны не хватитъ. Вообще, жизнь наша скучная...

— Что-жъ, равнодушіе съѣдаетъ, что-ли?

— А, конечно, и оно. Съ одной стороны, оно какъ будто и все равно, что жить, что помереть, что убить, что такъ пройти; что въ участокъ угодить, что здѣсь въ оврагъ проспаться. Ну, а, все-таки, какъ-то лучше на свободѣ. Бываетъ, что не только себя не жаль, а и убить самого себя готовъ, потому какъ чужая жизнь—копейка, такъ и своя собственная. Особливо, коли ничего хорошаго въ жизни и не предвидится...

— А вотъ,—сказалъ я,—у Горькаго есть странникъ Лука. Не молодой онъ. Серьезный. И сердце у него хорошее, и голова думающая. И вѣ-

рить этотъ самый странникъ въ хорошую страну, названіе которой, просто выражаясь, благостное счастье. Самъ онъ вѣрить въ нее и другихъ зоветь къ той же вѣрѣ. Многие въ душѣ своей тоже хотятъ ему вѣрить и ждать прихода той же поры счастья... Хорошо, вѣдь?

Собесѣдники мои задумались.

Потомъ одинъ изъ нихъ—пополнѣй—приподнял брови и посмотрѣлъ на меня серьезнымъ взглядомъ,—острымъ и вдумчивымъ.

— Никто въ такую страну, по трезвому дѣлу, вѣрить не станетъ. Потому всякій очень хорошо знаетъ, что ея нигдѣ нѣтъ. По нашему, счастья этого тоже нѣтъ, потому что вся, какъ есть, жизнь—одно горе... да злость. А Лука, ежели только онъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить въ такую глупость, либо прикидывается юродивымъ, либо вретъ. Всѣ странники врутъ. И мы, когда ходимъ съ мѣста на мѣсто, тоже время много. Потому что отъ этого легче душѣ. А еще и потому, что всякій, кто долго и много ходитъ, да отъ людей бѣгаетъ, тотъ не о настоящемъ думаетъ, а такъ, словно самъ себѣ сказку рассказываетъ. Вотъ также и Лука этотъ.

— Значить, Лука—врунь?

— Понятно. Головы людямъ загрязняютъ, да и себѣ тоже. Счастье, счастье... А гдѣ оно, это счастье-то?... Въ чемъ? Прямо сказать, хорошо жить въ покой. Но покоя тоже ни у кого, какъ есть, нѣтъ,—нисколько. Ну, а у бѣдныхъ и подавно ничего нѣтъ.

— И въ трудѣ и въ работѣ, которая кормитъ, тоже ни покоя, ни радости нѣтъ?

— Ну, въ трудѣ ужъ это какой же покой. Одно безпокойство. Во всякой работѣ есть начальствующій человѣкъ. Ему и смотри въ глаза. А это ужъ какой покой?

— Такъ что безъ работы лучше?

— Кабы ѣсть было что, конечно, лучше..

— А не скучно, развѣ?

— Да скучно, надо такъ думать, вездѣ. Кому не скучно? Только пьяному одному весело.

Мы помолчали.

— А вотъ теперь у насъ есть и такіе, которые завидуютъ вашей долѣ. Говорятъ, что вы—свободны, сильны, а что мы всѣ робкіе, трусливые, задуманные люди. И себя жалѣютъ, а вамъ завидуютъ.

Оба мои собесѣдника махнули рукой и какъ то нетерпѣливо двинулись на своихъ мѣстахъ.

— Съ жиру это,—сказалъ одинъ изъ нихъ. Брюхо-то полно. Вотъ и хочется что-нибудь, чего даже и сдѣлать никакъ невозможно..

— Значить, Горькій испортилъ насъ?

— Нѣтъ, это не онъ. Сами испортились. Онъ-то, вѣдь, тоже босякъ былъ. Ну, теперь онъ хорошо, ему, можетъ быть, и скучно. Вотъ и думается, что тогда, раньше-то, лучше было. Потому было занятіе! корку хлѣба искать надо было. Такъ скучать некогда.

Около нашего брата теперь господъ много трется. Кто съ чѣмъ. Кто посмотрѣть, какъ живемъ, поговорить съ нами любопытно... Вотъ, какъ вамъ сейчасъ. Кто съ другимъ: одни милость оказать. Благодарность проявить—это барыни разныя тамъ.

— Мода!

— Да. И нисколько намъ отъ этого не лучше и не покойнѣй.

Онъ вздохнулъ.

— Ну, а какъ вы о писаніяхъ Горькаго узнали? Самого его читали? Нѣтъ. Слышали.

— Отъ кого-же?

— Есть у насъ такіе. Читали. Многіе слышали. Всетаки интересно. Нашъ про насъ и пишетъ. Не всякому дано.

Я обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Одинъ изъ героевъ Горькаго говоритъ, между прочимъ, такъ: «Человѣкъ—это звучитъ гордо. Человѣкъ—это великолѣпно». Говоритъ это такой же босякъ, какъ и всѣ прочіе, убійца, но мечтатель и философъ,—умный человѣкъ. По вашему, правда это: человѣкъ—гордое званіе?

Но при этомъ на лицахъ моихъ собесѣдниковъ заиграла такая благодушно-снисходительно-презрительная усмѣшка, что мнѣ даже неловко стало отъ моего вопроса.

— Хмъ! покачивая головой, сказалъ босякъ,—тотъ самый, у котораго были мягкіе глаза. Хмъ! Гордо! хмъ! Да что же тутъ гордаго? Въ чемъ она, эта гордость. Въ томъ, что насъ бьютъ? Въ томъ, что мы можемъ, не пивши, не ѣвши, по недѣлямъ сидѣть? Человѣкъ—лоскутъ. Пока въ кускѣ—ему пѣна. Оторвали отъ куска—ему мѣсто за окномъ, либо въ сору, либо въ помойницѣ. Гордость! Хороша гордость, если у каждого человѣка есть всегда такой, которому онъ въ глаза, какъ собака побитая смотреть. И больше другихъ смотримъ такъ мы. Потому что каждый человѣкъ, у котораго есть грошъ, уже надъ тобой начальникъ, если у тебя такого гроша нѣтъ. Такъ гдѣ она, эта гордость? У человѣка нѣтъ ни стыда, ни гордости. Это Максимъ Горькій напрасно про гордость.

— А Лука у него считаетъ, что хорошо соврать людямъ слѣдуетъ. Это онъ называетъ «подрумянить душу».

— Ну, это дѣло десятое. Коли румянить душу, пусть румянить. только не всякую душу подрумянишь. Иная румянъ не принимаетъ. Потому что ее прежде надо отъ грязи очистить. И накормить тоже надо. тотомъ ужъ и румяна. Да, вѣдь, и румяна-то эти, что твоя краска, сойдутъ, Полиняютъ и опять же, значить, одна грязь останется... Скучно,—махнулъ пнѣ рукой..»

II.

Популярность Горькаго за границей.

— Мы съ товарищами, — рассказываетъ цюрихскій корреспондентъ «Волини»,—были въ купальнѣ. Намъ бросилось въ глаза, что за однимъ изъ насъ банщикъ ухаживаетъ слишкомъ вѣжливо и заботливо, но мы не знали, чему это приписать. Но вотъ, улучивъ минуту, когда насъ не было, банщикъ обращается къ нашему товарищу:

— Вы русскій?

— Да, отвѣчалъ тотъ.

— Я читалъ русскаго писателя, Горькаго.

— Хорошо?

— Я видѣлъ его новую пьесу...

— Ну?

— Я видѣлъ его портретъ... Это вы... вы Горькій,—беззапелационно сказалъ банщикъ.

Есть минуты, когда человѣку простительна невинная шутка. Товарищъ, въ самомъ дѣлѣ, поразительно похожій на портретъ Горькаго, не отпирался, и банщикъ не смѣлъ больше заговорить съ нимъ. Узнавъ объ этомъ мы рѣшили продолжать шутку. Когда мнимый Горькій ушелъ, одинъ изъ насъ обратился къ банщику, не видѣлъ ли онъ, ушелъ ли одинъ изъ нашей компаніи.

— Русскій?—спросилъ банщикъ, съ блаженной улыбкой, и глаза его радостно заискрились. Это Горькій?

— Да.

— Горькій, который снятъ вмѣстѣ съ Толстымъ, тоже русскимъ писателемъ?

— Да.

— Такъ я таки видѣлъ Горькаго?! И въ его голосѣ слышались радость, благоговѣйный восторгъ.

Намъ не хотѣлось разочаровывать бѣднаго швейцарца—теперь это было бы слишкомъ жестоко.

— Я его сейчасъ узналъ, — радостно говорилъ онъ. — Только вотъ глаза... У Горькаго на портретѣ такіе глубокіе, задумчивые глаза. Онъ долженъ быть выше ростомъ, а щеки немного впалыя.

Въ его сердцѣ стала прокрадываться змѣйка — сомнѣніе. Оказалось, что онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ портретъ Горькаго. Намъ, однако, легко удалось разогнать его сомнѣніе, и его лицо опять прояснилось.

— Я видѣлъ его пьесу въ театрѣ. Какой народъ былъ!

— А онъ хорошій писатель?—спросилъ я наивно.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ такой жалостью... Его взглядъ говорилъ: бѣдный же ты человѣкъ! На мой вопросъ онъ поднялъ руки, указалъ на лобъ, и по его лицу расплылась такая благородная улыбка.

— Если вы увидите еще разъ Горькаго, — съ благоговѣніемъ говорилъ онъ, когда мы уходили, — покорнѣе прошу передать ему мой низчайшій поклонъ.

III.

Біографія М. Горькаго въ цифрахъ.

Горькій въ настоящее время путешествуетъ пѣшкомъ по Кавказу. Это дало поводъ «Казбеку» помѣстить біографію писателя въ цифрахъ, являющуюся краснорѣчивымъ разсказомъ прошлаго этого писателя.

1878-й годъ. Поступилъ «мальчикомъ въ магазинъ обуви.

1879-й « Былъ ученикомъ у чертежника.

1880-й « Служилъ поваренкомъ на пароходѣ.

1883-й « Работалъ въ крендельномъ заведеніи.

1884-й « Былъ пильщикомъ дровъ.

1884-й « Перешелъ на занятія грузчика.

1885-й « Состоялъ хлѣбопекомъ въ пекарнѣ.

1886-й « Былъ хористомъ въ мелкой оперной труппѣ.

1887-й « Торговалъ яблоками.

1888-й « Покушался на самоубійство.

1889-й « Занялъ должность желѣзнодорожнаго сторожа.

1890-й « Исполнялъ обязанности завѣдующаго метлами и брезентами желѣзнодорожныхъ станцій.

1890-й « Поступилъ писмоводителемъ къ присяжному повѣренному.

1891-й « Сталъ бродить по Россіи и работалъ на соляныхъ промыслахъ.

1892-й « Служилъ рабочимъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

« « Написалъ первый разсказъ.

« « Всемирно извѣстный писатель, имя и произведенія котораго сдѣлались популярными среди интеллигентныхъ читателей всѣхъ странъ.

IV.

Опасенія сибирскихъ крестьянъ.

Слухи о предстоящемъ сибирскомъ дворянскомъ землевладѣннй вызвали въ мѣстномъ крестьянствѣ и среди поселенцевъ опасенія, которыя передаетъ, на основаніи личныхъ впечатлѣній, г. И. Л. Иксъ въ „Кіевск. Газетѣ“.

Сибирякъ барина не зналъ никогда. Очень старые сибиряки даже слова этого не употребляютъ въ обиходномъ разговорѣ. Въ ихъ жаргонѣ «баринъ» значитъ специально „засѣдатель“.

— Подъ кого коней ловишь? — Однако, подъ „барина“.

— Дурова голова, почто кобылъ арканишь? Нешто баринъ на кобылахъ поѣдетъ? Барину подавай мереньевъ.

Къ слову сказать, странный обычай, что чиновники ѣздятъ по Сибири, почта для, исключительно на лошадахъ мужеска пола, соблюдается очень свято. Есть чиновные мудрецы, которые кобылъ въ упряжкѣ считаютъ прямо чуть не личнымъ себѣ оскорбленіемъ. Въ М. мнѣ показывали крестьянскаго начальника, столь щепетильнаго на этотъ случай, что, выѣзжая въ уѣздъ на обывательскихъ, онъ обязательно подвергаетъ предварительному медицинскому осмотру коней, коимъ предстоитъ высокая честь везти его благородіе. Хорошо еще, что свидѣлствуетъ самъ, а не чрезъ акушерку!

Сибирякъ барина не зналъ никогда, но онъ знаетъ легенду о крѣпостномъ баринѣ и относится къ его имени съ суевѣрнымъ предубѣжденіемъ.

— Мало намъ васъ, вошей!—со злостью дразнилъ при мнѣ чалданъ переселенца. Еще господъ своихъ за собою ведете...

А переселенцы тревожатся:

— Что жъ это будетъ? Изъ Россіи отъ господъ ушли, а они и сюда за нами. Куда же намъ теперича?

— Да, вѣдь, просторно: мѣста веѣмъ хватить.

— Просторно? У нашихъ дѣдовъ въ Россіи тоже просторно было. А мы—отъ простора-то дѣдовскаго—вотъ они гдѣ...

— Ужъ какой просторъ крестьянину, если господская усадьба подъ бокомъ! Сожмутъ...

— Въ Россіи тѣсно, и тутъ то же будетъ... Вотъ помяни мое слово...

Говорю съ мѣстною властью держащую.

— Какъ вы смотрите на чашное дворянское землевладѣніе?

— Буду просить о переводѣ въ другую часть Сибири, а—не дадутъ перевода,—въ отставку подамъ.

— Вотъ тебѣ и разъ!

— Помилуйте, тутъ и отъ мужицкой-то ушибы голова кругомъ идетъ, а какъ понаѣдутъ благородные...

Почтенный администраторъ даже свистнулъ.

— Отъ однихъ нарушенныхъ паскотинъ съ ума сойдемъ... А потравы? А поджоги?... Вы думаете, какъ имъ честию миромъ и дадутъ на землю сѣсть?

— А вы блюдите. На то и поставлены.

Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза звѣремъ:

— Насмѣхаться изволите?

— Да, нѣтъ... что же... зачѣмъ?

— Затѣмъ, завопилъ онъ въ негодованіи,—что у меня уѣздъ величійю въ четыре Бельгіи, и есть мѣстности, гдѣ отъ одной займки до слѣдующей—по пятидесяти, по сту верстѣ тайги!

У.

Казнь у китайцевъ.

Давно уже подмѣчено, что восточные народы относятся крайне безучастно къ самымъ жестокимъ казнямъ. Толпа не только не проявляетъ какого-либо состраданія, но часто даже конвульсивныя движенія жертвы вызываютъ смѣхъ зрителей. Такъ, одинъ ветеранъ покоренія Туркестана, инженеръ Я., рассказывалъ намъ, какъ сартъ, не разъ присутствовавшій при процессѣ «сажанія на колъ», находилъ «очень смѣшнымъ» тѣ ужасныя гримасы, которыми невыразимое страданіе искажало лица жертвъ произвола прежнихъ деспотическихъ владѣтелей завоеваннаго края. Интересно также и то, что осужденные на казнь не только ничѣмъ не проявляютъ своего возмущенія противъ насилія, но на ихъ лицахъ незамѣтно даже вполне естественнаго страха передъ ожидающей ихъ печальною участію. Представляетъ ли это извѣстное удалство, или видимое безстрастіе и спокойствіе являются только слѣдствіемъ сознанія неизбежности ожидающей ихъ судьбы? Последнее, повидимому, вѣрнѣе. Г. Прокоповичъ описываетъ въ «Восточномъ Обзорѣннѣ» совершеніе казни у китайцевъ, и это описаніе лишній разъ подчеркиваетъ упомянутую особенность отношенія нѣкоторыхъ народовъ къ смерти.

«Все было готово. Ждали только пріѣзда китайскихъ властей. Но вотъ стали съѣзжаться китайскіе чиновники и офицеры. Замелькали павлиньи перья, зарыблили бѣлые, желтые, синіе, красные шарики на верхушкахъ круглыхъ шапочекъ. Около самыхъ арбъ остановились всадникъ, съ головы до ногъ одѣтый въ красное; голова его была покрыта краснымъ капюшономъ. Въ рукахъ, прямо передъ собой, онъ держалъ деревянный мечъ со всевозможными узорами и надписями.

Это—представитель верховной власти, а мечъ—ея символъ. Но вотъ тюремная дверь заскрипѣла и отворилась. Одного за другимъ стали выводить осужденныхъ и усаживать по двое на арбу.

Руки связаны за спиной. На шеѣ у cadaго веревка, затянутая мертвой петлей. Шествіе медленно тронулось подъ однообразные и рѣзкіе звуки трубачей за городъ къ мѣсту казни. Впереди ѣхала часть кавалеріи со знаменами, за нею слѣдовала пѣхота, затѣмъ красный всадникъ, а за нимъ потянулись арбы, конвоируемыя пѣхотинцами, державшими концы веревокъ, завязанныхъ на шеѣ осужденныхъ. Шествіе замыкалось кавалеріей и толпой народа, спѣшившаго на «даровое представленіе». Я подѣхалъ вплотную къ арбамъ. Осужденные—народъ молодой, рослый и здоровый. Лица почти у всѣхъ безъ всякаго выраженія. Глаза потуплены. Видно—каждый ушелъ въ самого себя, каждый раздумываетъ о предстоящей казни, но ни тѣни страха не замѣтно на ихъ лицахъ—все то же выраженіе: безропотное, покорное, примирившееся съ неизбежнымъ.

Шествіе вышло за городскую стѣну и въ полуверстѣ отъ нея остановилось. Разостлали на землѣ цыновки; на нихъ поставили осужденныхъ на колѣни въ одну линію, одинъ отъ другого шагахъ въ 3-хъ, и войска окружили мѣсто казни, не подпуская никого изъ толпы ближе шаговъ 20-ти. Впереди осужденныхъ сталъ къ нимъ лицомъ «кровавый» всадникъ. Внутри круга, образованнаго войсками, находились и китайскія власти; туда же пробѣхалъ и я со своимъ проводникомъ.

Солнышко весело сіяло на безоблачномъ небѣ, ослѣняя своими лучами эту пвѣтущую равнину, пеструю толпу народа, эти десять колѣнопреклоненныхъ фигуръ съ наклоненными головами, играя лучами своими на оружіи, на блестящемъ, широкомъ мечѣ палача, стоящаго подлѣ осужден-

ныхъ съ засученными руками, переливаясь на золотѣ и шелковомъ одѣяніи саванниковъ.

Лучами своими оно горѣло, всеяля повсюду жизнь своимъ дыханіемъ. Хотя бы скрылось оно на этотъ страшный мигъ!

Прочитали приговоръ. Къ осужденнымъ подошли палачъ и его помощникъ. Подойдя къ первому по порядку, помощникъ перевернулъ петлю узломъ на затылокъ и, взявши веревку за конецъ, отошелъ шага на три и натянулъ ее. Палачъ привязалъ къ веревкѣ косу несчастнаго китайца, но совершенно свободно, для того только, чтобы голова осталась привязанной послѣ того, какъ слетитъ долой, а также и для того, чтобы коса не помѣшала при ударѣ.

Привязавъ косу, палачъ отступилъ на шагъ и ударилъ несчастнаго ладонью по шеѣ, какъ бы примѣриваясь для удара; затѣмъ взявъ мечъ обѣими руками, онъ размахнулся,—и широкое лезвіе глубоко вѣзлось въ шею китаюца. Моментально образовалась широкая зіяющая рана; палачъ провелъ по ней еще раза два мечомъ впередъ и назадъ, и голова осужденнаго отлетѣла прочь. Нѣсколько мгновений еще продолжало стоять обезглавленное тѣло на колѣняхъ, но вотъ огромной струей хлынула кровь, и туловище, закачавшись, рухнуло впередъ. Немного конвульсивныхъ движеній, и для тѣла все было кончено, но голова, раскрывая и закрывая ротъ, продолжала шевелиться.

Посинѣвшая, съ широко раскрытыми глазами, дико вращавшимися вокругъ, она какъ бы недоумѣвала, какимъ образомъ случилась съ ней эта страшная перемѣна.

Съ того момента, когда палачъ занесъ надъ головой осужденнаго свой мечъ и до того, когда отдѣлилась голова, я не дышалъ: въ груди у меня захватило дыханье; мнѣ казалось, сердце мое перестало биться.

Но вотъ голова отлетѣла. Изъ груди моей вырвался какой-то хриплый вздохъ. Вся площадь отвѣтила мнѣ: китаюцы, какъ одинъ, закричали «Хао!» (хорошо).

VI.

Преподаваніе журналистики въ университетѣ.

Въ Гейдельбергскомъ университетѣ существуетъ кафедре журналистики, официально называющаяся кафедрой «исторіи общественнаго мнѣнія, печати и журналистики въ Германіи». Основателемъ ея (въ 1895 г.) былъ профессоръ А. Кохъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ журналистовъ,—«человѣкъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, знакомый со многими выдающимися государственными и общественными дѣятелями разныхъ странъ, извѣстный корреспондентъ о дѣлѣ Дрейфуса въ «*Frankfurter*—и «*Kölnische Zeitung*».

«Нельзя, конечно,—говорилъ намъ проф. Кохъ въ своей вступительной лекціи,—сдѣлаться журналистомъ такъ, какъ дѣлаются инженеромъ, врачомъ—послѣ приобрѣтенія запаса знаній и практики. Если даже въ этихъ отрасляхъ нужна частица того, что называется призваніемъ, то оно же всецѣло требуется для журналиста: его дѣло—его призваніе. Первое условіе—это имѣть частицу Прометеевскаго огня, называемаго талантомъ. Но именно они—то и должны его обрабатывать, такъ какъ ничей голосъ такъ громко, и подчасъ увѣренно, не раздается, какъ ихъ; они становятся часто глашатаями истины и здравыхъ понятій, и на площади общественнаго мнѣнія ихъ скромные листы приобрѣтаютъ значеніе трибунъ, откуда наряду вѣщается правда. Если пѣвцомъ не можетъ стать человѣкъ, не обладающій хорошимъ голосомъ, то и человѣкъ съ хорошимъ голосомъ не

обработавшій его, также не можетъ стать пѣвцомъ... Журналистъ, выступающій на той же открытой сценѣ, гдѣ его слушаютъ уже тысячи, беретъ этимъ на себя общественную роль и становится уже учителемъ и потому наряду съ призваніемъ долженъ обладать знаніемъ. Къ сожалѣнію, послѣднего часто-то и нѣтъ у тѣхъ самыхъ лицъ, которыя претендуютъ на роль руководителей общественнаго мнѣнія; и эту задачу поставили себѣ мы, осуществляя ее по мѣрѣ возможности и силъ съ этой кафедрѣ». Талантливый профессоръ, — какъ истый журналистъ, владѣющій больше перомъ, чѣмъ рѣчью, и потому читающій свои лекціи, — далъ рядъ блестящихъ очерковъ по исторіи печати, остановившись особенно на Flugblätter времени Лютера, этихъ листовъ, имѣвшихъ такое крупное значеніе для реформациі и бывшихъ боевыми распространителями извѣстныхъ «тезисовъ», на журнальной дѣятельности Фридриха II. Томазія, создателя полемической журналистики, Гуго Гроція, Пуффендорфа, характеристикъ Жюль Жанена, создателя фельетона, Сенъ-Бефа, и блеснуль, дѣйствительно, замѣчательными, краснорѣчивыми картинами дѣятельности славнѣйшихъ публицистовъ Германіи: Гейне и Берне. Много удѣлено имъ характеристикъ теперешней печати, иные органы которог насчитываютъ за собою болѣе вѣка и пользуются большимъ вліяніемъ среди господствующихъ партій страны: «Vossische Zeitung» — тетушкъ Фоссъ, основанная еще въ 1721 г., «Kölnische Zeitung», «National Zeitung», создавшіяся послѣ первыхъ мартовскихъ дней, «Kreuz-Zeitung», «Germania», «Frankfurter Zeitung», «Berliner Tageblatt», «Vorwärts» и др.

Кромѣ лекцій по исторіи печати, журналистики, цензуры, публичнаго права, особенно въ области законодательства о печати, знакомства съ хозяйственной стороною дѣла, при кафедрѣ учрежденъ семинаръ, т. е. практическія занятія съ довольно ограниченнымъ числомъ лицъ. На этомъ семинарѣ подъ руководствомъ профессора происходятъ «Extemporalia»: изготовленіе депешъ, дешифровка и редакция ихъ, переводъ изъ иностранной газеты, выдержки изъ торжественныхъ рѣчей (тронныхъ, парламентскихъ), выборъ извѣстій изъ депешъ, корреспонденцій большихъ газетъ для средняго и малаго листа, корректура, счетоводство, редакціонная переписка. Затѣмъ домашнія работы, состоящія въ изготовленіи передовыхъ статей на текущія событія: выборы, законодательство и пр. Была предложена даже тема: «По случаю смерти папы», хотя онъ еще былъ живъ. Пишутся также дома фельетонъ, корреспонденція, статьи экономическаго содержанія, хроника, рецензіи объ искусствѣ, библіографія и т. д. Демонстрируются старинные газетные нумера, особенно выдающіеся, напримѣръ, «Strasburger Zeitung» 1609 г., «Relation» 1620 г., газеты времени великой французской революціи, «Extra-Blatt» къ «Berl. Zeit.» отъ 20-го марта 1848 г., гдѣ говорится еще о баррикадахъ. Предпринимаются поѣздки въ сосѣдніе города для обозрѣнія газетъ въ Мангеймѣ, Дармштадтѣ, Франкфуртѣ. («Од. Нов.»).

Вопросы народного образования и — библиографіи.

А. А. Николаевъ.

Кооперация и народное образование.

I.

Позвольте, читатель, начать сегодня нашу бесѣду съ двухъ маленькихъ цифровыхъ картинокъ.

«Ипохондрикамъ, меланхоликамъ, пессимистамъ и человѣконенавистникамъ» пишетъ корреспондентъ «Рус. Вѣд.» ¹⁾ изъ Лондона: «слѣдуетъ въ видѣ антидота вмѣшаться въ ту громадную, счастливую, клокочущую весельемъ толпу, которая разъ въ годъ прибываетъ въ Лондонъ со всѣхъ концовъ Англіи на праздникъ кооператоровъ. Тутъ—мужчины и женщины, взрослые и дѣти... Я ѣду въ одномъ вагонѣ съ рыжеволосыми соотечественниками Роберта Бернса и шотландскими кооператорами. Все это—сапожники, ткачи, мебельщики, печатники—члены «Scottish wholesale Society». Они ѣдутъ со своимъ знаменемъ, на которомъ значится: «сплоченное невѣжество означаетъ тиранію; сплоченное знаніе—свободу и миръ»... Въ Хрустальномъ Дворцѣ, по заведенному обычаю, устроена ежегодная выставка кооператоровъ. Тутъ можно видѣть результаты дѣятельности производительныхъ обществъ: шеффилдскія кооперации прислали ножевой товаръ, бирмингемскія—жестяные издѣлія; Эбденбриджъ шеголяетъ бумазеей, Кэтерингъ—башмаками, Лейстеръ—платьемъ и пр. Но все это было и на прошлыхъ выставкахъ. Теперь кэтерингцы или лейстерцы могутъ похвалиться развѣ расширеніемъ своей дѣятельности. Но вотъ нѣчто совсѣмъ новое. На полу сложены аспидныя плиты. Тутъ же—модель каменоломни. Объясненія даютъ нѣсколько широкоплечихъ каменотесовъ. Это—первая кооперативная уэльская каменоломня, открытая рядомъ съ Вивездой, принадлежащей Лорду Пенрику. Кооперативныя общества и тредъ-юніоны рѣшили купить три каменоломни, въ которыхъ нашли бы работу всѣ каменотесы, вотъ уже третій годъ отстаивающіе свои права въ Вивездѣ. Теперь дѣйствуетъ уже одна каменоломня. Двѣ другіе уже приобрѣтены, но тамъ снимаютъ еще только пласты земли... «Союзъ кооператоровъ» насчитываетъ теперь 1.462 потребительныхъ общества съ 1.793.770 сочленами. Въ прошломъ году союзъ получилъ прибыли 8.265.276 ф. ст. Союзомъ различныхъ коопераций достигается между прочимъ то, что отдѣльные производительныя общества имѣютъ годовой обезпеченный рынокъ. Читатели «Рус. Вѣд.» знаютъ уже про

¹⁾ «Рус. Вѣд.» 1903. № 187.

попытку торговцевъ въ Сѣверной Англіи разгромить союзъ кооператоровъ. Предприниматели съ этой цѣлью бойкотировали даже работниковъ, если они состояли членами потребительнаго общества; кооператорамъ отказывали въ квартирѣ и пр. Союзъ кооператоровъ, сознавая важность исхода борьбы, ассигновалъ на веденіе ея миллионъ руб. И теперь, какъ заявила предсѣдатель въ своемъ отчетѣ, борьба кончилась полною побѣдой союза...

Перейдемъ теперь къ «роднымъ пейзажамъ». Передъ нами книга г. Прокоповича «Кооперативное движеніе въ Россіи» 2). Что за печальныя картины!

Артели... онѣ не соотвѣтствуютъ тѣмъ формамъ экономического строя, въ которомъ теперь пребываетъ Россія, и обречены на вырожденіе и гибель. Это доказываютъ цифры. Промысловыя товарищества, несмотря на большія усилія со стороны интеллигенціи, надо признать окончательно неудавшимися. Противъ фактовъ спорить не станешь. Остаются ссудосберегательныя товарищества и товарищества потребителей. Они, пожалуй, теперь нѣсколько окрѣпли и, быть можетъ, модифицируются такъ, что дадутъ кое-что русскому народу. Но это... «улита ѣдетъ»,... а пока въ нашемъ распоряженіи цифры, поистинѣ, микроскопическія. Цифры, которыя заставляютъ прямо таки испытывать чувство стыда и обиды за русскую дѣйствительность по сравненію съ той грандіозной картиной, которую представляетъ англійское народное кооперативное движеніе.

Вотъ цифры. Въ періодъ съ 1866 по 1900 г. было открыто 1.459 ссудосберегательныхъ товариществъ; изъ нихъ къ концу періода дѣйствуютъ лишь 742! Въ 1899 г. 591 товарищество, представившее въ министерство свои отчеты насчитывало членовъ всего 237.249 человекъ. Такія же мизерныя цифры находимъ мы и по отношенію къ потребительнымъ товариществамъ. Такъ къ 1 янв. 1901 г. дѣйствовало.

Сельскихъ	143
Городскихъ	179
Фабрично-заводскихъ и желѣзнодорожныхъ	209
Офицерскихъ и чиновничьихъ	69

Число членовъ мало гдѣ достигаетъ тысячи человекъ, а часто останавливается тотчасъ за первой сотней. Прибыль у всѣхъ насчитывается едва въ нѣсколько миллионovъ. И это на гигантскую по своей территоріи Россію. Нѣтъ, положительно, кооперативное движеніе не дается нашей родинѣ. И когда мы вспоминаемъ тоть, предложенный г. Хомяковымъ, директоромъ департамента министерства земледѣлія, на заключительномъ обѣдѣ послѣдняго московскаго экономического съѣзда: «въ союзѣ—сила, въ дружбѣ—сила, въ мірской работѣ—весь секретъ и счастье, и благоденствіе, и каждый самъ, одинъ, не стоитъ ничего! за солидарность всѣхъ друзей труда, народа, правды, да процвѣтаетъ единеніе!», когда мы вспоминаемъ эту тоть, намъ, читатель, становится грустно; грустно, потому что непроизвольно въ то же время звучатъ въ умахъ стихи знаменитаго поэта.

«Въ столицахъ шумъ, гремѣть вѣтѣ,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи—
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ нивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью землею,
Колосья безконечныхъ нивъ».

Правда, тишина эта за послѣднее время нарушена... И нарушена значительно.

но тѣмъ не менѣ народу все же чуждо то, о чемъ «гремѣлъ» на съѣздѣ и г. Хомяковъ. Чуждо теперь и, быть можетъ, долго будетъ чуждо.

«Несомнѣнно», готовы повторить мы вслѣдъ за г. Прокоповичемъ:³⁾ «кооперативное движеніе нуждается въ измѣненіи условій, въ которыя оно у насъ поставлено. До тѣхъ же поръ нѣжное растеніе кооперации, взлелѣянное на цивилизованной почвѣ Западной Европы, будетъ болѣзненно и хило развиваться въ нашемъ дикомъ бору».

Однимъ изъ такихъ условій является, конечно, дальнѣйшее и энергичное развитіе народнаго образованія. Мы подчеркиваемъ однимъ во избѣжаніе всякихъ нареканій. Помимо народнаго образованія необходимо еще многое другое.

Мы не можемъ, конечно, забыть того, что «исторія всѣхъ изученныхъ отраслей кооперативнаго движенія подтверждаетъ великую роль личной инициативы»⁴⁾, а при данныхъ условіяхъ существованія нашей деревни едва ли можно рассчитывать на развитіе личной инициативы крестьянина, на развитіе вообще его личности. Прежде кореннымъ образомъ должна измѣниться система отеческаго попеченія.

Мы видѣли на примѣрѣ англійскихъ коопераций, какъ глубоко потребительныя и производительныя общества затрагиваютъ интересы экономически сильныхъ группъ современнаго общества, и какъ важна повтому мѣстная, хорошо развитая періодическая печать, которая освѣтила бы мѣстному населенію мѣстное положеніе вещей, и мы, конечно, не можемъ забыть жалкаго положенія нашей провинціальной прессы и т. д. Однимъ словомъ, повторяемъ, народное образованіе представляетъ лишь одно изъ условій развитія у насъ кооперативнаго движенія, — условіе неизбѣжное, но, быть можетъ, недействительное при отсутствіи другихъ условій, благопріятствующихъ росту и укрѣпленію коопераций.

II.

Какъ же и чѣмъ можетъ помочь народное образованіе кооперативному движенію? Прежде всего народъ нашъ не приученъ ни исторіей, ни организаціей своего труда дѣйствовать сообща.

«О всякихъ коллективныхъ оборонахъ противъ всевозможныхъ современныхъ золь, идущихъ на деревню, не могло быть и рѣчи», рассказываетъ Г. И. Успенскій⁵⁾.

«Захотѣли вы съ нашимъ народомъ! Нешто нашъ народъ присогласишь? Нешто онъ что понимаетъ?»

«Вотъ какіе были отвѣты Ивана Ермолаевича на мои разглагольствованія о «ихней пользѣ». Такой неустанный труженникъ не зналъ, куда, кому и зачѣмъ онъ платить, не имѣя никакого понятія о земствѣ, о выборѣ въ гласные и т. д. Твердо былъ увѣренъ, что все это до него ни капли не касается. О ссудосберегательномъ товариществѣ ровно ничего не понимая изъ всѣхъ моихъ разсужденій и только замѣтилъ: «Брать-то хорошо, а вотъ отдавать какъ!... Свяжешься... Богъ съ нимъ совсѣмъ!» А когда я указывалъ на кулака, который беретъ и отдаетъ, и выгоду имѣетъ, то Иванъ Ермолаевичъ говорилъ: «ну, песь съ нимъ... тамъ уже это ихній расчесть... А то свяжешься, не развяжешься»...

Эта неспособность нашего народа къ коллективной самооборонѣ противъ всякаго рода современныхъ золь слагается, по убѣжденію Г. И. Успенскаго, подъ давленіемъ, какъ психологическихъ, такъ и историческихъ фактовъ.

«Не отвѣчать за свои поступки, какъ лично, такъ и по отношенію къ сосѣду, къ ближнему, народную массу учить—и заставлятъ даже насильно—ея трудъ, весь подчиненный прихотямъ природы»—свидѣтельствуетъ онъ въ одномъ мѣстѣ⁶⁾.

«Работы одинаково требовали всѣ», пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ:⁷⁾—«и

³⁾ Кооперативное движеніе въ Россіи» стр. 243.

⁴⁾ А. Чупровъ «Роль личности и общества въ современномъ кооперативномъ движеніи», сборникъ «На славномъ Посту», стр. 374.

⁵⁾ «Общій взглядъ на крестьянскую жизнь» т. II, стр. 534.

⁶⁾ «Не случись» т. II, стр. 726.

⁷⁾ «Слѣды крѣпостнаго права» т. II стр. 141.

консерваторы, и либералы, и даже радикалы,—словомъ, всевозможные сорта людей, поселявшихся въ господскомъ домѣ. Кто бы тамъ ни жилъ, отъ деревни требовалось одно: «работа», заполнившая большую часть дня, года, всей жизни,—работа *не на себя*. Этотъ коренной принципъ барщины укрѣплялся въ народѣ всевозможными способами, и, въ концѣ концовъ, все это вмѣстѣ взятое выработало совершенно опредѣленный идеалъ для существа, носящаго названіе *мужика*. Идеалъ требовалъ, во-1-хъ, безпрекословнаго исполненія чужихъ требованій; во-2-хъ, требовалъ, чтобы у исполнителя было глубоко вкоренено убѣжденіе въ томъ, что все остальное, все его житишко со всѣми животинками составляютъ дѣло, не стоящее вниманія.

«Такъ какъ такой идеалъ тяготѣлъ надъ всѣмъ почти русскимъ крестьянскимъ людомъ, тяготѣлъ неумолимо сотни лѣтъ, то сообразно съ нимъ и выработался типъ крестьянина, населяющаго громадное большинство русскихъ деревень. Такой оставленный намъ барщиной въ наслѣдство крестьянинъ—во-первыхъ, неустанный работникъ: въ потѣ лица, изо дня въ день онъ бьется надъ работой; во-вторыхъ, аккуратная уплата податей—для него первая забота, передъ которой меркнуть всѣ личные заботы; въ-третьихъ, это человѣкъ, который отвыкъ разсуждать о чемъ бы то ни было; онъ только спрашиваетъ: «сколько требуется», «почемъ сойдеть съ души?» Раскладка всѣхъ этихъ душевыхъ рублей и копеекъ составляетъ почти единственный предметъ схода: «своихъ», деревенскихъ предметовъ для разговоровъ на сходкахъ нѣтъ—отучены. И, въ-четвертыхъ, наконецъ, онъ—неуспѣшный работникъ: работать, биться на работѣ—вотъ цѣль жизни, нить, связующая дни и годы въ цѣлую жизнь человѣческую».

Этими-то двумя причинами и опредѣляется главное горе деревни, заключающееся въ томъ, что крестьянская дума остается одинокой: «общественная мысль⁸⁾ хлопочетъ о податяхъ, о расходахъ на земство, на волость, на множество разновидностей всевозможныхъ сборовъ, или разрабатываетъ кабачный ритуалъ, и вотъ почему драма деревенской избы, тягота крѣпкой думы подъ соломенной крышей не выбралась изъ-подъ крыши на сходку».

А въ этомъ отношеніи помочь можетъ и школа, если въ ней будетъ обращено серьезное вниманіе на эту весьма важную сторону современной русской жизни.

«Устраняя каторжную сторону труда», говорить нашъ писатель⁹⁾: «школа, выпускающая своихъ питомцевъ прямо на землю и на трудъ, безъ сомнѣнія, должна давать и общее образованіе, при чемъ въ основаніе его «община», «артель», «товарищество» должно быть положено, какъ самое существенное *дѣло науки*. Надо учить *общиннымъ идеямъ*, нужно доказать ту глубину правды, которая въ этихъ идеяхъ заключается»...

И дѣло это должно быть поставлено въ школѣ смѣло и широко. «Какъ! воскликнетъ читатель, замѣчаетъ Г. И.¹⁰⁾ «вы хотите, чтобы въ школѣ разговаривали о трудѣ и капиталѣ, хотите, чтобы, такъ называемые, проклятые общественные вопросы были поставлены въ школьномъ ученѣи на должную высоту, чтобы всѣ деревенскіе мальчишки разсуждали о пролетаріатѣ и т. д.» А почему же нѣтъ? Что это за запрещенный плодъ? Почему эти жгучіе вопросы не могутъ быть поставлены прямо, широко, сдѣлаться достояніемъ общественной мысли? На чемъ основано невозможно жестокое гоненіе всякой малѣйшей попытки показать народу рядъ огромныхъ общественныхъ задачъ, которыя къ тому же рѣшать такъ или иначе будетъ этотъ же самый народъ? Отчего же «жгучіе вопросы» должны быть недоступны этому крестьянскому юношѣ, который по выходѣ изъ школы будетъ и семейнинъ, и общественный дѣятель, гласный, судья, присяжный, или нищій, воръ, грабитель, убійца и т. д.?»

⁸⁾ «Крѣпкая дума» т. II, стр. 148.

⁹⁾ «Мирошникъ» т. II, стр. 1096.

¹⁰⁾ «Школа и строгость» т. II, 651 стр.

III.

Но какъ далеко современная постановка школьнаго дѣла отъ этихъ требованій учить народъ идеямъ коопераціи! Мы, по крайней мѣрѣ, рѣшительно утверждаемъ, что въ этомъ отношеніи въ школѣ почти ничего не дѣлается. Ни въ учебникахъ, ни въ книгахъ для чтенія, ни въ аудиторіяхъ и бібліотекахъ, «упрощенныхъ» для народа, нигдѣ не ведется сколько-нибудь систематичной пропаганды кооперативныхъ идей.

Да это и неудивительно: съ теоріей и практикой коопераціи мало знакома и наша интеллигенція. Много ли есть, напр., народныхъ учителей, которые бы разбирались хоть сколько-нибудь въ кооперативномъ движеніи? Да и гдѣ имъ было научиться? Ни учительскія семинаріи и институты, ни средняя школа не интересуются этими вопросами, не наталкиваютъ своихъ питомцевъ на этотъ кругъ идей и образовъ. Много ли есть земцевъ, которые хоть сколько-нибудь знакомы съ исторіей кооперативнаго движенія въ Россіи?

Такимъ положеніемъ вещей сознательно пользуются завѣдомо темныя общественныя силы, чтобы внести сюда еще больше всякой смуты и недоразумѣній.

«Нуженъ ли организованный кредит (который, добавимъ отъ себя, нерѣдко является въ видѣ тѣхъ или другихъ кооперативныхъ учреждений) для сельскаго населенія? задаетъ вопросъ г. Н. Кисляковъ: ¹¹⁾ «Какъ ни странно звучить этотъ вопросъ въ нашъ вѣкъ денежнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе мы сочли необходимымъ остановиться прежде всего именно на немъ, въ виду того *разногласія* (курсивъ нашъ), которое обыкновенно вызываютъ въ средѣ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей практическіе вопросы мелкаго народнаго кредита... «Кредитныя учрежденія—петля для крестьянина, поводъ къ разоренію!»—восклицаютъ противники кредита... Приходилось намъ слышать и такіе отзывы «мѣстныхъ практиковъ», что нашъ мужичокъ обходится обыкновенно своими средствами, а если иногда и вздумаетъ одолжиться, то въ этомъ всегда находитъ поддержку «добрыхъ сосѣдей».

Таково фактическое положеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ коопераціи въ средѣ нашихъ «мѣстныхъ практиковъ», «нашей интеллигенціи». Этимъ и объясняется въ достаточной мѣрѣ, почему школа не служитъ проводницей кооперативныхъ идей въ народъ. Надо позаботиться, чтобы сама интеллигенція въ достаточной мѣрѣ инфицировалась этими идеями.

IV.

Но народное образованіе оказываетъ или, вѣрнѣе сказать, можетъ оказывать услуги кооперативному движенію не только тѣмъ, что оно проводитъ въ народныя массы кооперативныя идеи,—оно даетъ для него еще развитыхъ работниковъ, умѣющихъ разобратся въ технику и теоріи кооперативнаго движенія.

Въ этомъ отношеніи соответствующими показаніями, какъ говорится, хоть прудъ пруди.

«Большимъ тормазомъ для развитія артельнаго дѣла», читаемъ мы у г. Прокоповича ¹²⁾, «былъ недостатокъ образованныхъ лицъ въ деревнѣ, затруднявшій правильную товарищескую постановку предпріятія, счетоводство, контроль и пр. По словамъ комиссіи, изслѣдовавшей артельное сыровареніе въ Тверской губ., инициатива интеллигенціи «будетъ необходима до тѣхъ поръ, пока масса крестьянскаго населенія не будетъ настолько просвѣщена и богата знаніями, чтобы не пугаться нововведеній»...

«Мы видимъ изъ сдѣланнаго обзора промысловыхъ товариществъ», читаемъ мы дальше ¹³⁾. «что успѣху ихъ мѣшали слѣдующія причины. Во-первыхъ, безгра-

¹¹⁾ «Вѣстникъ Псковскаго Губернскаго Земства». 1903. № 5 «Вопросы мелкаго народнаго кредита».

¹²⁾ «Кооперативное движеніе въ Россіи», стр. 71.

¹³⁾ Ibidem, стр. 87.

¹⁴⁾ Ibidem, стр. 113.

мость народа. Въ сыроваренныхъ артеляхъ Верещагина недостатокъ грамотныхъ людей, могущихъ вести отчетность артели и контролировать дѣйствія старостъ, былъ одной изъ крупныхъ причинъ неуспѣха артельного дѣла. Своею инициативой и непрерывной помощью интеллигенція можетъ въ *отдѣльных частныхъ случаяхъ* (курсивъ нашъ) возмѣстить недостатокъ общаго образованія среди крестьянъ и кустарей...

«Но когда экономическія условія существованія воспитали человѣка въ кругу опредѣленныхъ экономическихъ отношеній и идей, тогда образованіе даетъ ему возможность защищать свои интересы на почвѣ этихъ идей и отношеній», продолжаетъ нашъ авторъ ¹⁴⁾ по поводу ссудосберегательныхъ товариществъ. «Образованіе даетъ человѣку орудія самозащиты, средства улучшенія своего положенія на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній. Безъ образованія невозможна широкая социаль-политическая дѣятельность, невозможны даже ссудосберегательныя товарищества»...

То же самое повторяетъ онъ и по отношенію къ потребительнымъ обществамъ. «Проникновенію потребительныхъ обществъ въ народную среду мѣшаетъ главнымъ образомъ безграмотность, неразвитость народной массы», говоритъ г. Прокоповичъ ¹⁵⁾. «Константировалъ фактъ недостаточнаго развитія у насъ потребительныхъ обществъ, проф. Озеровъ указываетъ, какъ на причину, на недостатокъ умственного развитія. «Причинъ этому много, а главная изъ нихъ—низкій уровень развитія нашей массы крестьянъ и нашихъ рабочихъ, почти полная безграмотность ихъ. Сами крестьяне и рабочіе своими собственными силами лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ могутъ учредить потребительное общество. Обыкновенно же у нихъ недостаетъ для этого ни почина, ни умѣнья вести дѣло, а потому и возникаютъ у насъ потребительныя товарищества при фабрикахъ и заводахъ въ большинствѣ случаевъ по почину или самаго владѣльца, или же служащихъ; въ деревняхъ же этотъ починъ часто беретъ на себя или школьный учитель, или врачъ, или какое-нибудь другое образованное лицо. Отъ этого и самое движеніе носить у насъ какъ будто нѣсколько благотворительный характеръ»,—только благотворителями (добавляетъ г. Прокоповичъ) являются не богатые люди, а интеллигенты, и народъ получаетъ не денежное подаваніе, а умственную помощь. Эта помощь интеллигенціи народу, какъ небо отъ земли, далека отъ филантропіи богатыхъ людей»...

Однимъ словомъ, куда ни кинь, все клинь. Къ какому типу коопераціи ни обращается авторъ, онъ всюду неизмѣнно долженъ дѣлать одинъ и тотъ же припѣвъ: образованія, образованія больше, безъ него нѣтъ никакой надежды на успѣхъ.

V.

Нечего и говорить, что вопросъ здѣсь идетъ не объ одной только элементарной грамотности,—хотя это слово и фигурируетъ довольно часто въ вышеприведенныхъ цитатахъ,—но объ образованіи, поднимающемъ человѣка на болѣе или менѣе высокую ступень развитія, дающемъ ему возможность разобраться въ довольно сложныхъ общественныхъ явленіяхъ. Такимъ образомъ, если мы хотимъ успѣха коопераціи, мы должны позаботиться о повышеніи типа народной школы. Нижеслѣдующій случай, взятый изъ «самой гущи» нашей народной жизни, можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ только что выставленному положенію. Вотъ что пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» изъ Углицкаго уѣзда Подольской губерніи. «Въ началѣ текущаго года одинъ изъ землевладѣльцевъ уѣзда, бывшій мировой посредникъ г. Щ., подаль крестьянамъ своего селенія мысль образовать кредитное товарищество на основаніи существующаго закона о такихъ товариществахъ съ исходатайствованіемъ для основнаго капитала ссуды изъ Государственнаго банка.

Для ознакомленія съ новымъ дѣломъ г. Щ. роздалъ крестьянамъ нѣсколько экземпляровъ печатныхъ уставовъ кредитныхъ товариществъ, полученныхъ имъ изъ

¹⁵⁾ Ibidem, стр. 163.

мѣстнаго отдѣленія Государственнаго банка. Это незначительное событіе въ связи съ распространеніемъ въ народѣ печатныхъ уставовъ кредитныхъ товариществъ, въ которыхъ говорится о ссудахъ товариществамъ изъ Государственнаго банка, послужило началомъ своеобразнаго движенія. Среди крестьянъ распространился слухъ, что открытъ скрывавшійся до сего времени законъ, по которому всякое сельское общество, организовавшись въ кредитное товарищество, получаетъ отъ казны денежное вспоможеніе на веденіе хозяйства. Въ нѣкоторыхъ селахъ стали циркулировать еще болѣе фантастическіе рассказы. Отношеніе крестьянскихъ властей къ новому движенію выразилось пока только въ томъ, что мировые посредники воспретили волостнымъ правленіямъ свидѣтельствовать подписи крестьянъ на уставахъ и прошеніяхъ о разрѣшеніи товариществъ, вслѣдствіе чего крестьяне стали свидѣтельствовать эти документы у нотариуса, что сопряжено съ расходами и лишней затратой времени. Подъ влияніемъ этого легенда о скрытіи закона приобрѣла въ умахъ сельского населенія значеніе факта... Въ настоящее время никакія убѣжденія приостановить образованіе новыхъ товариществъ до разрѣшенія возбужденныхъ уже ходатайствъ не достигаютъ цѣли, и крестьяне составляютъ все новыя и новыя товарищества съ ходатайствами о ссудахъ изъ Государственнаго банка».

Такъ уродуются часто, кажется, самыя незатѣйливыя идеи въ нашей темной народной средѣ.

VI.

Таково отношеніе народнаго образованія къ кооперативному движенію. И всякій успѣхъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія будетъ приближать насъ къ тому времени, когда идея коопераціи глубоко проникнетъ въ народные массы. А давно пора...

«На мой взглядъ», писалъ еще Г. И. Успенскій ¹⁶⁾: «жизнь современнаго крестьянина на каждомъ шагѣ, кажется, вошлетъ о томъ, что только дружество сотоварищество, взаимное сознаніе пользы общиннаго, коллективнаго труда на общую пользу—суть единственная надежда крестьянскаго міра на болѣе или менѣе лучшее будущее, единственная возможность «сократить» тѣ невѣроятные размѣры труда, поглощающаго *всю* крестьянскую жизнь, не оставляя досуга, который теперь лежить на крестьянинѣ такимъ тяжелымъ и, какъ мнѣ казалось (и кажется), безплоднымъ бременемъ».

Съ тѣхъ поръ обстоятельства еще сильнѣе говорятъ въ пользу самаго широкаго кооперативнаго движенія. Наша деревня нищаетъ и разоряется съ каждымъ годомъ все больше и больше. Экономическія условія жизни страны складываются крайне неблагопріятно по отношенію къ мелкимъ землевладѣльцамъ, которые у насъ, на Руси, составляютъ до $\frac{2}{3}$ всѣхъ землевладѣльцевъ. Единственнымъ выходомъ изъ этого ужаснаго положенія, какъ показываетъ опытъ западноевропейскихъ государствъ,—это развитіе коопераціи...

«Казалось, мелкому земледѣлію», пишетъ проф. Чупровъ: ¹⁷⁾ «предстоитъ та же судьба, какъ мелкимъ промысламъ, напр., ручному ткачеству послѣ великихъ изобрѣтеній прошлаго вѣка, именно—исчезнуть и уступить мѣсто крупнымъ хозяйствамъ. На эту мысль естественно наводила аналогія переворота, происшедшаго въ обрабатывающей промышленности, равно какъ фактъ усвоенія приѣмовъ усовершенствованнаго земледѣлія именно крупными владѣніями... Симпатіи образованныхъ классовъ и даже политика государствъ отвернулись отъ мелкаго земледѣлія въ томъ убѣжденіи, что эта обреченная на вымираніе форма не заслуживаетъ поддержки и въ самомъ лучшемъ случаѣ должна быть оставлена спокойно доживать свой вѣкъ. Болѣе пылкіе люди думали даже, что государству слѣдуетъ ускорить своими мѣрами разложеніе прежнихъ формъ и тѣмъ облегчить зарожденіе новыхъ. Однако опытъ

¹⁶⁾ Т. II, стр. 529 «Общій взглядъ на крестьянскую жизнь».

¹⁷⁾ «На славномъ посту». «Роль личности», стр. 373.

послѣдняго времени показаль, что есть еще другое рѣшеніе задачи. Мелкіе земледѣльцы нашли средство воспользоваться выгодами усовершенствованной техники безъ переходовъ въ батраки къ крупнымъ помѣщикамъ. Этимъ средствомъ явилась кооперація. Кооперативное движеніе въ земледѣліи, начавшееся въ серьезныхъ размѣрахъ не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, охватило теперь собою главныя страны Европы и уже успѣло обезпечить мелкому хозяину, при сохраненіи его самостоятельности, всѣ главныя преимущества крупнаго производства».

Нѣкоторые авторы идутъ еще дальше, утверждая, что, при правильно поставленныхъ и многочисленныхъ коопераціяхъ, мелкое хозяйство оказывается болѣе доходнымъ, чѣмъ крупное, и обладаетъ поэтому и большей устойчивостью. Вотъ что, напр., мы читаемъ въ докладѣ В. М. Сазонова на сѣздѣ дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству¹⁸⁾.

«Эти данныя (заимствованныя у Гертца) говорятъ за то, что страны съ мелкимъ хозяйствомъ по преимуществу даютъ большую урожайность, т. е. большой доходъ... Чистый доходъ крупныхъ хозяйствъ Германіи 2—3% на затраченный капиталъ. Чистый доходъ мелкихъ—8%. Чтобы понять причину подобнаго успѣха странъ съ преобладающимъ мелкимъ хозяйствомъ, нужно замѣтить, что мелкое хозяйство въ Европѣ также воспользовалось прогрессомъ въ области агрикультуры, какъ и крупныя... Почему же мелкое хозяйство на Западѣ могло воспользоваться услугами науки и техники, а у насъ этого почти не замѣчается? Причина этого заключается главнымъ образомъ въ широкомъ развитіи всевозможныхъ товариществъ— для закупки орудій, сырыхъ продуктовъ, складочныхъ, производительныхъ, кредитныхъ и пр. Въ Германіи въ 97 г. зарегистрировано 15.000 товариществъ, въ которыхъ 72% приходится на деревню 5.537 сельскохозяйственныхъ сберегательныхъ кассъ насчитывали въ 96 г. 445.153 члена, съ активомъ въ 396 мил. марокъ и валовымъ оборотомъ въ 679,4 мил. Каждый годъ возникаетъ около 1.500 сельскохозяйственныхъ товариществъ. Германское общество сельскихъ хозяевъ для закупокъ насчитываетъ 1.050.000 членовъ—сельскихъ хозяевъ. Почти въ такихъ же размѣрахъ развилась кооперація и въ другихъ странахъ Европы. Въ Даніи огромное число молодыхъ товариществъ. Гертцъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, говоритъ, что дѣло товариществъ служить лучше всего болѣе мелкимъ и самымъ мелкимъ владѣльцамъ; качество товаровъ при этомъ улучшается, размѣры оборотовъ увеличиваются, благосостояніе членовъ вырастаетъ».

Таково значеніе кооперативнаго движенія, и съ этой точки зрѣнія всякій лишній рубль, затраченный на народное образованіе, особенно на такую его постановку, при которой имѣлись бы въ виду спеціальныя задачи коопераціи, принесетъ государству хорошій процентъ.

VII.

Но если народное образованіе оказываетъ благотворное вліяніе на развитіе кооперативнаго движенія, то и обратно—хорошо поставленныя коопераціи никогда не забываютъ интересовъ народнаго образованія. Такъ, напр., англійскія рабочія коопераціи удѣляютъ дѣлу народнаго образованія огромныя средства. У насъ это, конечно, только въ зачаткѣ.

«Согласно нормальному уставу 1897 г.», читаемъ мы у г. Прокоповича¹⁹⁾ «часть прибыли потребительныхъ товариществъ можетъ быть затрачиваема на «учрежденія, имѣющія цѣлю различными средствами и способами улучшить матеріальныя и нравственныя условія жизни членовъ общества». Но затраты на эти цѣли дѣлались потребителными обществами и до 1897 г. На народное образованіе,—школы, бібліотеки, читальни, народныя чтенія,—ассигнуютъ часть своего дивиденда всего 38 товариществъ»...

¹⁸⁾ См. «Труды», докладъ № 65.

¹⁹⁾ Л. с., стр. 212.

Но развитіе кооперативнаго духа, сознание солидарности среди массъ оказы-
ваетъ или можетъ оказывать еще болѣе глубокое влияние на дѣло народнаго образо-
ваніе. Вотъ что, напр., пишетъ проф. Озеровъ²⁰⁾.

«Да, въ настоящее время мы присутствуемъ при созданиіи мірового хозяйства, солидарность всѣхъ странъ расширяется и углубляется постоянно... Отдѣльные народы становятся заинтересованными въ хозяйственномъ преуспѣяніи другихъ, и, быть можетъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ этой солидарности мы будемъ присутство-
вать при новомъ явленіи—вмѣстительствѣ европейскихъ государствъ или Соединен-
ныхъ Штатовъ во внутреннія дѣла тѣхъ менѣе культурныхъ государствъ, которыя въ своемъ внутреннемъ устройствѣ представляютъ извѣстные барьеры для широкаго
промышленнаго развитія, тормозящіе развитіе народнаго образованія, развитіе
навыковъ къ общественной жизни, или общественной инициативѣ и самодѣятель-
ности... Европа награждаетъ Соединенные Штаты, читаемъ мы въ отчетахъ амери-
канской промышленной комиссіи, огромнымъ контингентомъ неграмотныхъ... При-
токъ населенія съ низкимъ уровнемъ жизни оказываетъ въ настоящее время дурное
влияніе на американскій трудъ, понижая заработную плату, и представляетъ, кромѣ
того, крупную социальную опасность; и требованіе отъ иммигрантовъ извѣстнаго
образовательнаго ценза является въ глазахъ нѣкоторыхъ американцевъ очень
желательнымъ, чтобы обеззаразить, такъ сказать, себя отъ этой тьмы, идущей изъ
Европы... Въ сессію прошлаго года былъ проведенъ билль, запрещающій въѣздъ въ
Соединенные Штаты неграмотнымъ. Всякій иммигрантъ долженъ уметь читать на
какомъ-нибудь языкѣ... Но билль долженъ еще пройти черезъ сенатъ, чтобы
сдѣлаться закономъ. Такимъ образомъ возможно, что скоро неграмотнымъ иммигран-
тамъ будетъ закрытъ доступъ въ Соединенные Штаты».

Правда, что развитіе общечеловѣческой солидарности оказываетъ давленіе въ
опредѣленной, хотя и очень элементарной формѣ, пока-что только въ Соединенныхъ
Штатахъ. Но нѣтъ никакихъ оснований полагать, что подобныя требованія въ болѣе
или менѣе измѣненномъ видѣ не окажутся необходимыми въ тѣхъ или другихъ
государствахъ Европы и что эти требованія затѣмъ не будутъ повышены.

Итакъ, мы видимъ, вопросы коопераціи и вообще общечеловѣческой сол-
дарности съ вопросами народнаго образованія находятся дѣйствительно въ очень
тѣсной связи.

А. Николаевъ.

Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.

«Искорки» Н. А. Рубакинъ. Очерки и наброски публициста. Ц. 1 руб. Спб.
1901 г. Изд. Ф. А. Дубровина.

Г. Рубакинъ хорошо сдѣлалъ, поставивъ на обложкѣ подзаголовкомъ: «очерки
и наброски публициста» (курс. нашъ). Этимъ онъ снялъ со своего въ общемъ пре-
краснаго сборника излишнія нареканія. Дѣло въ томъ, что всѣ семь очерковъ дан-
наго сборника («Два колеса», «Бомба профессора Штурмвелля», «Воскресеніе
мертвыхъ», «Митрошкино жертвоприношеніе», «Взыскующіе града», «Лицомъ къ
лицу», «Искорки») написаны въ беллетристической формѣ. Но художникъ—г. Руба-
кинъ слабый. Описанія у него фотографичны, а сцены часто протокольны или явно
выдуманы. Но за то, какъ публицистъ, онъ очень интересенъ,—особенно тамъ, гдѣ
говоритъ о новомъ нарождающемся типѣ народной интеллигенціи. Здѣсь наблюденія
его оригинальны и вносятъ столько радости, бодрости, желанія работать, увѣрен-

²⁰⁾ «Развитіе общечеловѣческой солидарности» «Р. М.», 1902 г., № 11.

ности, что весь культурный труд нашей интеллигенции не пропадет и не пропасть даромъ, несмотря на то, что современные общественныя условія русской жизни не даютъ возможности, какъ слѣдуетъ, использовать всю эту культурную работу и оставляютъ значительную его долю затраченной непроизводительно.

Нарожденіе этого рода народной интеллигенціи авторъ разсматриваетъ, какъ явленіе стихійное, которое культурная работа можетъ лишь нѣсколько усилить, облегчить, сдѣлать болѣе производительнымъ. «Въ исторической жизни народа», говоритъ онъ (стр. 176): «какъ извѣстно, бывають такіе моменты, когда самый ходъ вещей волей-неволей толкаетъ къ участію въ этой жизни не только грамотныхъ, но и неграмотныхъ. Есть такіе вопросы, которые носятъ въ воздухѣ и требуютъ своего разрѣшенія отъ всѣхъ и каждаго. Многія, очень многія головы долгое время работаютъ, безсознательно рѣшая ихъ... «И въ этомъ движеніи (аллегорическомъ движеніи искорокъ) было что-то величественно роковое, что-то стихійно непобѣдимое,—непобѣдимое по своей непреодолимой логикѣ, неизбежное, какъ естественный ходъ вещей» (стр. 283). Нашъ авторъ даже сердится, когда иные удивляются появленію этого идейнаго потока въ народной средѣ. «Встрѣчаясь съ идейнымъ типомъ въ средѣ крестьянъ и фабричныхъ», говоритъ онъ (стр. 198): «обыкновенно ахаютъ и удивляются. Это выходитъ только смѣшно и оскорбительно: было бы гораздо болѣе странно и невѣроятно, если бы *такихъ* людей *не было вовсе* (курсъ автора). Скажутъ: есть времена, когда такое-то растеніе процвѣтаетъ, но есть такія времена, когда оно гибнетъ. Безспорно, слова эти справедливы въ мірѣ растеній, но не въ мірѣ идей. Нѣтъ и не было въ исторіи такихъ временъ, когда бы гило массовое пониманіе, отзывчивость и альтруистическія стремленія народа, когда народная масса не выдвигала бы изъ своей среды не только идейныхъ мыслителей, но и идейныхъ работниковъ, желающихъ положить душу свою за други свои».

И вотъ онъ ищетъ въ окружающей жизни подтвержденія этимъ своимъ излюбленнымъ положеніямъ и находитъ. Таковъ его Митрошка, стоявшій уже на хорошей линіи приказчика одного изъ видныхъ хлѣботорговцевъ и принесшій въ жертву голодающей деревнѣ не только свою карьеру, но почти и жизнь. («Митрошкино жертвоприношеніе»). Таковы два спутника автора, слесари, которые, «очевидно, клали и душу, и свои скудные средства на то, чтобы распространять знаніе и свѣтъ въ толпѣ своихъ сотоварищей по труду», и машинистъ Иванъ Кузьмичъ, случайный встрѣчный на степной дорогѣ, и Якимъ, посланный по этапу въ далекую деревеньку и расшевелившій тамъ и старыхъ, и малыхъ.

Вообще изъ очерковъ г. Рубакина невольно будетъ черпать доброе настроеніе всякій, кому приходится сталкиваться съ народомъ въ области культурныхъ начинаній.

Но не таковы типы выдвигаемой имъ интеллигенціи, особенно служилой интеллигенціи изъ бюрократическихъ сферъ.

Вотъ передъ вами Жакъ Маландри, директоръ образцовой тюрьмы, который ломаетъ, мучитъ и губитъ десятки людей для того, чтобы втиснуть въ свои схемы живую жизнь, и если факты никакъ не хотятъ подчиниться этимъ схемамъ, то тѣмъ хуже для фактовъ. Вотъ проф. Штурмвельтъ, который ради военныхъ успѣховъ предлагаетъ такія гнусныя мѣры истребленія, что запугиваетъ даже специалиста этого дѣла—военнаго министра. Далѣе идетъ цѣлая галлерея чиновниковъ, получившихъ высшее образованіе и устроившихся на теплыхъ мѣстечкахъ вдали отъ живого дѣла. Болото вдругъ всколыхнулось, благодаря министерскому предписанію произвести всѣмъ чиновникамъ повѣрочныя испытанія изъ курсовъ, пройденныхъ ими въ соответственныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Искры вспыхиваютъ въ этихъ холодныхъ и уравновѣшенныхъ мозгахъ воспоминанія о молодомъ идеализмѣ и быстро тухнуть въ затхлой атмосферѣ бюрократическаго обывательства. Такъ же пуста и холодна и Вѣра Сергѣевна („Лицомъ къ лицу“), благотѣльница и просвѣтительница рабочихъ массъ, тщательно фильтрующая идеи и книги, попадающія въ

рабочую среду, и не понимающая, что эта среда далеко обогнала ее, Вѣру Сергѣевну, получившую и высшее образованіе и выдавшую всякія границы.

Вообще «Искорки» г. Рубакина заслуживаютъ большаго вниманія со стороны мыслящей части нашего общества.

Анкинъ.

Священникъ Г. С. Петровъ. *Княжны - Подвижницы*. Дешевыя изданія Т-ва П. Д. Сытина. Ц. 3 к. М. 1903 г.

Его-же *Дары Артабана*. Изд. то-же. Ц. 3 к. М. 1903 г.

Какъ много у насъ всякаго рода «религіозно-нравственныхъ» книгъ и брошюръ, и какъ мало такихъ, на которыхъ можно остановиться съ чувствомъ удовлетворенности! Брошюры Г. С. Петрова въ этомъ отношеніи представляютъ рѣдкое и пріятное исключеніе.

Въ своемъ разсказѣ авторъ стремится на первый планъ выдвинуть внутренній смыслъ религіи; въ братской любви между людьми, въ полномъ подчиненіи обрядовой стороны идеѣ солидарности и взаимопомощи онъ видитъ заслугу своихъ героевъ.

Первая брошюрка взяла свою тему изъ удѣльно-вѣчевого періода, вторая разсказываетъ о волхвѣ Артабанѣ, несшемъ Христу въ даръ три драгоценныхъ камня и растратившемъ ихъ на дѣла благотворенія.

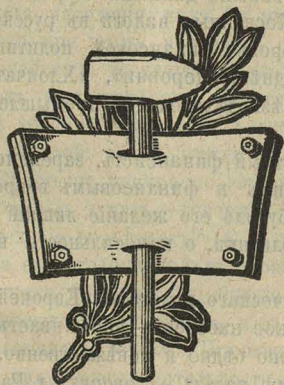
Обѣ брошюры написаны прекраснымъ и простымъ языкомъ и доступны даже самому неподготовленному читателю. Тема искусно драматизирована.

А. А. Н.

В. А. Гольцевъ. *Что такое казна и казенныя деньги?* Дешевыя изданія Т-ва П. Д. Сытина. М. 1903 г. Ц. 3 к. 35 стр.

Краткое, ясное изложеніе основъ финансоваго права. Имя автора ручается за доброкачественность и научность свѣдѣній. Таки книжечки слѣдуетъ распространять въ народѣ ежегодно многими тысячами. Кромѣ того, брошюрка можетъ помочь разобратъса малоподготовленному читателю въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, затрогиваемыхъ ежедневной прессой, а это тоже услуга немалая.

А. А. Н.

БИБЛЮГРАФІЯ.

О книгѣ А. А. Радцига и о причинахъ оскуднѣнія деревни *).

Небольшая книга г. Радцига (193 стр.) представляетъ собой сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Статьи эти были раньше въ печати. Болѣе половины ихъ было помѣщено въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за послѣдніе три года—это коротенькія статейки по финансовымъ вопросамъ въ 5—6 страницъ; другія статьи печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: «Народное Хозяйство», «Вѣстникъ Знанія». «Вѣстникъ Промышленности» и др. Написаны онѣ яснымъ живымъ языкомъ; несмотря на обиліе цифръ, читаются легко и съ интересомъ. Для большинства читающей публики разсматриваемая книга освѣтитъ много сторонъ финансовой и экономической жизни Россіи. Читатель найдетъ здѣсь обстоятельную статью «О нашемъ денежномъ обращеніи», написанную въ защиту денежной реформы, много цѣнныхъ данныхъ о роли косвенныхъ налоговъ, о значеніи ихъ для населенія («Косвенные налоги въ русскомъ бюджетѣ»); авторъ прекрасно рисуетъ темныя стороны финансовой политики въ статьяхъ «О сахарной промышленности», «Объ обдѣлѣ деревни», «Хлопчатобумажная промышленность въ Россіи», «Положеніе желѣзнодорожной промышленности Россіи въ послѣднее время» и въ другихъ.

А. А. Радцигъ—извѣстный финансистъ, зарекомендовавшій себя дѣльнымъ рядомъ статей по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ. Выпустить въ свѣтъ разсматриваемое изданіе побудило его желаніе лишній разъ напомнить объ ошибочности нашей финансовой политики, о непосильности нашихъ налоговъ для сельскаго населенія.

Исслѣдованія экономическаго положенія Европейской Россіи констатируютъ тотъ фактъ, что наше сѣльское населеніе переживаетъ тяжелое время, что благосостояніе его падаетъ, что оно бѣдно и невѣжественно.

«Если десять лѣтъ тому назадъ,—говоритъ г. Радцигъ,—вопросъ о постепенномъ обдѣлѣ сѣльскаго населенія могъ еще считаться спорнымъ, то въ настоящее время въ виду часто повторяющихся голодовокъ, въ виду сокращенія числа скота у населенія и увеличивающагося числа безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ, а также въ виду возрастающей задолженности крупнаго землевладѣнія и увеличенія недоимокъ за крестьянами, ухудшеніе благосостоянія сѣльскаго населенія дѣлается очевиднымъ для многихъ» (127 стр.).

Въ доказательство своихъ сужденій объ обдѣлѣ деревни, г. Радцигъ приво-

*) А. А. Радцигъ, «Финансовая политика Россіи съ 1887 г.», СПБ. 1903 г., цѣна 2 руб.

дѣтъ данныя о численности скота въ 60 губерн. Европейской Россіи въ 1888 и въ 1899 гг., совершенно справедливо подчеркивая положеніе, что сокращеніе количества скота есть существенный признакъ оскуднѣнія деревни.

Вотъ эти данныя:

	1888 годъ.		1899 годъ.	
	Всего тысячъ головъ.	На тысячу жителей.	Всего тысячъ головъ.	На тысячу жителей.
Лошадей	20,888	223	18,394	177
Крупнаго рогатаго скота .	27,923	297	27,667	267
Овецъ	48,220	515	41,367	399
Свиней	10,742	115	10,675	103

Группировка данныхъ о скотѣ по 50 губер. Европейской Россіи съ 1870 г. по 1890 г. показываетъ, что численность скота по отношенію къ землѣ, приросту населенія и хозяйствамъ постепенно уменьшается, вслѣдствіе чего уменьшается и средства населенія при эксплуатаціи земли. Приводимая ниже таблица ¹⁾ съ поразительной ясностью показываетъ, какъ сокращалось количество скота за каждое десятилѣтіе:

Причитается головъ скота по 50 губер. Европейской Россіи.

Годы.	В С Е Г О.			Однѣхъ рабочихъ лошадей.		
	Населенія обоюго пола.	Рабочаго муже- скаго пола.	На тысячу дворовъ.	Населенія обоюго пола.	Рабочаго муже- скаго пола.	На тысячу дворовъ.
1870	1,456	6,344	9,329	207	904	1,329
1880	1,238	5,416	8,345	190	828	1,220
1890	1,135	4,948	7,294	183	800	1,180
1900	1,026	4,426	6,474	144	629	920

Цифры эти, какъ намъ кажется, должны смутить даже самаго яраго оптимиста и показать ему, что совершается что-то неладное въ народномъ хозяйствѣ: такая прогрессирующая убыль скота уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ говорить о ростѣ благосостоянія сельскаго населенія, какъ бы мы ни толковали эти внушительныя цифры. Нужно замѣтить при этомъ, что нашъ скотъ, особенно въ сравненіи со скотомъ западно-европейскихъ государствъ, плохого качества: лошади малорослы, рогатый скотъ мелокъ и легковѣсенъ. Качество рогатаго скота ухудшилось не только отъ недостатка хорошихъ кормовъ, а также вслѣдствіи преждевременнаго пользованія рабочей конной силой, нужда заставляла надѣвать рабочій хомутъ и на трехлѣтокъ. «Крестьяне прекрасно сознаютъ необходимость лучше кормить свой скотъ, но возможно-ль думать,—говоритъ Радцигъ,—о достаточномъ питаніи скота, когда само населеніе недоѣдаетъ?» (128 стр.).

Вмѣстѣ съ убылью скота естественно падала производительность земли, особенно въ мѣстностяхъ, требующихъ хорошаго удобрения. Въ большинствѣ губерній Европейской Россіи земля и прежде «не радовала», а въ послѣднее десятилѣтіе недороды становятся довольно частымъ явленіемъ. Производительность земли послѣдняго десятилѣтія въ среднемъ ниже производительности 70-хъ годовъ. Превышеніе собираемыхъ на душу продовольственныхъ продуктовъ средней нормы въ 20 пуд. наблюдается только въ трехъ районахъ: Новороссійскомъ, гдѣ на душу приходится 37,8 пудовъ, или на 17,8 пуд. и 89% болѣе нормы, Восточномъ—25,3 пуд., т. е. на 5,3 пуд. и 26,5% болѣе и Юго-Восточномъ—24,5 пуд. или на 4,5 пуд. и 22,5% болѣе. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ количество собираемаго на душу хлѣба, наоборотъ, ниже нормы въ 20 пудовъ и районы располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

¹⁾ Цифры эти, какъ и другія приводимыя мною данныя, взяты изъ officialнаго «Статистическаго Сборника».

Р А Й О Н Ы.

Менѣе нормы
въ 20 п. на:

Юго-Восточ. гр. Средней-землед.	2,3
Сѣверо-Восточный	4,1
Средне-приволжскій	4,2
Прибалтійскій	4,5
Юго-Западный	6,5
Малороссійскій	6,5
Сѣверо-Западный	7,6
Сѣверо-Запад. гр. Средне-земл.	8,0
Средне-промышленный	9,2
Сѣверный	10,3

Въ земледѣльческихъ губерніяхъ преобладаютъ крайности: высокіе урожаи смѣняются низкими, почти съ закономѣрной правильностью, при рѣдкихъ среднихъ урожаяхъ. Въ неземледѣльческихъ губерніяхъ урожайность ровнѣе.

Средній сборъ овса въ 50 губ. составляютъ 311.628,000 п., количество же лошадей въ нихъ равняется—13.224,300.

Слѣдовательно, въ среднемъ на каждую лошадь приходится въ годъ 23,6 п. или менѣе годовой нормы на 1 лошадь, принимая такую въ 40 пудовъ, на 16,4 п. или 41%. Оказывается, что и лошадь сильно недоѣдаетъ, какъ и ея хозяинъ, такъ что совершенно былъ правъ Н. А. Некрасовъ, говоря, что:

«Въ крови у русской клячи есть,

Привычка золотая:

Работать много, мало ѣсть—

Основа вѣковая!

Печальный видъ: голодный конь

На почвѣ истощенной,

Съ голоднымъ пахаремъ...»

Русское сельское хозяйство страдаетъ отъ дороговизны всего того, что нужно деревнѣ, недополучая за все то, что оно производитъ само на продажу. Сопоставляя среднія цѣны на хлѣбъ за пятнадцатилѣтіе 1871—1885 гг. съ такими же цѣнами за пятнадцатилѣтіе 1886—1900 гг., мы обнаруживаемъ повсемѣстное паденіе цѣны на рожь и овесъ. Въ среднемъ по 50 губ. Европейской Россіи цѣна на рожь понизилась съ 75 к. до 63 к. за пудъ или на 15%. Среднія цѣны на пшеницу въ теченіе четырехъ послѣднихъ пятилѣтій измѣнились слѣдующимъ образомъ: 107 к., 85 и 82 к. за пудъ. Въ годы высокихъ урожаевъ цѣны на хлѣбъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ, очень низки, въ годы неурожайные чрезмѣрно повышаются. Вотъ каковы были колебанія цѣнъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ въ годы урожая и неурожая: 19 к.—126 к. за пудъ ржи (за десятилѣтіе 1891—1900 гг. въ (Оренб. губ.), 26 к.—103 к. (Пензен.), 28 к.—108 к. (въ Самбир.).

Понятно, что при такихъ низкихъ цѣнахъ на сельско-хозяйственные продукты и доходность земли не велика. Средняя для 27 губер. валовая доходность одной десятины пашни равняется 11 р. 78 к.; издержки сельскаго производства—7 р. 65 к.; чистая средняя доходность десятины пашни для 27 губ. равна 4 р. 13 к.,—цифра поразительно малая. Валовая доходность десятины покосовъ равна 12 р. 66 к., издержки производства—4 р. 02 к., чистая средняя доходность 8 р. 64 к. Валовая доходность остальныхъ угодій—54 к., чистая 39 к. съ десятины. Средняя валовая доходность 1 дес. надѣльной земли безъ подраздѣленія по угодьямъ составляетъ 8 р. 99 к.; издержки производства въ среднемъ—5 руб. 22 к.; чистая доходность 3 р. 77 к., колебалась по губерніямъ отъ 1 р. 77 коп. до 5 р. 98 к. Цифры, какъ видимъ, не говорятъ въ пользу большой доходности земли, скорѣе подтверждаютъ народную поговорку, что отъ земли будешь не богатъ, а горбатъ. Здѣсь сами собой напрашиваются на сопоставленіе съ ними цифры оклад-

ныхъ платежей. Окладные платежи и повинности, упадая въ среднемъ на 1 десятину въ размѣрѣ 1 р. 39 к., составляютъ для 27 губ. 15,4% валовой и 36,8% чистой доходности, получаемой съ одной десятины надѣльной земли.

Это сопоставленіе показываетъ, что представляющіеся малыми прямыя налоги очень велики въ пропорціональномъ отношеніи, принимая во вниманіе участіе другихъ сословій въ несеніи государственныхъ повинностей; при подоходномъ налогѣ получающій 6,000 руб. долженъ былъ бы ежегодно уплачивать въ казну болѣе 2,000 руб. (но о подоходномъ налогѣ въ настоящее время не только говорить, даже и мечтать преступно). Какъ бы завопили толстосумы, если бы государство стало взимать такіе налоги. По отношенію къ сельскому населенію оказывается подобная операція вполне законной и справедливой. Поистинѣ: «кому мало дано, у того будетъ взято и то, что онъ имѣетъ». Взваливаетъ же хозяинъ на деревенскую клячу непосильную тяжесть, — хотъ и выбивается она изъ силъ, а везетъ, такъ и ея хозяинъ: крахтитъ, а везетъ. Такая ужъ у насъ непоколебимая вѣра въ русскаго мужика: «онъ все можетъ, онъ вывезетъ». А что непосильную тяжесть несутъ сельское населеніе, объ этомъ также краснорѣчиво говоритъ возрастаніе недоимокъ, являясь показателемъ разстройства экономической жизни деревни. Недоплочность по окладнымъ казеннымъ сборамъ и выкупнымъ платежамъ опредѣлялась для 1900 года абсолютной цифрой въ 1,472 милліона рублей для всей Россіи. При искусствѣ выколачивать недоимки, 1,472 милліона рублей—цифра внушительная.

Въ концѣ 70-хъ годовъ недоимки составляли 15% въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ и 36% въ восточныхъ, а въ 1898—177% и 232% годового оклада. Недоимки въ губерніяхъ промышленной области, равнявшіяся въ 76—80 гг. 22% годового оклада, въ 1898 году составляли уже 86% оклада. Во многихъ мѣстностяхъ недоимки давно уже ждутъ всемилостивѣйшаго манифеста, такъ какъ поступленіе ихъ является безнадежнымъ.

Говорятъ, что мужикъ—пьяница, оттого онъ и бѣденъ. Статистика потребления спирта показываетъ, что крестьянинъ сталъ пить меньше за послѣдніе годы, — отрезвляется. Основнымъ фактомъ для 50 губ. является постепенное пониженіе годового потребленія спирта на душу, уменьшившагося въ среднемъ за 30-лѣтній періодъ съ 0,36 до 0,23 ведра на душу обоего пола или на 35 1%. Расходъ спирта упалъ, однако, не только относительно, но, не смотря на значительный приростъ населенія, уменьшилось и абсолютное употребленіе спирта съ 24,000,300 вед. до 21,885,400 вед. или на 8,8%.

Потребленіе спирта, высоко обложеннаго акцизомъ, можетъ служить однимъ изъ показателей покупательной способности населенія, а, слѣдовательно, и степени его благосостоянія. Водка является въ настоящее время не роскошью для населенія, а предметомъ необходимости, вошедшимъ съ давнихъ поръ въ обиходъ крестьянской жизни. Постепенное пониженіе потребленія спирта также говоритъ, что деревня бѣднѣетъ.

Нѣкоторые указываютъ на ростъ частнаго крестьянскаго землевладѣнія, какъ на показатель того, что экономическое положеніе населенія не такъ плохо, какъ его рисуютъ.

Этотъ оптимистическій взглядъ является плодомъ поверхностнаго отношенія къ цифрамъ. Частное крестьянское землевладѣніе, дѣйствительно, увеличилось съ 1875 г. приблизительно на 27%, численность мужскаго крестьянскаго населенія возрасла за то же время на 48%. Такимъ образомъ, несмотря на абсолютный ростъ крестьянскаго землевладѣнія, размѣръ обезпеченія собственными землями, по расчету на одну душу всего мужскаго населенія, не только не увеличился, но, напротивъ, понизился, составляя въ 1900 году на душу 3 десятины всей собственной земли противъ 3,6 дес., причитавшихся въ 1875 году. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что масса крестьянъ не располагаетъ своими средствами для покупки земли и потому пріобрѣтаетъ ее съ помощью Крестьянскаго Поземель-

наго Банка. Надо поэтому считаться съ задолженностью крестьянъ Банку, которая очень велика. Размѣръ этихъ покупокъ въ 1900 году составлялъ всего около 4.600,000 дес., тогда какъ все вѣнадѣльное крестьянское землевладѣніе увеличилось на 14,584,000 десятинъ. При такихъ условіяхъ,—совершенно справедливо замѣчается въ цитируемомъ официальном Сборникѣ,—весьма вѣроятно предположеніе, что большая часть земли, купленной на собственные средства, приобретена болѣе или менѣе значительными участками зажиточными крестьянами-собственниками, (кулаками?) что, конечно, не можетъ служить показателемъ покупательной способности населенія, а вмѣстѣ съ ней—степени благосостоянія народной массы.

Упадокъ селскаго хозяйства признается не только специальными изслѣдователями экономическаго быта нашей деревни, онъ признается самимъ обществомъ, не отрицается и правящими сферами.

Профессоръ А. Исаевъ, говоря о развитіи промышленности нашего «деревенскаго царства», называетъ положеніе нашего селскаго хозяйства удручающимъ, вызывающимъ тревогу; при отсутствіи достаточнаго противовѣса въ развитіи фабричной промышленности, при преобладаніи деревенскаго населенія надъ городскимъ (последняго по переписи 1897 года всего только 13%), «Упадокъ селскаго хозяйства долженъ быть признанъ угрожающимъ явленіемъ» («Вѣстн. Знанія», кн. 2, стр. 14).

Гдѣ же кроется причина экономическаго разстройства селскаго населенія? О причинахъ упадка благосостоянія селскаго населенія у насъ судятъ различно. Одни указываютъ на денежную реформу, какъ на главнѣйшее зло экономической жизни населенія, другіе всѣ бѣды относятъ на счетъ некультурности населенія, третьи указываютъ на малоземелье, иные винятъ систему общиннаго землевладѣнія, не дающую простора личной инициативѣ и т. д.

«Во всѣхъ этихъ утвержденіяхъ,—говоритъ А. Радигъ,—есть, конечно, доля правды, но коренной причиной бѣдности населенія является безспорно наша ошибочная финансовая политика, направленная къ созиданію крупной промышленности, при отсутствіи потребителей. Тогда какъ высокими цѣнами предметовъ, обложенныхъ покровительственными пошлинами, можно было искусственно вызвать къ жизни цѣлый рядъ новыхъ заводовъ и фабрикъ, нельзя было точно также искусственно создать потребителей. Наоборотъ, дороговизна всего, кромѣ хлѣба, могла лишь сократить покупательную способность населенія какъ оно, дѣйствительно, и оказалось на дѣлѣ» (стр. 3). Авторъ въ цѣломъ рядѣ статей («Косвенные налоги въ русскомъ бюджетѣ», «Нефтяная промышленность Россіи и Америки», «О сахарной промышленности»), указываетъ на главнѣйшія причины упадка благосостоянія населенія; причины эти: чрезвычайно высокіе акцизы и пошлины на предметы первой необходимости, покровительственная система, ведущая къ увеличенію косвенныхъ налоговъ, обогащающая фабрикантовъ и заводчиковъ, а не коренное населеніе, непосильно великіе расходы на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ. За послѣднія 25 лѣтъ наблюдается постоянное возвышеніе косвенныхъ налоговъ. Пошлина на хлопокъ, чай, кофе, рисъ, акцизы на вино, сахаръ, керосинъ, спички возрасли въ чрезвычайной степени. Такъ, пошлина на чай составляютъ до 150% его стоимости, кофе обложенъ въ 100%, рисъ въ 70—100%, сельди въ 100%.

Наивысшая пошлина на чай у насъ въ Россіи. Съ 1868 по 1901 г. пошлина на чай поднялась съ 15 р. 40 к. до 31 р. 50 к. Пошлины на чай и кофе въ разныхъ государствахъ были слѣдующія:

Государства.	Европ. Россія.	Франція.	Англія.	Германия.	С. А. С. Штаты.	Бельгія.	Голландія.
На чай въ кр.							
руб. на пудъ.	31 р. 50 к.	12 р. 78 к.	8 р. 53 к.	7 р. 81 к.	7 р. 10 к.	5 р. 66 к.	3 р. 20 к.
На кофе на пудъ.	5 » 85 »	8 » 41 »	2 » 13 »	3 » 10 »	безпошл.	0 » 61 »	безпошл.

1877 г. 1891 г. 1900 г.
 Пошлины въ Россіи на чугуны . . . . . 7 к. 45 к. 45 к.
 » » на хлопчатую бумагу безпошлин. 1 р. 76 к. 4 р. 15 к.
 » » на бумажную пряжу . . . . . 4 р. 81 к. 7 р. 20 к. 8 р. 70 к.
 Акцизъ на сахаръ въ 1881 году составляетъ 30 к. съ пуда, въ 1901 году 1 р. 75 к. Пудъ сахарнаго песку стоитъ 4,5 р. и пудъ рафинада 6 руб. Потребленіе сахара въ Россіи составляетъ 9½ ф. на человѣка; въ Англіи, гдѣ нѣтъ ни пошлинъ, ни акциза на сахаръ, потребленіе его, если перевести рафинадъ на сахарный песокъ, равняется 2½ пуд. на человѣка.

Потребленіе сахара на человѣка:

Россія	9,5 ф.
Англія	100 »
Сѣвер. Амер. Соедин. Штаты	70,2 »
Данія	62,2 »
Швейцарія	42,2 »
Швеція	37 »
Голландія	28,8 »
Франція	28,1 »
Германія	25,8 »
Италія	5,7 »

Такое малое количество потребляемаго у насъ сахара объясняется страшною дороговизной его въ Россіи. Такъ, въ Сентябрѣ 1896 года, 1897 г., 1898 г. наши сахарозаводчики продавали сахаръ русскимъ по 4 р. 57 к., 4 р. 57½ к., и по 4 р. 52 к. за пудъ, а англичанамъ по 1 р. 28 к., 1 р. 30 к. и по 1 р. 25 к. за пудъ. Другими словами, англичанинъ покупаетъ у нашихъ сахарозаводчиковъ сахаръ по 3½—4 к. за фунтъ, наши крестьяне платятъ по 16—17 к. за фунтъ *).

Чая у насъ также потребляется поразительно мало въ сравненіи съ потребленіемъ его въ другихъ государствахъ. «Наибольшее количество чая потребляется англичанами, а именно по 6,5 ф. на жителя, наше потребленіе, считая и кирпичный чай, составляетъ около 1 ф. на жителя. Въ Голландіи потребленіе чая около 1,7 ф. и кофе по 18 ф. на жителя; въ Соединенныхъ Штатахъ чая по 2 фун. и кофе по 10,8 ф. на жителя. Потребленіе кофе у насъ очень ничтожно и не превышаетъ 0,15 ф. на жителя; цифра эта пала бы значительно ниже, если исключить изъ подсчета количество потребляемаго кофе въ столичномъ районѣ.

Цѣна водки повышена до 8 р. за ведро, такъ что семейство изъ 5—6 лицъ, приобретающее въ годъ 2 ведра водки, должно платить за нее 16 руб. вмѣсто прежнихъ 7 руб., что составляетъ увеличеніе налога по 9 руб. въ годъ на семью.

Пошлины на хлопокъ при потребленіи въ 15—16 милліоновъ руб. въ годъ составляетъ налогъ на населеніе въ 60 милліоновъ руб. въ годъ; изъ этихъ 60 милліоновъ руб. казна получаетъ 2/3, тогда какъ остальные 20 милліоновъ идутъ въ пользу хлопковыхъ плантаторовъ (стр. 146).

Такой постоянный ростъ косвенныхъ налоговъ не могъ не отозваться пагубно на сельскомъ населеніи, онъ-то и былъ одной изъ главныхъ причинъ экономическаго его разстройства.

«Желаніе покровительствовать всему,—говоритъ г. Радцигъ,—привело къ удорожанію всѣхъ предметовъ потребленія. Идея искусственнаго созданія промышленности безъ потребителей вызвала тотъ промышленный кризисъ, который и сейчасъ отражается неблагоприятно на всѣхъ дѣлахъ.

*) Количество сахара, необходимаго для выпуска на внутренній рынокъ, определено въ періодъ 1903—1904 г. въ 45 милліоновъ пудовъ, размѣръ неприкосновеннаго запаса въ 6 милліоновъ пудовъ, предѣльные цѣны съ 1-го сентября 1903 года по 1 января 1904 года—4 р. 20 к. и съ 1 января 1904 г. по 1 сентября 4 р. 35 к.

«Необходимо,—говоритъ Радцигъ,—отказаться отъ усиленнаго покровительства промышленности, покровительства, выражающагося не только въ высокихъ пошлинахъ, но и въ субсидіяхъ, казенныхъ заказахъ и такъ далѣе. Покровительственные пошлины создаютъ искусственную дороговизну, возвышая доходы лишь незначительнаго числа лицъ и онѣ, поэтому, могутъ создать лишь неравенство въ состояніяхъ объединя большинство населенія.

«Пониженіе многихъ косвенныхъ налоговъ (акцизовъ и пошлинъ), отмена нѣкоторыхъ акцизовъ (на нефть и спички) улучшить благосостояніе сельскаго населенія, въ то же время увеличатъ его покупательную способность, отчего крупная промышленность можетъ только выиграть. Въ настоящее время населенію надо отдохнуть отъ усиленнаго строительства желѣзныхъ дорогъ, производимаго не изъ доходовъ населенія, а изъ его имущества.

«При пониженіи налогового бремени, земства получать возможность увеличить траты на народное образованіе, что въ свою очередь будетъ способствовать увеличенію производительности крестьянъ. (Расходы на народное образованіе составляютъ у насъ всего 28 к. на жителя).

«Будемъ надѣяться,—говоритъ, въ заключеніе г. Радцигъ,—что настоящій сборникъ будетъ способствовать измѣненію нашей финансовой политики. Сельскому населенію теперешніе налоги и пошлины непосильны и ихъ поэтому обязательно слѣдуетъ понизить».

А мы въ своемъ заключеніи пожелаемъ книжкѣ самаго широкаго распространенія въ публикѣ. Нельзя не пожалѣть, однако, что авторъ выпуская сборникъ, не пожелалъ придать ему большую связность, уничтоживъ повтореніе одной и той же мысли по нѣсколько разъ. Не говоря уже о томъ, что въ каждой статьѣ подчеркивается одна и та же тенденція, она нерѣдко повторяется въ приведеніи статистическихъ данныхъ. Для примѣра укажемъ на двѣ рядомъ помѣщенные статьи: «Хлопчатобумажная промышленность въ Россіи», и «О пошлинахъ на хлопокъ». На стр. 145 цифровыя данныя о пошлинѣ на хлопокъ повторяются черезъ пять страницъ (на 150 стр.), повторены свѣдѣнія о добычѣ нефти въ Сѣв. Америк. Соединен. Штатахъ и въ Баку (см. 73 и 171 стр.). Подобные примѣры нерѣдки и объясняются тѣмъ, что статьи сборника печатались въ разное время и въ различныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ, въ книжкѣ нѣкоторыя статьи безъ всякаго ущерба могли бы быть соединены въ одну, при чемъ по необходимости пришлось бы выбросить одинаковыя свѣдѣнія, одни и тѣ же положенія. Тогда не пришлось бы говорить сотни разъ о томъ, что нашъ таможенный тарифъ слишкомъ высокъ, что онъ не соответствуетъ покупательной способности населенія, что размѣры вывозовъ зависятъ отъ производительности населенія, успѣшное развитіе которой задерживается непосильными налогами, что населеніе страдаетъ отъ высокихъ косвенныхъ налоговъ, что необходимо поэтому понизить пошлины и акцизы и т. д. Обиліе цифръ, приводимыхъ для подкрѣпленія уже основательно доказаннаго положенія, утомляетъ вниманіе читателя, и многія статистическія выкладки безъ ущерба могли бы быть сокращены. Приходится сожалѣть о томъ, что многія статьи оставлены безъ всякихъ дополненій самыми новыми свѣдѣніями, опубликованными въ печати *). Заразившись отъ автора его слабостью, позволимъ себѣ и мы повториться: еще разъ пожелать самаго широкаго распространенія его интересной книгѣ.

Г. Пятигорскій.

Les limites du Connaissable. La vie et les phenomenes naturels, par Felix Le Dantec.—*Границы познаваемого.* Paris, 1903 г.

Съ нѣкотораго времени ведется борьба между сторонниками таинственной наслѣдственности и результатами положительнаго воспитанія. Многіе изъ сторонниковъ

*) Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что книга была напечатана къ концу прошлаго года, а выпускъ ея разрѣшенъ только среди лѣта. Редакція.

первой теоріи, предвидя неблагоприятный для них исходъ этой борьбы, заявляютъ даже, что жизнь, лишенная тайны ея, потеряетъ всякую прелесть. Не таково мнѣніе г. Дантека, который въ предлагаемой книгѣ разсматриваетъ нѣкоторыя проблемы, мимо которыхъ, по его мнѣнію, ученый не имѣетъ права пройти. «По мѣрѣ того какъ наука прогрессируетъ, говорить онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, она дѣлаетъ гигантскіе шаги, что бы тамъ ни говорили нѣкоторые критики. Поклонники традиціи стараются во что бы то ни стало поддержать зданіе старыхъ предразсудковъ, противъ котораго выросло побѣдоносно новое строеніе открытій, сдѣланныхъ человѣчествомъ. Вмѣсто того, чтобы откровенно признаться въ нѣжныхъ чувствахъ (впрочемъ, весьма понятныхъ), питаемыхъ ими къ міеамъ, которыми жили наши предки и которые вдохновили многихъ художниковъ къ созданію столькихъ безсмертныхъ произведеній искусства, они хотятъ, во имя разума, сохранить космогонію, совершенно не выдерживающую критики. Подъ предлогомъ, что наука не отвѣтила на всѣ вопросы, поставленные ей, насъ хотятъ заставить принять устарѣлыя объясненія, которыя при близкомъ знакомствѣ съ ними, сводятся къ пустому словопренію. Намъ до безконечности повторяютъ, ссылаясь при этомъ на авторитетъ великихъ ученыхъ, что область науки отлична отъ области вѣры, и что открытія, дѣлаемые въ лабораторіяхъ, не должны никоимъ образомъ стоять въ противорѣчіи съ указаніями вѣроученія. Не бесполезно будетъ поэтому замѣтить, что знаменитые вопросы, на которые наука не даетъ и никогда не дастъ отвѣта, возникають въ мозгу человѣка, благодаря заблужденію ума, общему намъ всѣмъ и являющемуся результатомъ унаслѣдованныхъ нами предразсудковъ... Когда намъ говорятъ о непознаваемомъ, пользуясь этимъ словомъ и нѣкоторыми другими дорогими догматикамъ словами, чтобы насъ сразить, не будемъ падать духомъ и не позволимъ кричать о банкротствѣ науки. Конечно, уже по самой природѣ человѣческой, есть непознаваемое для человѣка, и это непознаваемое составляется изъ всего того, что во вселенной остается безъ вліянія на насъ или на доступныя намъ явленія. Очевидно, что мы не можемъ познать того, что не дѣйствуетъ ни на что изъ извѣстнаго намъ. Но это-то какъ разъ для насъ и неинтересно, а потому въ высшей степени нелогично приписывать этому непознаваемому управленіе міромъ».

Главные вопросы, разбираемые авторомъ въ его книгѣ, слѣдующимъ образомъ озаглавлены: Мѣсто жизни среди естественныхъ явленій. Предѣлы біологіи. Божественное. Ретроградное движеніе въ біологіи. Познаніе будущаго. Дарвинъ. Созрѣваніе яйца. Наслѣдственность—это сама жизнь, и пр...

Первая глава посвящена Ламарку, которому принадлежитъ безсмертная честь помѣщенія жизни въ ряду другихъ естественныхъ явленій, и который первый нанесъ ударъ невѣжественнымъ традиціямъ. Онъ былъ истиннымъ основателемъ трансформизма, лавры же достались позднѣе Дарвину. Ле-Дантекъ полагаетъ, что вполне уместно будетъ, приступая къ изученію жизненныхъ явленій, воздать дань благодарности ученому, гений котораго пролилъ неожиданный свѣтъ на науку, и который явился вдохновителемъ всѣхъ великихъ идей натуралистовъ XIX вѣка.

На родной землѣ. Повѣсти и рассказы изъ народнаго быта (съ 20 рисунками) соч. З. Б. Осетрова. СПб. Изданіе П. П. Сойкина.

Заглавіе книги ясно обозначаетъ содержаніе рассказовъ З. Б. Осетрова. Почти всѣ рассказы передаютъ бытъ крестьянской среды и лишь немногіе рисуютъ картинку изъ военной жизни. Нельзя сказать про автора, что онъ не знаетъ крестьянской жизни; нельзя и упрекнуть его въ томъ, что рассказы лишены интереса. Книга является незамѣнимой для легкаго чтенія; интересъ ни на одну минуту, не покидаетъ читателя. Но, къ сожалѣнію, эта погоня за соблюденіемъ лишь интереса фабулы въ рассказахъ приноситъ несомнѣнный ущербъ правдивости передаваемого. Въ итогѣ получается что-то натянутае, малоестественное и все потому, главнымъ образомъ, что авторъ усиленно старается украсить рассказы крайними эффектами, прибѣгая

къ всевозможнымъ случайностямъ, неожиданностямъ, — и тѣмъ самымъ удаляясь отъ правдивой и реальной передачи повѣствованія. Въ этомъ отношеніи однообразны почти всѣ рассказы. Нельзя не замѣтить и другой характерной черты въ настоящемъ сочиненіи, это — отраженіе пессимистическаго взгляда автора на жизнь; на всемъ передаваемомъ лежитъ слѣдъ тяжелой грусти и какого-то разочарованія. Не мудрено, поэтому, что почти всѣ рассказы заканчиваются трагическою развязкою и грустными финаломъ; нѣтъ торжествующей добродѣтели и побѣды слабыхъ надъ сильными, почти вездѣ выставляется торжество порока и зла надъ безсильнымъ добромъ. Вслѣдствіе этого насколько интересно читаются рассказы, настолько послѣ прочтенія выносятся довольно поверхностное впечатлѣніе за отсутствіемъ моральнаго воздѣйствія на читателя тѣхъ финальных событій въ этихъ рассказахъ, каковыя являются какъ совершенно неожиданными, такъ и малоправдивыми.

Если коснуться содержанія рассказовъ, то можно въ краткихъ чертахъ замѣтить слѣдующее. Болѣе удачными можно назвать рассказы, рисующіе картинку изъ военной жизни. Въ нихъ больше простоты и естественности. Однимъ изъ лучшихъ можетъ считаться „Ночь послѣ Бородинской битвы“. Авторъ мастерски изображаетъ выраженіе патріотическаго духа у русскихъ людей въ Бородинской битвѣ; между прочимъ въ довольно яркихъ краскахъ выставленъ типъ юнкера-женщины Александры Дуровой, которая принимала дѣятельное участіе въ великой войнѣ. Менѣе удачный рассказъ изъ временъ осады Севастополя „Подъ огнемъ“ — передаетъ романтическую исторію двухъ влюбленныхъ — сестры милосердія и раненаго солдата. Еслибы не было болѣе, чѣмъ трогательнаго апофеоза — неожиданной встрѣчи отца съ сыномъ на полѣ войны, рассказъ безусловно выигралъ бы въ отношеніи правдивости содержанія. „Казачій шикетъ“ — рассказъ изъ походной, солдатской жизни о казачьей шапкѣ, въ которую были зашиты деньги, хотя и небезынтересенъ, но страдаетъ излишней тягучестью. Большая же часть рассказовъ передаетъ бытъ крестьянской жизни. Заслуживаютъ вниманія рассказы: „На родинѣ“ — возвращеніе купеческаго семейства въ деревню и пребываніе въ родной, мужицкой средѣ; „Деревенская свадьба“ — любопытный случай съ паромомъ, на которомъ ѣхала невѣста съ поѣзжаными и музыкантами къ ненавистному ей жениху, и вслѣдствіе того, что у паромъ лопнулъ канатъ, свадебный поѣздъ пришлылъ въ другую деревню, и свадьба разстроилась, къ счастью невѣсты, которую ожидалъ вѣнчаться съ любимымъ человекомъ. Можно отмѣтить и рассказы „Утопленникъ“ и „Рабочая пора“. Объ остальныхъ же рассказахъ лучше умолчать. Содержаніе ихъ, хотя и занимательно, но они оставляютъ по себѣ слишкомъ расхолаживающее впечатлѣніе, благодаря неожиданнымъ и подставнымъ трагическимъ финаламъ. Въ этомъ отношеніи особенно страдаютъ рассказы „Метель“, „Страшная ночь“, „Посидѣлки“, „Разбитое сердце“, „Чужая жена“ и „Барыня“. Во всѣхъ этихъ рассказахъ, которые въ началѣ передаются въ вѣсело-спокойномъ, равномъ тонѣ, читателя ждетъ внезапный, роковой исходъ — убійство, повѣшеніе, утопленіе и т. д., однимъ словомъ, — рассказъ какъ бы обрывается и оставляетъ читателя въ весьма странномъ недоумѣніи...

П. П. Б.

Край гордой красоты. С. Васюковъ. СПб. изд. Девріена. Ц. 2 р.

За послѣднее время Кавказское побережье Чернаго моря значительно оживилось. Были открыты удобные порты, сдѣланы попытки улучшить пути сообщенія и привлечь капиталы для культуры богатѣйшаго края. Пока результаты невелики, если не считать хищнической эксплуатаціи нѣкоторыхъ мѣстностей, наприм., лежащихъ къ морю по шоссе отъ Новороссійска. Въ предлагаемой книгѣ авторъ странно описываетъ всѣ стороны жизни побережья, разнообразія обстоятельныя географическія данныя рассказами изъ народнаго быта и жизни края.

«Безпокойное море, зеленныя горы, угрюмыя скалы, руины и памятники временъ Римской имперіи и генуэзцевъ, преданія горныхъ племенъ, русскія поселенія и города — первые шаги русской культуры — все полно живого интереса въ странѣ

гордой красоты, интереса, который растет и крепнет при близком знакомствѣ съ побережьемъ».

Недавно мы прониклись этимъ интересомъ. Весь Кавказъ ограничивался въ нашихъ представленіяхъ пресловутыми минеральными водами, Дарьяльскимъ ущельемъ да дикими народами, получившими одинъ образъ свирѣпаго красавца череса. Только недавно обращено серьезное вниманіе на богатѣйшую полосу имперіи, гдѣ сосредоточены сокровища, единственные по своей цѣнности. Но, какъ водится издавна, въ райскомъ углѣ нѣтъ порядка.

Г-нъ Васюковъ отмѣчаетъ низкое состояніе виноградной культуры, между тѣмъ какъ побережье даетъ лучшія условія къ развитію этой отрасли хозяйства. Не говоря о томъ, что выращиваніе особыхъ сортовъ, примѣненіе машинной обработки, рациональное устройство погребовъ—все это отсутствуетъ у нашихъ виноградарей, помимо этого, виноградная культура ведется въ незначительныхъ размѣрахъ, и вина выдѣлываются на узкій кругъ любителей. Казна дѣлала попытки рациональнаго винограднаго хозяйства, но они незначительны и слишкомъ скромны для такого солиднаго дѣла. Другой шагъ въ этомъ направленіи сдѣлало рвительство, отдавая участки подъ культуру. Условія, дѣйствительно, льготны, но только по выплатѣ и приобрѣтенію участковъ, а не относительно ихъ обработки. Шагъ былъ сдѣланъ не безъ пользы. Наплывъ интеллигентныхъ силъ возрастаетъ, край оживаетъ и растетъ.

Съ оживленіемъ побережья началась чудовищная земельная спекуляція. Въмѣстѣ съ тѣмъ мирные уголки, служившіе мѣстомъ отдыха и лѣненія небогатому интеллигентному человѣку, преобразились на тонный ладъ, что ранѣе всего выразилось въ возрастающей дороговизнѣ. Изъ примѣровъ частной инициативы культуры края характерна колонія Криница, лишенная утопической окраски интеллигентныхъ поселковъ и вполнѣ достигшая самыхъ осязательныхъ результатовъ здоровой и интересной жизни.

Вообще, авторъ живыми красками рисуетъ свѣтъ и тѣни быстро культивирующагося края. Разсматривая участіе руководящихъ элементовъ въ новомъ хозяйствѣ побережья, онъ справедливо выражаетъ сожалѣніе въ отсутствіи земскихъ учреждений, сумѣвшихъ бы поставить на вѣрную дорогу плодоводство, виноградарство и другія отрасли народнаго хозяйства. Велѣнія закона и циркуляры не исполняютъ еще культурно-хозяйственной миссіи, болѣе сподручной (какъ оказывается) хутору Криницѣ, чѣмъ мѣстной бюрократіи.

Но вотъ еще зло: историческіе памятники безсовѣстно истребляются. Объ этомъ писалось много, но пока тщетно. Я говорю о дольменахъ и другихъ сооруженіяхъ старины, подчасъ не утратившихъ и теперь практическаго значенія...

Что касается желѣзныхъ дорогъ, то онѣ все болѣе опоясываютъ Кавказъ, являясь прямымъ и необходимымъ условіемъ развитія кавказской промышленности. Побережье имѣетъ прекрасныя бухты, но не имѣютъ удобныхъ путей сообщенія внутри страны. Много нужно еще работать. Кавказъ не только мѣсто прогулокъ, красивый пейзажъ или цѣлебный курортъ. Въ недалекомъ будущемъ—это важная экономическая сила, при томъ своеобразная и единственная въ русскомъ народномъ хозяйствѣ.

Книга написана хорошимъ языкомъ, прекрасно иллюстрирована и можетъ служить не только для теоретическаго знакомства съ краемъ, но и какъ практическое руководство. Къ сожалѣнію, однако, тонъ ея выдержанъ: серьезное изложеніе, сопровождаемое сухими цифрами и таблицами, чередуется съ фельетонною болтовнею.

Б. И.—въ.

Мытарства. Очерки Московскаго работнаго дома. *Семена Подъячева.* 143 стр. Ц. 25 коп. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Попова.—Харьковъ, 1903 г.

Сравнительно новая харьковская издательская фирма В. И. Раппъ и В. И. Поповъ выпустила всего два-три десятка небольшихъ книжекъ, главнымъ образомъ, по беллетристикѣ. Съ внѣшней стороны они изданы опрятно, даже изящно; эта же опрятность, чистота составляетъ и главное внутреннее достоинство изданія, давая здоровую пищу широкимъ слоямъ уже народившагося «новаго читателя», предъяв-

ляющаго серьезныя требованія, неудовлетвореннаго лубочной литературой... Жаль только, что цѣна нѣкоторыхъ книжекъ этого издательства, напримѣръ, тѣхъ же «Мытарствъ» довольно высока.—С. Подъячевъ въ своихъ очеркахъ Московскаго работнаго дома изображаетъ жизнь-маету низшихъ слоевъ городского населенія—босняковъ, золоторотцевъ и людей тѣхъ переходныхъ къ боснячеству ступеней, на которыя такъ легко сталкиваетъ рабочихъ (да и не однихъ рабочихъ) безработица и другія условія современной жизни... Въ его очеркахъ нарисованъ не одинъ работный домъ, но и трактиры, ночлежки, Хитровъ рынокъ, «Хива»; всё эти тѣсно другъ съ другомъ связанныя мѣста, образующія обособленный мірокъ—«міръ отверженныхъ». Нашъ авторъ не обладаетъ сильнымъ художественнымъ талантомъ, но его «Мытарство», не наблюденія мимоходомъ; изображаемая въ нихъ жизнь ему близко, хорошо знакома; обстановка, люди срисованы прямо съ натуры,—именно срисованы. Въ этомъ сила и слабость Подъячева! У насъ есть рядъ беллетрическихъ произведеній, которыя принято называть этнографическими: все вниманіе ихъ авторовъ сосредоточено на точности рисунка, фотографической вѣрности изображаемаго явленія. Къ такому роду произведеній всего ближе подходятъ «Мытарства».—Эти очерки, вѣрно рисующіе тяжелыя, невозможныя условія существованія голытьбы, сослужаютъ хорошую службу, возбуждаютъ въ читателѣ вниманіе къ обездоленной массѣ, но недостатокъ художественной чуткости заставляетъ автора чересчуръ долго останавливаться на внѣшней отталкивающей обстановкѣ, сгущая иногда (безъ надобности) и безъ того мрачныя краски, что, конечно, только ослабляетъ впечатлѣніе (этотъ недостатокъ еще сильнѣе сказался въ послѣднемъ разсказѣ Подъячева «По этапу», помѣщенному въ майской книжкѣ «Рус. Богатство» за этотъ годъ); психологія же изображаемой среды или вовсе не видна читателю, или обрисована довольно грубыми штрихами... Во всякомъ случаѣ «Мытарства» Подъячева хотя и не отличаются особенными художественными достоинствами и тонкостью психологическаго анализа, прочтутся съ интересомъ и пользой.

Д. Д.

На скалѣ. В. І. Дмитріевой. 26 стр. Ц. 10 коп. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Попова. Харьковъ, 1903 г.

Кромѣ обычной произведеніямъ Дмитріевой теплоты, задушевности, инныя ея повѣсти пріятно поражаютъ насъ оригинальностью содержанія, своей свѣжестью. Таковъ и очеркъ «На скалѣ». На скалѣ жилъ старый человѣкъ, прозванный за свою ученость профессоромъ. «Профессоръ не любилъ людей. Что-то случилось въ его жизни; должно быть, когда-нибудь онъ слишкомъ вѣрилъ въ нихъ, и когда люди его обманули, онъ ушелъ отъ нихъ и остался одинъ. Онъ нарочно выбралъ себѣ это глухое, тихое мѣстечко на берегу моря и помѣстился здѣсь, окруживъ себя книгами и странными животными, которые никогда не обманывали... Онъ жилъ «для науки»... Въ наблюденіи и изученіи этой простой жизни (животныхъ) профессоръ искалъ исцѣленія своей больной души и любилъ своихъ маленькихъ, молчаливыхъ сожителей... Все больное, замученное, искалѣченное находило пріютъ въ его домѣ, но людей онъ ненавидѣлъ: «эти хитрыя, трусливыя, бездушныя существа, которымъ разумъ данъ какъ будто только для того, чтобы дѣлать зло. Все, что было прекраснаго въ природѣ, они испортили и исказили; всѣмъ, что было создано лучшими, величайшими изъ человѣческихъ умовъ, они воспользовались для разрушенія и убійства, и даже этихъ же самыхъ лучшихъ, самыхъ великихъ изъ людей они гнали и преслѣдовали за ихъ великую любовь къ человѣчеству, платили имъ пытками, цѣпями, заушеніями»... И профессоръ бѣжалъ отъ людей: и въ тишинѣ одиночества, когда онъ оставался одинъ на одинъ съ природой, его ненависть къ людямъ и боль затихала, тогда онъ мечталъ о низверженіи человѣческаго владычества на землѣ, рисовалъ картины свѣтлаго будущаго, гдѣ не будетъ мѣста гнѣву, жаднѣ крови... Онъ хотѣлъ уйти навсегда въ міръ чистой, безстрастной науки, окончательно порвать связь съ людьми, ничего не зная ни о ихъ жестокостяхъ, ни о ихъ страда-

ніях... Но это ему не совѣсьмъ удавалось. Жизнь проникаетъ всюду, властно требуетъ отчета. И профессора въ его уютномъ домикѣ, на скалѣ мучила совѣсть, въ лицѣ его alter-его, стараго краба-нелюдима, она упрекала «Ты, жалкій лицемѣръ и ты еще болѣе жестоко, чѣмъ тѣ люди, отъ которыхъ ты ушелъ. Люди дѣлаютъ много зла, но они дѣлаютъ и добро, потому что они живутъ вмѣстѣ; ты не дѣлаешь зла, но не дѣлаешь и добра, потому что живешь одинъ. Чтобы уничтожить зло, надо стоять предъ нимъ лицомъ къ лицу; а ты бѣжалъ отъ него на вершину и прячешься здѣсь, никому ненужный и бесполезный... Ты ненавидишь людей за ихъ лживость и бездушіе, но ты, ты самъ развѣ сдѣлалъ что-нибудь для того, чтобы они стали добрыми и прекрасными? Отъ нихъ ты взялъ все, имъ не далъ ничего... Ступай внизъ, старый лицемѣръ, возврати людямъ все, что ты отъ нихъ получилъ,—отдай имъ свою мысль, свои знанія, свою душу,—вѣдь они тебѣ даны ими же и не для тебя одного, а для всѣхъ»... Профессоръ все время успокаивалъ себя увѣреніями, что не давая ничего людямъ, онъ зато и самъ ничего не бралъ отъ нихъ добровольно и поэтому ничѣмъ имъ не обязанъ. Если они страдаютъ, то они сами виноваты въ своихъ страданіяхъ, а онъ имѣетъ право оставить ихъ: его душа, его мысли принадлежатъ одному ему, безраздѣльно. «Всѣ твари живутъ каждая сама по себѣ и для себя. И я буду жить такъ же: я не рабъ человечества, я единица, отдѣльная отъ всѣхъ и мой конецъ будетъ концомъ всего. Зачѣмъ же мнѣ идти куда-то внизъ и отдавать самого себя?» Но и углубляясь въ міръ простыхъ, почти лишенныхъ сознанія существъ, онъ и здѣсь оставался въ сферѣ «проклятыхъ вопросовъ», не могъ уйти отъ жизни, и здѣсь встрѣчалъ загадки тѣхъ же свойствъ, тѣхъ же наклонностей, которыя были ему такъ ненавистны въ человѣкѣ. Жизнь напирала на него и, наконецъ, настоящая человѣческая жизнь ворвалась къ нему на скалу; она показала ему всѣ свои раны, всю свою боль, и онъ понялъ, что былъ неправъ въ своей ненависти къ людямъ. Въ бурную ночь собака профессора навела его, охваченнаго тоской одиночества, на двухъ босяковъ. Эта бѣдная, слѣпая собака, которой люди сдѣлали столько зла,—искалѣчили ее, отняли дѣтеннойшей, все-таки бѣжитъ на человѣческій голосъ, отыскивая въ темнотѣ этихъ бездомныхъ горемыкъ, ведетъ его къ нимъ какъ будто для того, чтобы напомнить ему, что и онъ тоже человѣкъ и долженъ помочь своимъ братьямъ.

Профессоръ почувствовалъ, что, ему дѣйствительно, жаль этихъ незнакомыхъ ему людей и что онъ радъ даже, этому чувству жалости; босяки идутъ къ нему... Ихъ разговоръ о мытарствахъ, о жизни, которая—сплошная боль и обида, кончается вопросомъ: «чѣмъ же мы виноваты? На свѣтъ то насъ вышвырнули, а житья настоящаго не даютъ, да еще говорятъ—вы, дескать, сами виноваты.—А чѣмъ мы виноваты? Развѣ тѣмъ только что родились? Профессоръ сознается, что онъ былъ неправъ. «Развѣ виноваты они въ томъ, что несчастны? Отъ жизни не уйдешь... Что я сдѣлалъ? Ничего... Для чего жилъ—не знаю. Двѣ трети своей жизни я просидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ и только теперь вижу, что я совѣсьмъ не жилъ, не любилъ и не страдалъ, какъ живутъ, любятъ и страдаютъ другіе люди, которыхъ я презиралъ. А развѣ я знаю о нихъ что-нибудь больше того, что я знаю, напримѣръ, о яйцѣ акулы? Нѣтъ, и сегодня вечеромъ эти несчастные скитальцы изъ поддонковъ человечества рассказали мнѣ гораздо больше о жизни, чѣмъ я зналъ. Жалкій, слѣпой мудрецъ!..»

Профессоръ сталъ другимъ человѣкомъ. Онъ внимательно отнесся къ босякамъ, а когда они ушли, то почувствовалъ свое одиночество. «Ничего... Одни ушли, придутъ другіе,—а если не придутъ, мы сами съ тобой пойдемъ къ нимъ...»—говоритъ онъ, обращаясь къ своей собакѣ. Такъ кончается повѣсть. Намъ только кажется неестественнымъ такое упорное отворачиваніе отъ жизни, а потому и самъ профессоръ не живой человѣкъ.—Страдая нѣсколько растянutosью, разбираемая повѣсть не лишена художественныхъ красотъ: недурны фигуры двухъ босяковъ, очень удачны параллели между міромъ природы и человѣка, ежѣ абстрактной

наукой и дѣятельной жизнью, — жизнью для другихъ. «Тамъ была жизнь... Тамъ была борьба, а здѣсь... мертвый покой, мертвая тишина и только четыре стеклянныя стѣнки»... Авторъ, пожалуй, слишкомъ увлекся аналогіями и тѣмъ испортилъ главную фигуру... Въ повѣсти вовсе незамѣтно доктринерства, она будитъ хорошія чувства и мысли читателя.

Д. А.

Е. В. Пѣтуховъ. Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ 1903.

Вторая половина жизни и литературной дѣятельности В. А. Жуковскаго совпала по времени съ пребываніемъ Гоголя въ Петербургъ и поѣздками его за границу. Въ то время Гоголь былъ еще молодымъ человѣкомъ, почти начинающимъ писателемъ, а всѣми признанный и почтенный лѣтами Жуковский скорѣе могъ бы считаться его наставникомъ и учителемъ, чѣмъ товарищемъ. Кромѣ того, ихъ могла раздѣлять разница въ положеніи, почти противоположный литературный жанръ, взгляды на задачи литературы и т. д. Тѣмъ не менѣе, Гоголь и Жуковский сошлись такъ близко, а начавшаяся сейчасъ же съ момента встрѣчи ихъ дружба оказалась такой тѣсной, что проводить между ними параллель и отыскивать сходныя черты въ творчествѣ предоставляется вполне уместнымъ. Жуковский внимательно относился къ литературнымъ успѣхамъ и „восхищался талантомъ Гоголя въ изображеніи пошлости человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ охватывать вовсе незамѣтныя черты“ (слова Е. Т. Аксакова). Но Е. В. Пѣтуховъ думаетъ, что Жуковский въ сущности не понималъ Гоголя и не придавалъ его произведеніямъ серьезнаго значенія.

Идеалистъ-романтикъ и изобразитель пошлостей и другихъ отрицательныхъ явленій русской жизни имѣли все таки три общія черты. Это былъ религіозный мистицизмъ, возвышенный романтизмъ и, наконецъ, юморъ. По характеристикѣ проф. Пѣтухова юморъ Жуковскаго былъ „такъ сказать примитивный“ онъ выразился у Жуковскаго въ его литературныхъ „шалостяхъ“ въ періодъ „Арзамаса“, забавно юмористическіе протоколы котораго и разныя другія затѣи того же характера были главнымъ образомъ дѣломъ Жуковскаго, также въ его сказкахъ, въ переводной „Войнѣ мышей и лягушекъ“ и въ нѣкоторыхъ письмахъ къ друзьямъ. Конечно, нѣтъ нужды говорить, что отъ этого юмора еще очень далеко до осмѣянія и обличенія широкихъ общественныхъ недостатковъ, но не надо забывать, что эти послѣднія качества и Гоголемъ приобрѣтены были не сразу. Замѣчательно, что эту черту веселой шутовщины Жуковский сохранялъ и въ старости, и въ болѣзняхъ, тогда какъ Гоголь къ концу жизни все болѣе ее утрачивалъ. Это отражается и на ихъ взаимной перепискѣ: письма Жуковскаго отличаются бодростью, веселымъ тономъ и простотой а письма Гоголя серьезны и иногда раздражительно-напряженны. Юморъ свой Жуковский пускалъ въ оборотъ жизни и иногда литературы, какъ веселую забаву, какъ игру ума и воображенія, для безбиднаго наслажденія самому и другимъ, тогда какъ юморъ Гоголя, сдѣлавшись серьезнымъ и могучимъ орудіемъ его литературнаго выраженія, нервомъ его обличительнаго негодованія и спутникомъ его горькаго душевнаго идеализма, былъ для него забавой лишь въ пору юности, а затѣмъ получилъ совершенно другое назначеніе и подѣ конецъ исчезъ „при формированіи въ немъ новыхъ возрѣтій на свое поэтическое призваніе“. (стр. 39).

Если оцѣнка Жуковскимъ литературныхъ достоинствъ Гоголя и страдаетъ нѣкоторою туманностью, то самъ Гоголь всегда высоко ставилъ произведенія Жуковскаго, какъ поэта, охотно читалъ ихъ и любилъ „легкій воздушный стихъ его, порхающій какъ неясный звукъ эоловой арфы“.

А. Я.

И. Каманинъ. Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи. Кіевъ. 1903.

Понималъ ли Гоголь основныя задачи всеобщей исторіи, постигъ ли онъ духъ малорусскаго казачества, вѣрно-ли передавалъ историческія событія и сумѣлъ ли угадать роль запорожцевъ, изображенію быта которыхъ онъ посвятилъ лучшія свои

повѣсти? Всѣ эти вопросы разбираетъ г. Каманинъ въ своей интересной книжкѣ «Пропавшая грамота», «Ночь подъ Рождество», «Страшная месть», «Остраница», «Гетманъ», «Плѣнникъ» и другія повѣсти и отрывки изъ нихъ представляются намъ великолѣпными страницами, какъ-бы выхваченными изъ художественной исторіи Малороссіи и поражающими своей жизненностью.

Какими же источниками пользовался Гоголь? Въ наше время издано такъ много матеріаловъ по исторіи казачества, старыхъ думъ, легендъ и повѣрій, что, будь эти богатые источники подъ руками у Гоголя,—задача его была бы въ значительной степени облегчена. Но въ его время такихъ книгъ было мало. Ригельманъ, Рубакъ, Туманскій, Бантышъ-Каменскій, Конисскій, да еще двѣ-три незначительныхъ книжки—вотъ и весь нехитрый научный багажъ Гоголя. Но оказывается, что Гоголь лично собиралъ думы и легенды, рассказы стариковъ-очевидцевъ о недавнемъ прошломъ, читалъ все-какіе документы въ оригиналахъ, а главное, онъ *понималъ духъ* этой старины. Несомнѣнно отразилось и то, что и семья Гоголя принадлежала къ стариннымъ казацкимъ родамъ, а среди предковъ его были выдающіеся дѣятели исторіи малорусскаго народа.

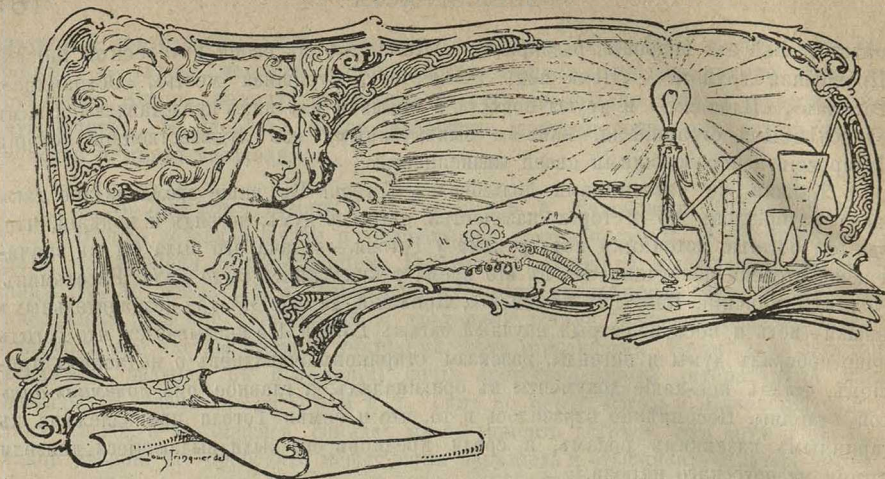
Благодаря только этимъ условіямъ, онъ и могъ создать такой мощный образъ Тараса и его сыновей. Въ малорусской думѣ объ отступникѣ Тетеренкѣ описывается борьба стараго казака съ поляками и татарами, измѣна одного изъ сыновей его и безконечное горе отца. Сына-измѣнника берутъ въ плѣнъ, связываютъ, привозятъ въ Сѣчь и казнятъ. Гоголь измѣнилъ сюжетъ, заставивъ самаго Бульбу свершить судъ надъ Андреемъ. Но въ указанной думѣ у казака Тетери нѣтъ другого сына, судьба котораго могла бы напоминать Остапа, замученнаго поляками въ Варшавѣ. И Каманинъ думаетъ, что эту часть повѣсти Гоголь составилъ по біографіи Богдана Хмельницкаго; одинъ изъ сыновей его былъ застрѣленъ на базарѣ чигиринскимъ подстаростой Чаплинскимъ, другой убитъ въ Буковинѣ, во время осады Сочавы. Тараса и Хмѣльницкаго сближаетъ месть за погибшихъ сыновей. Кромѣ того, во всей исторіи казачества мы не знаемъ такого грандіознаго возстанія, какое было поднято Тарасомъ. Собранный имъ сто двадцать тысячъ войска нельзя назвать малой частью или отрядомъ „выступившимъ на угонъ за татарами: нѣтъ, поднялась вся нація, ибо переполнилась чаша терпѣнія народнаго-! Изслѣдователь предполагаетъ, что и въ этой подробности заключается сходство съ Хмѣльницкимъ. Мы съ этимъ несогласны, потому что преувеличеніе—излюбленная „поэтическая вольность“ Гоголя-поэта.

Характеръ Тараса очерченъ по пѣснѣ о Сагайдачномъ, который „все время проводить на войнѣ, съ презрѣніемъ относится къ домашней жизни, грубо обходится со своей женой и высоко цѣнить лишь тютюнъ да люльку, изъ-за которой, и погибаетъ, не желая, чтобы она осталась у его враговъ“ (стр. 43). Другія народныя думы и пѣсни такъ же охотно перерабатывались Гоголемъ и вводились въ ту же замѣчательную повѣсть. Пѣсня „о выходѣ на линію“ положена въ основу плача матерей и женъ по казакамъ, убитымъ на войнѣ; прощаніе матери съ Остапомъ и Андреемъ, выступающими въ Сѣчь, описаніе „казацкой славы“; характеристика Закрути губы и т. д., все это навѣяно отдѣльными мѣстами въ разныхъ пѣсняхъ. Наконецъ еще раньше было указано, что поэтическое описаніе Днѣпра составилось подъ влияніемъ стиха „о Голубиной книгѣ“, и рѣчь Тараса къ казакамъ (естъ-ли у нихъ пороховъ въ пороховницахъ, острили сабли, утомились ли плечи казацкія)—подъ [вліяніемъ] былины о томъ, какъ перевелись витязи на Святой Русѣ“. И Каманинъ нашелъ еще сходство между изображеніемъ у Гоголя исхода благородной казацкой души изъ тѣла и извѣстнымъ мѣстомъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Такихъ наблюденій И. Каманинъ высказываетъ много, и мы охотно отсылаемъ читателя къ его книжкѣ. Жаль только, что авторъ не привлекаетъ къ дѣлу польскихъ поэтовъ такъ называемой украинской школы.

П. Александровъ.

Научная хроника.

Антропология, медицина и зоология.

Вырождаются ли культурные народы. — Изъ статьи д-ра Покровской (№ 6 «В. Зн.») читателямъ уже извѣстна точка зрѣнія, занимаемая нѣкоторыми учеными по отношенію къ этому вопросу. Кельнскій журналъ «Kultur» высказывается въ этомъ отношеніи противъ современныхъ противниковъ цивилизаціи.

Главное доказательство прогрессивнаго вырожденія культурныхъ народовъ видятъ въ сокращеніи рождаемости у многихъ культурныхъ народовъ. Но этотъ фактъ — вовсе не послѣдствіе вырожденія. Здѣсь играетъ роль вовсе не убыль тѣлесныхъ силъ, не физическое вырожденіе, а зачастую преднамѣренное ограниченіе потомства изъ социальна-экономическихъ видовъ, какъ оно практикуется у зажиточныхъ классовъ народа, напр., во Франціи. И французы, значить, вовсе не выродились физически, хотя они и медленно размножаются, но зато въ міровомъ соперничествѣ народовъ они, благодаря этому, оказываются въ наклѣдѣ.

Другое доказательство дегенераціи, которая будго уже наступила, видятъ въ вымираніи высшихъ аристократическихъ родовъ, вслѣдствіе частой ихъ бездѣтности. Но проф. Гогаръ, въ Фрейбургѣ, для основательнаго изслѣдованія вопроса предпринялъ трудъ провѣрить этотъ фактъ по Готскому альманаху, и это распространенное мнѣніе такъ же, какъ и многія утвержденія пессимистовъ, оказалось чистою небылицею. Плодовитость и смертность царствующихъ домовъ и высшей знати вполне соответствовали нормальнымъ отношеніямъ у остальныхъ.

Также оказывается неосновательнымъ и общепринятое положеніе, что современный культурный міръ слѣдуетъ считать потому выродившимся, что смѣшеніе расъ прогрессируетъ, а смѣшанныя расы всегда представляютъ ухудшеніе первоначальныхъ чистыхъ типовъ. Но Ратцель и другіе антропологи объявляютъ это положеніе чистымъ предрасудкомъ, опровергаемымъ народовѣдѣніемъ. При смѣшеніяхъ дѣйствительно культурныхъ расъ, какія представляетъ намъ нашъ культурный міръ, является возможность такого тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго развитія, которое превышаетъ мѣру отдѣльныхъ первоначальныхъ расовыхъ задатковъ, и смѣшенія

обнаруживаютъ въ еще высшей степени добрыя качества смѣшавшихся расъ.

Далекіе отъ тѣлеснаго вырожденія, культурные народы въ настоящее время, наоборотъ, усердно стараются увеличить свою тѣлесную силу и физическое развитіе социальнымъ законодательствомъ, мѣрами попеченія о народномъ здоровіи и благосостояніи. Не въ прошломъ, а въ будущемъ лежитъ золотой вѣкъ гармоническаго развитія тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, о которомъ уже теперь намъ могутъ дать нѣкоторое представление воспитанные въ такомъ направленіи красивые американки.

Мечниковъ и Ру о прививкѣ сифилиса обезьянамъ. — Пастеровскій институтъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ въ своемъ походѣ противъ ужасныхъ болѣзней. Быть можетъ, уже недалеко время, когда будетъ найдена этимъ институтомъ предохранительная прививка сифилиса, этой главной причины вырожденія современнаго человѣчества. До сихъ поръ опыты въ цѣляхъ нахожденія такой прививки и новыхъ способовъ леченія не могли производиться на животныхъ вслѣдствіе того, что при прежнихъ попыткахъ ученыхъ ни одно животное не заражалось сифилисомъ, который оказался печальной прерогативой человѣческаго рода; не удавалось даже заразить обезьянъ. Лѣтъ 12 назадъ докторъ Морисъ Николь, директоръ Пастеровскаго института въ Константинополѣ, и его братъ Шарль Николь, директоръ Пастеровскаго института въ Руанѣ, пробовали прививать сифилисъ китайскимъ макакамъ, но получили лишь сомнительные патологическіе симптомы у этихъ обезьянъ и поэтому не продолжали изысканій.

Ру и Мечниковъ воспользовались значительными денежными средствами, какія достались Ру отъ преміи Бернса (100.000 франковъ), выданной французскимъ институтомъ, а Мечникову отъ преміи города Москвы, для покупки дорогихъ антропоидныхъ обезьянъ изъ породы шимпанзе. Онѣ лишь съ величайшими предосторожностями могутъ сохраняться въ нашемъ климатѣ (легко заболѣваютъ и умираютъ отъ чухотки), а потому стоятъ дорого: отъ 1.000 до 1.500 франковъ. Ру и Мечниковъ въ Пастеровскомъ институтѣ въ Парижѣ содержали своихъ шимпанзе въ помѣщеніи съ нормальной для нихъ температурой, прекрасной вентиляціей, кормили стерилизованной пищей и такимъ образомъ уберегли отъ чухотки.

Затѣмъ они привили шимпанзе человѣческой сифилисъ съ полнымъ успѣхомъ, что и было демонстрировано 15-го (28-го) іюля въ Парижской медицинской академіи. Никакія сомнѣнія невозможны болѣе: демонстрированныя животныя заражены и дѣйствительно больны той болѣзью, которая представляетъ такое грозное социальное зло.

Неуспѣхъ прежнихъ опытовъ инфицированія обезьянъ Ру и Мечниковъ объясняютъ тѣмъ, что опыты производились надъ низшими породами, менѣе похожими на человѣка, чѣмъ шимпанзе.

Послѣ доклада Мечникова профессоръ Фурнье съ своей стороны заявилъ, что былъ пораженъ, констатировавъ у этихъ обезьянъ всѣ характеристическіе признаки сифилиса. «Открывается эпоха плодотворныхъ изысканій, — сказалъ Фурнье, — разрѣшена великая проблема. Безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ дѣти будутъ предохраняемы отъ ужасной болѣзни» (Н. В.).

Ассоціація идей у попугая. — Въ «La Presse» П. Гаше Судлэ рассказываетъ объ одномъ очень нонятливомъ попугаѣ, котораго научили произносить слова *шкафъ*, *лѣстница*, и, когда онъ взбирался по ней, то ему твердили слово *лѣзть*.

Каждый разъ, какъ птицу приносили въ кабинетъ, она открывала маленькій шкафчикъ и брала оттуда конопляное сѣмя. Шкафъ обыкновенно

стоялъ такъ, что попугай могъ его достать, но однажды его подняли почти до потолка, лѣстницу же, въ числѣ другихъ предметовъ, поставили въ уголъ комнаты. Требовалось рѣшить вопросъ, хватить ли у птицы ума, если она увидитъ, что не можетъ добраться до шкафа, чтобъ произнести слова въ томъ порядкѣ, какъ ихъ говорили ей.

Опытъ перваго дня не удался. Попугай кричалъ *шкафъ, шкафъ*, хлопалъ крыльями, кусалъ со злости проволоку своей кѣтки, но далѣе дѣло не шло. Въ этотъ день онъ получилъ пшено, которое онъ не любилъ, тогда какъ любимая имъ конопля оставалась запертою въ шкафу.

На слѣдующій день попугай еще больше сердился и, послѣ отчаянной попытки проломать прутья кѣтки, онъ, наконецъ, увидѣлъ шкафъ у потолка. Немедленно раздались слова: *лѣстница—лѣзть—шкафъ*, тогда шкафъ былъ снятъ, и умную птица наградили коноплянымъ сѣменемъ.

Гаше Сулла считаетъ этотъ примѣръ доказательствомъ ассоціативной идеи въ умѣ птицы, такъ какъ никто не училъ попугая употреблять то предложеніе, которое онъ создалъ.

Величайшее изъ летающихъ существъ.—Въ обширной области прѣсноводнаго бассейна долины Миссиссипи, въ которой обитали въ мѣловой періодъ самыя большія изъ когда-либо жившихъ четвероногихъ существъ, жило около того же времени и также самое большое изъ летающихъ животныхъ—*Pterodactylus ornithostoma*, отъ котораго осталось много окаменѣлостей. Недавно физикъ Ланглей и палеонтологъ Лукасъ опубликовали чрезвычайно интересное изслѣдованіе объ этомъ животномъ.

Это существо, принадлежащее къ классу рептилій, вѣсило приблизительно 15 килогр.; съ протяженіемъ крыльевъ отъ одного конца до другого около 7 метровъ, поверхностью крыльевъ въ 3 кв. метра и съ работоспособностью 0,37 лошадиной силы.

Туловище его было весьма мало, наоборотъ, кинжаловидный клювъ несоразмѣрно великъ, почти въ метръ длиною, безъ зубовъ и покрытъ кожей, подобно крокодиловой мордѣ.

Повидному, это животное обладало парящимъ полетомъ и, какъ у теперь живущихъ птицъ этого рода, его мускульная сила была относительно незначительна, соединенія же летательнаго аппарата съ тѣломъ, которое служило опорой, наоборотъ, прочны и крѣпки.

Животное не было покрыто перьями, и обладало необыкновенно нѣжнымъ и легкимъ строеніемъ костей; всѣ члены были такъ малы и слабы, что едва ли могли служить для схватыванія добычи, и годились развѣ только для расправленія крыльевъ. Животное, по всѣмъ вѣроятіямъ, питавшееся рыбой, захватывало добычу своимъ клювомъ, летая надъ водой.

Всѣхъ нынѣ живущихъ птицъ также можно подраздѣлить на такихъ, которые парятъ и такихъ, которыя летаютъ посредствомъ частыхъ взмаховъ крыльевъ. Для первыхъ, полетъ которыхъ иногда отличается необыкновенной продолжительностью, большее значеніе имѣетъ длина и поверхность крыльевъ, тогда какъ у послѣднихъ существенную роль играютъ ловкость крыльевъ и ихъ мускульная сила.

Вообще при полетѣ главное значеніе имѣютъ: вѣсъ тѣла, несущая (летательная) поверхность, сила, длина крыльевъ и ихъ подвижность (ловкость).

По математическому расчету оказывается, что способность къ полету вообще ограничена извѣстными предѣлами, такъ какъ въ то время какъ поверхность крыльевъ возрастаетъ пропорціонально квадрату, объемъ тѣла увеличивается уже пропорціонально кубу. Слѣдующая таблица Ланглея можетъ облегчить обзоръ этихъ данныхъ.

Название.	Вѣсъ тѣла въ килогр.	Ширина крыльевъ въ метрахъ.	Несущая по- верхн. въ кв. метр.	Лошад. сил.
Летательная машина Ланглея, пролета- вшая $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ мили .	15	—	5,4	1,5
Pterodactylus.	15	4	2,5	0,036
Кондоръ	8,5	3	1,0	0,043
Сарычъ (Buteo)	2,5	2	0,5	0,015
Дикій гусь.	4,5	—	0,265	0,026
Голубь	0,5	—	0,07	0,012
Колибри	0,0075	—	0,0026	0,001

Вѣсъ тѣла и летательная поверхность не всегда находятся въ одинаковомъ отношеніи; потребна одна лошадиная сила, чтобы нести слѣд. тяжесть:

Название.	Вѣсъ тѣла въ килогр.	Несущая по- верхн. въ кв. метр.	Квадратныхъ мет- ровъ несущ. пов. на 1 килогр.
Летательн. машина	10	3,6	0,36
Pterodactylus	415	69	0,14
Дикій гусь.	175	10	0,057
Голубь	40	3	0,075
Колибри	7,5	2,6	0,35

Таблица показываетъ, что мелкіе изъ летающихъ какъ, напр., колибри тою же силой (одна лошадиная сила) способны нести гораздо менѣ значительную тяжесть, чѣмъ большія животныя, какъ, напр., дикій гусь или Pterodactylus и кромѣ того несущая поверхность у первыхъ по отношенію къ вѣсу тѣла должна быть гораздо большей — Исключеніе изъ послѣдняго правила представляетъ Pterodactylus.

Интересно, кромѣ того, отмѣтить, насколько менѣ благоприятны условія дѣйствія летательной машины, сравнительно съ птицами и другими летающими животными.

Физика, техника.

Еще о радіи.—Это новое вещество,—пишетъ сотрудникъ «Нов. Вр.»,—грозило опрокинуть не только всѣ практическія примѣненія науки (?), но и самыя основы ея (?). Это вещество пріоткрываетъ предъ нами завѣсу въ таинственный міръ.

Представьте себѣ желтый порошокъ, похожій на крупныя крошки табаку.

«Одинъ граммъ этого вещества, не теряя ни вѣса, ни остальныхъ своихъ свойствъ, приводитъ въ кипѣніе 1 кубическій сантиметръ воды. Достаточно положить это загадочное вещество рядомъ съ сосудомъ съ водою, и черезъ часъ вода закипаетъ...

«Я сидѣлъ въ темной комнатѣ. Докторъ далъ мнѣ въ руки толстую картонную коробочку. Изъ нея изливался тихій, ровный, блѣдный таинственный свѣтъ. Я пріоткрылъ коробочку и увидѣлъ болѣе сильный, но все такой же таинственный свѣтъ. Онъ казался круглой звѣздочкой, онъ свѣтился, но не освѣщалъ. Когда же докторъ рядомъ съ нимъ поставилъ непроницаемый экранъ, то экранъ этотъ началъ изливаться такой же таинственный, голубоватый свѣтъ. А въ комнатѣ было такъ же темно. И, вдругъ, засвѣтились два маленькихъ блѣдныхъ фосфорическихъ глаза. То свѣтились два маленькихъ брилліанта на кольцѣ. Имъ далъ этотъ свѣтъ все тотъ же таинственный порошокъ въ видѣ крупныхъ крошекъ табаку.

— Возьмите коробочку и положите ее въ портсигаръ, а портсигаръ спрячьте въ карманъ,—сказалъ мнѣ ученый.

И на сюртукѣ моемъ засвѣтилось тѣмъ же голубоватымъ цвѣтомъ пятнышко.

— Но, докторъ,—сказалъ я,—вы даете зрѣніе слѣпымъ?

— Нѣтъ, я зрѣнія слѣпымъ дать не могу. Но я даю имъ сильное свѣтоощущеніе. Закройте глаза.

Я закрылъ глаза и почувствовалъ, что докторъ приблизилъ ко мнѣ какой-то предметъ. И сквозь закрытые глаза я увидѣлъ свѣтъ. Я не только видѣлъ его, но и опредѣленно указалъ, что свѣтъ этотъ подвинулся слѣва направо вверхъ.

— Вотъ видите, — сказалъ мнѣ врачъ, — вы съ закрытыми глазами уподобились слѣпому, но все-таки вы ощущаете свѣтъ. Десятого-восьми процентовъ слѣпыхъ, даже съ совершенно атрофированными глазными нервами, испытываютъ свѣтоощущеніе. Это чувство отличается отъ зрѣнія. Свѣтоощущеніе происходитъ отъ дѣйствія свѣта на всю сѣтчатку глаза, тогда какъ зрѣніе—отъ раздраженія только опредѣленныхъ точекъ сѣтчатки, гдѣ къ ней соприкасаются нервы. При атрофіи нервовъ происходитъ потеря зрѣнія, но не свѣтоощущенія. Теперь моя задача заключалась въ томъ, чтобы дать слѣпому возможность воспринять опредѣленное свѣтоощущеніе. А для этого необходимо, чтобы онъ былъ въ абсолютной темнотѣ и чтобы свѣтъ, воспринимаемый имъ, не освѣщалъ той среды, въ которой онъ находится. И вотъ радій совершенно удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Онъ даетъ на непроницаемомъ экранѣ ровный свѣтъ, причемъ комната остается въ абсолютной темнотѣ, и слѣпой воспринимаетъ только свѣтъ на экранѣ.

Мальчикъ, слѣпорожжденный, глядитъ на освѣщенный радіемъ экранъ.

— Что ты видишь?

— Свѣтъ.

Къ экрану подносится палочка.

— А теперь?

— Теперь уже не такой свѣтъ, на немъ полоска.

Къ экрану подносятъ двѣ палочки.

— А теперь?

— Двѣ полоски.

Подносится буква «о». Я забылъ прибавить, что мальчикъ грамотенъ и читаетъ бѣгло по рельефнымъ буквамъ. Онъ прекрасно «видитъ пальцами». Я забылъ еще сказать, что мальчика предварительно приучали переводить осязательныя представленія на свѣтоощутительныя. Онъ умѣлъ сочетать эти два разныя представленія. Далось это не сразу, въ нѣсколько уроковъ.

— А теперь?

— Кружокъ: буква о.

Идетъ опытъ съ цѣлымъ рядомъ буквъ. Мальчикъ ихъ успѣшно читаетъ. Затѣмъ къ экрану подносится простое слово: да.

— Ад,—говоритъ мальчикъ.

— Онъ читаетъ наоборотъ, — замѣчаетъ докторъ, — потому что на сѣтчаткѣ глаза получается обратное впечатлѣніе, а онъ еще не привыкъ понимать, что нужно произносить обратно свѣтоощутительному впечатлѣнію.

Слово «баба» мальчикъ читаетъ «абабъ», но послѣ нѣсколькихъ опытовъ, слѣпой начинаетъ координировать буквы обратно впечатлѣнію и читаетъ правильно.

— Вы видите,—объясняетъ докторъ, — что я не могу при помощи радія возстановлять зрѣнія. То, что умерло — умерло, и атрофированнаго

нерва не возстановить; но дать ощущение зрѣнія радій можетъ, и онъ его даетъ. Вотъ все, чего мы достигли. А что будетъ дальше въ этомъ направленіи—пока говорить рано.

Опытъ кончился. Мы вышли изъ темной комнаты.

— Правда ли,—спросилъ я,—что радій способенъ уменьшить вѣсъ тѣла, находящагося вблизи его?

— Да. Былъ сдѣланъ опытъ: на чашечку очень чувствительныхъ вѣсовъ былъ положенъ кусочекъ свинца вѣсомъ въ одинъ граммъ и уравновѣшенъ гирьками. Подъ чашечку, гдѣ лежалъ свинецъ, положили коробочку съ радіемъ, и черезъ нѣсколько минутъ свинецъ сдѣлался легче на доли миллиграмма. Чашечка съ гирьками перетянула коромысло.

— Законъ тяготѣнія нарушенъ?

— Да, повидимому..

— Но какъ? Почему?

— Тайна Божія *).

Но всего замѣчательнѣе то, что, производя всѣ эти сверхъестественныя явленія, передавая свои сверхъестественныя (?) качества приближающимся къ нему предметамъ, нагрѣвая сосѣднія тѣла, радій не теряетъ своихъ свойствъ, не теряетъ вѣса (?), не измѣняется ни на волосъ (?). Онъ является неизсякаемымъ источникомъ какой-то волшебной (?) энергіи, силы,—назовите это, какъ хотите.

Надо сказать, что радія въ чистомъ видѣ до сихъ поръ не добыто. То, что называется радіемъ—есть соединеніе его съ бромомъ, хлоромъ, при чемъ и это соединеніе не чисто, къ нему примѣшаны другіе элементы: барій, уранъ и т. д. Какова была бы его сила, если бы его удалось выделить въ видѣ металла, неизвѣстно. Но и въ нынѣшнемъ состояніи химическаго соединенія его сила и необычайна, и страшна.

Бесѣдовавшій со мной докторъ показалъ мнѣ на рукахъ уже присохшія ранки, которыя произошли отъ того, что онъ, работая съ радіемъ, держалъ коробочку въ рукахъ. Онъ показалъ мнѣ мышатъ, которые умираютъ потому что радій находился вблизи ихъ кѣтки. Онъ показалъ мнѣ таракановъ умирающихъ и умершихъ отъ близости радія.

Если укрѣпить радій по близости съ черепомъ человѣка, на разстояніи двухъ-трехъ сантиметровъ, онъ убьетъ, но по мѣрѣ удаленія «его губительное дѣйствіе уменьшается».

Въ этой замѣткѣ читатели не нашли, конечно, ничего для себя новаго; напротивъ, они могли убѣдиться, что она заключаетъ не мало вздора. Но написанная въ видѣ легкаго интервью, она прочтется съ интересомъ, тѣмъ болѣе, что многое представлено здѣсь довольно ярко.

Поглощаютъ ли радиоактивныя вещества энергію тяжести?—Часто высказывается предположеніе, что радиоактивныя вещества возстановляютъ затраченную энергію на счетъ энергіи тяжести. Недавно въ новой работѣ, Гейгель сдѣлалъ попытку, какъ сообщаетъ „Naturw. Wochenschrift“, доказать эту гипотезу на опытѣ: маленький свинцовый шарикъ, повидимому обнаруживалъ нѣкоторую потерю въ вѣсѣ, когда подвергался дѣйствію лучей радиоактивныхъ веществъ. Такъ какъ различія въ вѣсѣ шарика,

*) Для нашихъ читателей, ознакомившихся со свойствами радія не по репортерскимъ замѣткамъ, авторами которыхъ болѣею чѣстью бываютъ люди совершенно невѣжественные въ области естественныхъ наукъ,—никакой здѣсь „тайны Божіей“ не имѣется, а все легко объясняется необычайною быстротою и силою, съ которою частицы радія бомбардируютъ снизу чашку вѣсовъ; ясно, что послѣдняя должна нѣсколько подняться...

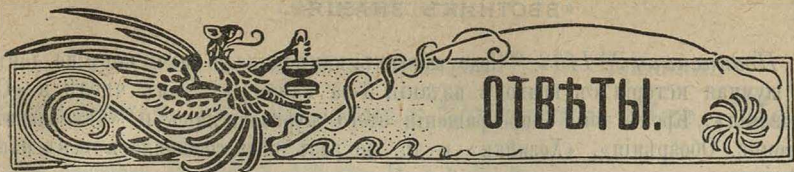

наблюдавшіяся этимъ изслѣдователемъ, какъ оказалось, оставались въ предѣлахъ ошибокъ опыта, то Т. Фрошъ (въ замѣткѣ, появившейся въ № 11 журн. «Physikalischer Zeitschrift») ставитъ себѣ задачу провѣрить выводы Гейгеля и съ этой цѣлью повторяетъ его опытъ въ нѣсколько измѣненной формѣ. По его изслѣдованіямъ оказывается, что по крайней мѣрѣ у того препарата радія, которымъ онъ пользовался, не существуетъ поглощенія энергіи тяжести, превышающаго $\frac{1}{25.000.000}$ долю массы свинцоваго шарика *).

Успѣхъ, достигнутый воздушнымъ кораблемъ Лебоди.—Вѣроятно, 8 мая 1903 г. ознаменуетъ собой въ послѣдствіи начало новой эпохи въ исторіи управляемыхъ воздушныхъ кораблей. Во всякомъ случаѣ, достигнутые братьями Лебоди результаты поразительны. На построенномъ инженеромъ Julliot управляемомъ шарѣ, получившемъ по своему цвѣту имя «le Jaune» (Желтый), удалось описать замкнутую линію въ 37 километровъ въ 1 ч. 36 м. Сантосъ Дюмонъ во время своего извѣстнаго полета изъ С. Клу, обогнулъ Эйфелеву башню, пролетѣлъ всего 11 килом. и такимъ образомъ превозойденъ теперь и въ продолжительность, и въ длинѣ пути полетомъ Лебоди. Поэтому французскія газеты съ полнымъ правомъ могутъ теперь писать, что «управляемое воздухоплаваніе вступило теперь въ область реального и практическаго осуществленія былыхъ мечтаній». Успѣхъ Лебоди вызываетъ, какъ пишутъ „Jeustr. Aero-naut. Mitteilungen“ подъемъ духа предпримчивости и изобрѣтательности въ этой области и, можетъ быть, побудитъ нѣкоторые правительства помочъ дальнѣйшимъ успѣхамъ воздухоплаванія, взявъ на счетъ государства нужныя для этого издержки. О происшедшемъ опытѣ управлявшій шаромъ Juchmès сообщаетъ слѣдующія подробности: я поднялся въѣсть съ механикомъ Rey, имѣя всего 120 kg. балласта, сильный дождь увеличилъ вѣсъ шара на 90 kg. При 800 поворотахъ винта мы пролетѣли надъ Деннемонъ (Dennemont) по направленію къ Менту (Ment); пройдя надъ городомъ съ запада, мы обогнули башню кафедральнаго собора и, пронесаясь надъ Лимэ (Limay), вернулись къ Майтскому вокзалу; здѣсь я увеличилъ число оборотовъ винта до 1.000, такъ какъ вѣтеръ на высотѣ 259 метровъ сталъ сильнѣе. Такимъ образомъ, легко преодолевъ сопротивленіе вѣтра, я сталъ держать курсъ прямо къ замку Рони; здѣсь надъ паркомъ я сталъ дѣлать повороты по всѣмъ направленіямъ, при чемъ шаръ прекрасно слушался руля; затѣмъ я вернулся къ навѣсу Муоссона; спускъ произошелъ на заранее опредѣленномъ для этого мѣстѣ передъ воротами. Употребляемый воздушнымъ кораблемъ Лебоди двигатель (Daimler-Mercedes-Motor) въ 35 лошадиныхъ силъ тотъ самый, который предполагалъ взять несчастный графъ Цепелинъ, для своего ново-отстроеннаго корабля, и вѣсить, по свѣдѣніямъ завода, 315,5 кило (около 20 пудовъ).

*) Мы уже замѣтили, что предполагаемая потеря тяжести вблизи радиоактивныхъ веществъ, надо полагать, происходитъ (если этотъ фактъ (?) доказанъ), какъ слѣдствіе бомбардированія испытуемаго тѣла частицами радиоактивнаго вещества. При этомъ, если послѣднее находится подъ чашкою вѣсовъ съ испытуемымъ тѣломъ, вѣсъ его, надо полагать, будетъ меньше, чѣмъ при условіи расположенія радиоактивнаго вещества сбоку: такъ какъ тогда дѣйствіе ударовъ частицъ на тѣло будетъ незначительно—въ зависимости отъ угла паденія этихъ частицъ. Напротивъ при расположеніи радиоактивнаго вещества надъ доннымъ тѣломъ, т. е. при совпадении направленія силы тяготѣнія съ „эманацией“, вѣсъ тѣла, вѣроятно, увеличится (въ зависимости отъ угла паденія на послѣднее частицъ радиоактивнаго вещества). Желательно было бы, чтобы ученые пожелали провѣрить это наше предположеніе.

Подписчику № 1676, въ Кіевъ.—На всѣ письма мы отвѣчаемъ. Отъ Васъ получаемъ первое письмо. Намъ ли Вы адресовали предыдущее? Въ послѣднее время замѣчается путаница съ доставкой корреспонденціи, адресуемой нашему журналу и книгоиздательской формѣ «Знаніе»... — Противъ сотрудничества по предлагаемому Вами вопросу мы ничего не имѣемъ при условіи интереса и основательности статей. Кромѣ того, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на необходимость широкой постановки вопроса: очень полезно дать такой очеркъ, въ которомъ Ваши положенія иллюстрировались бы описаніями постановки физическаго воспитанія въ Англіи и др. странахъ. Подобныя статьи возможны только при условіи трактованія вопроса съ общественной точки зрѣнія, всякія же статьи, направленные къ простому культивированію спорта, не отвѣчаютъ достоинству журнала и могутъ найти мѣсто въ другихъ изданіяхъ, называть которыя не считаемъ нужнымъ.—Въ интересующей Васъ статьѣ Вы, очевидно, не обратили вниманія на то, что она представляетъ собою вступительную лекцію къ цѣлому «курсу», читанному этимъ ученымъ, а этотъ курсъ, естественно, не можетъ быть напечатанъ въ журналѣ. Одинъ профессоръ, обѣщавшій дать статью по этому вопросу, назначилъ срокъ присылки ея еще два мѣсяца тому назадъ, но до сихъ поръ, несмотря на напоминанія, не доставилъ. Подобная неаккуратность—дѣло очень обычное, вотъ почему мы, вообще, избѣгаемъ говорить о статьяхъ обѣщанныхъ, но еще не доставленныхъ. Впрочемъ, если этотъ вопросъ Васъ сильно интересуетъ, то очень полное его изложеніе Вы найдете въ первомъ томѣ «На Рубежѣ Столѣтій» В. В. Бятнера.—Что касается статей Вельше, котораго мы тоже очень цѣнимъ, приходится замѣтить, что, къ сожалѣнію, давать ихъ въ каждомъ № невозможно. Въ приложеніяхъ же порядокъ еще менѣе отъ насъ зависитъ, такъ какъ тутъ приходится считаться съ «независящими» обстоятельствами и давать иногда во избѣжаніе слишкомъ большой задержки выхода № другое, запасное приложеніе.—Словарь Филиппова довольно хорошъ, если имѣются въ виду научныя справки. Но, къ сожалѣнію, въ немъ очень много опечатокъ, и изданіе отличается большою непланомѣрностью. Другой указанный Вами словарь также довольно хорошъ; оба изданія преслѣдуютъ разныя цѣли, а потому «несопзмѣримы».

Подписчику № 2269.—Журналъ «Н. Об.», какъ слышно, не выходитъ (свѣдѣнія имѣемъ отъ нѣкоторыхъ бывшихъ сотрудниковъ этого журнала). Будетъ ли онъ продолжаться—не знаемъ. Сомнительно.

Подписчику № 1223.—Въ виду извѣстнаго краха изданій д-ра Рамма и всеобщей паники среди подписчиковъ, мы не считали возможнымъ затрачивать значительныя суммы на рекламы и предпочли другой путь: сначала заслужить довѣріе читателей, доведя журналъ до конца года при самыхъ худшихъ условіяхъ. Только выполнивъ всѣ обязательства передъ подписчиками, несмотря на громадный убытокъ въ теченіе этого года, мы будемъ имѣть нравственное право выступить въ будущемъ году съ новыми обѣщаніями, которыя, читатели могутъ быть увѣрены, будутъ выполнены не менѣе добросовѣстно. Теперь мы ограничились лишь однимъ объявленіемъ въ двухъ, трехъ распространенныхъ журналахъ о томъ, что, именно, дано въ теченіе перваго полугодія, и что будетъ помѣщено во второмъ.—Можете быть спокойны, что журналъ не только будетъ продолжать выходить, но скоро мы достигнемъ и аккуратнаго его выпуска, несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ «дружественныхъ» газетъ, сообщавшихъ въ «почтовомъ ящикѣ» о якобы прекращеніи «В. З.».—За сочувствіе спасибо. Реформы могутъ быть сдѣланы только съ началомъ будущаго года.

Подписчику № 1493.—Недоумѣваемъ, какъ могла до сихъ поръ не дойти до Васъ шумная исторія съ крахомъ изданій д-ра Рамма, въ томъ числѣ и «Самообразования». Кромѣ того о прекращеніи этого журнала, какъ и «Саморазвитія», «Живопис. Обзорнія», «Хозяйки» и др. не разъ вѣдь сообщалось и въ нашихъ «отвѣтахъ».

Подписчику № 2332.—Переплеты будутъ; на нихъ скоро откроется подписка.—«В. Зн.» имѣетъ въ виду самый широкій кругъ читателей. Его приложенія, въ особенности, «Общед. Унив.» рассчитаны на самого неподготовленного читателя (могутъ читать и Ваши дѣти). «Читальня» и отчасти «Энцикл. Библ.» имѣютъ цѣлью удовлетворить какъ вполне интеллигентнаго читателя, такъ и ищущаго самообразования. Самъ журналъ имѣетъ въ виду преимущественно интеллигентнаго читателя, хотя только очень немногія статьи представляютъ затрудненія для пониманія очень широкимъ кругомъ (мы заботимся и здѣсь, чтобы научность изложенія не исключала возможности пониманія статьи возможно менѣ подготовленнымъ читателемъ). Кромѣ того, чтеніе приложений даетъ возможность читателю постепенно получать недостающія свѣдѣнія, развиваться и такимъ образомъ понять впоследствии тѣ статьи журнала, которые въ первое время представляли извѣстныя затрудненія. Такимъ образомъ, благодаря созданному нами типу журнала, подобнаго которому до сихъ поръ не было даже и за границей, у насъ получился очень широкій кругъ читателей: на ряду съ высшею интеллигенціею, — профессорами высшихъ учебныхъ заведеній, студентами, врачами и т. п. мы имѣемъ подписчиковъ среди простыхъ рабочихъ и едва грамотныхъ, но мыслящихъ крестьянъ, обращающихся къ намъ съ вопросами и выраженіями благодарности за журналъ, которымъ они «довольны».

Подписчику Е. Г. А.—ву въ Тифлисѣ.—Ваше письмо только что получено, поэтому до наведенія справокъ отвѣтимъ только пока на то, что можемъ.—Объ «Абиссиніи» есть нѣсколько книгъ разнаго достоинства, но на русскомъ порядочнаго насколько намъ извѣстно, почти ничего, — справимся. О картѣ и прочемъ соберемъ свѣдѣнія. Если знаете иностранные языки—легче будетъ указать.—Вы пишете, что выписали «Самообразование», «Вѣстникъ и Библіотеку Самообразования», «Вѣстникъ Знанія», «Мірской Толкѣ». Изъ нихъ только одинъ нашъ журналъ «остался вѣрнымъ», хотя и тотъ «получается неаккуратно». Что «Самообразование» прекратилось — это мы не разъ сообщали. О «Мірскомъ Толкѣ» не имѣемъ свѣдѣній — справимся; что же касается журнала г. Ефрона «Вѣстн. и Биб. Самообр.», то въ послѣднее время многіе наши подписчики жалуются на неполученіе этого изданія; но мы не имѣемъ понятія о причинахъ его невысылки. Былъ даже слухъ, повидимому, невѣроятный (такъ, какъ журналъ издается богатою фирмою), что онъ прекратилъ свое существованіе. Эти жалобы заставляютъ насъ навести справки; пока же ничего сказать не можемъ положительнаго. Нашъ журналъ скоро нельзя будетъ упрекнуть и въ неаккуратности выхода...

За выраженія сочувствія и пожеланія приносимъ сердечную благодарность. Всѣ практическія совѣты и желанія будутъ приняты во вниманіе въ будущемъ году, кое-что сдѣлаемъ, впрочемъ, и въ текущемъ, но измѣненіе шрифтовъ теперь среди года неудобно.

Книги, присланныя для отзыва.

Н. Кажановъ. Психика жизни. (Логическое изслѣдованіе). Ц. 30 к.

П. А. Россіевъ. Безъ героевъ. Ц. 70 к.

Вас. Ив. Немыровичъ - Данченко. Сказки дѣйствительности. Изд. Соѣкина. Ц. 1 р. 50 к.

Поступили въ продажу изданія П. П. Сойкина:

Сочиненія Немировича-Данченко Вас. Ив.

Иду на васъ! 272 стр. Цѣна 1 р.
 Два дневника. Въ 3-хъ ч. 428 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Облѣтъшія листья. 456 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Залетный копчикъ. 256 стр. Ц. 1 р.
 Рубиновая брошка. 3-е изд. 276 стр. Ц. 1 р.
 Сластеновскіе миллионы. 4-е изданіе. 420 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Ежевыя рукицы. 2-е изд. 352 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Жертва покаянная. 2-е изд. 272 стр. Ц. 1 р.
 Святочные рассказы. 3-е изд. 416 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 У океана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. Въ 2-хъ т. 756 стр. 5-е изданіе. Цѣна 2 р. 50 к.
 Великій старикъ. 2-е изд. 264 стр. Ц. 1 р.
 По закону. 3-е изд. 352 стр. Ц. 1 р. 25 к.
 Плевна и Шипка. Въ 2-хъ ч. 4-е изд. 572 стр. Ц. 2 р. 50 к.
 Новъ и старъ. 3-е издан. 394 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Годъ войны. 3-е изданіе. Въ 3-хъ томахъ. 1140 стр. Ц. 4 р. 50 к.
 Подневольные странники. Изданіе 2-е. 290 стр. Ц. 1 р.
 Страна холода. Изд. 2-е. Въ 2-хъ томахъ. 800 стр. Ц. за 2 тома 3 р.
 Болотные огни. Изд. 3-е. Въ 2-хъ част. 384 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Голоса жизни. Изд. 2-е. 416 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Сказки дѣйствительности. Изд. 2-е. 448 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 Великая рѣка. (Картины изъ жизни и природы на Волгѣ). 158 стр. Ц. 50 к.
 Скобелевъ. Въ 2-хъ част. Изд. 4-е. 368 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Э. Б. Осетрова:

Сорокъ пьесъ изъ жизни народа. Одноактныя драмы, комедіи и шутки 822 стр. съ 40 рисунками художника А. Апсита. Цѣна 2 руб.

ОДОБРЕНЫ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати къ представленію въ народныхъ театрахъ и на сценѣ безусловно.

РЕКОМЕНДОВАНЫ Г. Министромъ Финансовъ къ постановкѣ въ народныхъ театрахъ Общества трезвости.

Драмы, комедіи, водевили и фееріи. 1) Шутъ Балакиревъ. Историческая ком. въ 4-хъ дѣйств. 2) Русскіе богатыри. Драма въ 4-хъ дѣйств. 3) Уголовное дѣло «Убийство на мельницѣ». Драма въ 5 дѣйств. 4) Господа на часъ. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств. 5) Домъ сумасшедшихъ. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств. 6) Домашній воръ. Комедія въ 1-мъ дѣйств. 7) Маня Гроссъ (Ворона). Комедія въ 1-мъ дѣйств. 8) Сапоги ушли. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств. 9) Подъ арестомъ. Комедія въ 1-мъ дѣйств. 10) Ночная тревога. Водевиль въ 1 дѣйств. 11) Изъ петли въ петлю. Водевиль въ 1-мъ дѣйств. 12) Чортъ чорта хитрѣе. Водевиль въ 1-мъ дѣйств. 13) Канарейка. Картина съ натуры въ 1-мъ дѣйств. 14) Крашеныя зять. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств. 15) Путаники. Водевиль въ 1-мъ дѣйств. 16) Тысяча рублей. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств. 17) Женихъ въ критическомъ положеніи. Водевиль въ 1-мъ дѣйств. 18) Заколдованный пѣтухъ. Народная феерія въ 7 картин. 480 стр. Ц. 1 р.

ОДОБРЕНЫ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати къ представленію въ народныхъ театрахъ и на сценѣ безусловно.

РЕКОМЕНДОВАНЫ Г. Министромъ Финансовъ къ постановкѣ въ народныхъ театрахъ Общества трезвости.

На родной землѣ. Повѣсти и рассказы изъ народнаго (ыта. 1) Метель.—2) До горькаго конца.—3) Страшная ночь.—4) Ночь послѣ Бородинской битвы.—5) Солдатикъ.—6) Посидѣлки.—7) На родинѣ.—8) Тревога на большой дорогѣ.—9) Деревенская свадьба.—10) Утопленникъ.—11) Рабочая пора.—12) Подъ огнемъ.—13) Сиротская копѣйка.—14) Разбитое сердце.—15) Чужая жен.—16) Рыбаки.—17) Домовой.—18) Казачій пикетъ.—19) Барыня.—20) Оборотень. — 410 стр. съ 20 рисун. Ц. 75 коп. Въ отдѣльномъ изданіи каждый рассказъ стоитъ 10 коп., съ перес. 15 коп.

Шутъ Балакиревъ. Повѣсть изъ временъ царствованія Петра Великаго. Къ 200-лѣтію С.-Петербурга. 136 стр. Цѣна 40 к.

Жизнь животныхъ А. Брэма. Роскошное иллюстрированное изданіе въ 3-хъ томахъ, 1500 страницъ большого формата, съ

700 рисунками и 6 хромолитографированными таблицами, изображающими: I. Австралийскую фауну. — II. Эфиопскую. — III. Неотропическую. — IV. Арктическую. — V. Восточную. — VI. Фауну океана. Переводъ съ послѣдн. нѣмецкаго изданія, подъ редакціею доктора зоологіи *А. М. Никольскаго*. Цѣна за 3 тома 6 руб., въ роскошн. перепл. 8 р. Пересылка за 8 фунтовъ

Очерки изъ животнаго царства. Животныя въ мифахъ, преданіяхъ, исторіи и біологіи. Составилъ *А. В. Зеленинъ*. 180 стран. Цѣна 1 р., въ роскошн. перепл. 1 р. 50 к.

Земля и ея народы. Соч. *Ф. Гальвальда*. Полное руководство по отечествоведѣнію, въ 4-хъ том., 1700 стр., до 700 рисунк., 6 картъ и алфав. указ. Перев. съ послѣдн. нѣм. изд., подъ ред. дѣйств. чл. Имп. Русск. Географ. Общ. *Ф. С. Грудзева*.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ОДОБРЕНЫ** для фонд. и ученич., старш. возр., библиотекъ и реальн. уч., для библиотекъ учит. инст. и семинар. и **ДОПУЩЕНЫ** въ безпл. народн. чит.

Цѣна за всѣ 4 тома 8 р., въ роскошн. коленкор. перепл. 10 р. Перес. за 9 фунтовъ.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Обработаны *А. В. Зеленинымъ*, въ формѣ разсказовъ. Въ 2-хъ том. больш. формата, около 1000 стран., съ рисунками и картою путешествія.

Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен., ст. возр., библиотекъ, средн. уч. зав. и городск. уч., въ библиотекы учит. инст. и семинар. и въ безплатн. народн. читальн.

Цѣна за 2 тома 4 рубля, въ коленкор. перепл. 5 р. Пересылка за 5 фун.

Путешествіе на кораблѣ Бигль. Извѣстнаго всемірно ученаго *Чарльза Дарвина*. Переводъ съ англ. дра *К. З. Якута*. 176 стр., съ 78 рисунк. Цѣна 1 р., въ коленкор. перепл. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова. Изданіе 6-е, съ портретомъ, біографіей автора, въ 4-хъ томахъ. Цѣна за всѣ четыре тома 7 руб., въ переплетахъ 9 руб. Пересылка за 10 фунтовъ, по разстоянію.

Деятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій, подъ общей редакціей *М. М. Филиппова*. Большой томъ, около 500 стран. текста, на веленовой бумагѣ, съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей, отпечатанными на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 2 р., съ пересылк. 2 р. 50 к. Въ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

На рубежѣ столѣтій. Роскошное иллюстр. изданіе въ 2-хъ томахъ свыше 120 стр. текста со множествомъ картинъ, таблицъ, хромолитографій и болѣе 600 рисунковъ художниковъ: Каразина, Казанцева, Кившенко, Котляревскаго, Самокиша, Панова, Піотровича, Соколовскаго, Самокиш-Судковской, Овсянникова, Чикина, Дорэ, Ріу, Жирара, Шпехта, Кунерта и друг. Обзоръ главнѣйшихъ научныхъ и культурныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка. Составилъ *В. В. Битнеръ*. Цѣна каждого тома 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Энциклопедическій словарь. Составленъ подъ редакціею доктора философіи *М. М. Филиппова*, ред. журнала «Научное Обозрѣніе». Въ трехъ томахъ (болѣе 130 печатн. лист.), 3500 столбцовъ убористой печати формата словарей Брокгауза и Мейера. Цѣна за 3 тома 5 руб., въ переплетахъ 7 руб. Пересылка за 8 фунтовъ.

Общедоступная философія въ излож. *А. Тресса*.

ГОБСЪ Левіафанъ. О человѣкѣ (психологія). О государствѣ.

ГУГО-ГРОЦІЙ. О правѣ войны и мира.

Цѣна каждой книги 40 коп.

Графъ В. А. Переровскій и его зимній походъ въ Хиву, въ 2-хъ частяхъ. *И. Н. Захарьина (Якутина)*. 216 стран., съ 2 портретами. Цѣна 1 р. 50 к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **ОДОБРЕНО** для фонд. библиотекъ, ср. учебн. зав., для учит. библиотекъ, учит. инст. и семинар. и гор. уч. и безпл. народн. чит.

Хива. Зимній походъ въ Хиву графа Переровскаго въ 1839 г. Первое посольство въ Хиву въ 1842 г. *И. Н. Захарьина (Якутина)*. 206 стр. Цѣна 50 к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **ОДОБРЕНО** для фонд. библиотекъ, всѣхъ средн. учебн. зав.

Всѣ эти книги можно выписывать черезъ контору „Вѣстника Знанія“. Кузнецкій пер., 2, кв. 1, С.-Петербургъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1903 годъ (14-й годъ изд.)
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія

„Природа и Люди“

Всѣ подписчики получаютъ

за ШЕСТЬ р. ПЯТЬ изданій съ пер. и дост.:

1) еженедѣльное

52 № ХУДОЖЕСТВ. ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛА.
Въ журналѣ помѣщаются: очерки, романы, повѣсти, разск., попул.-научн. статьи. **ПРИРОДА И ЛЮДИ**

2) ежемѣсячное

12 КНИГЪ СОЧИН. Вас. Немировича-Данченко
болѣе 2000 стран.
Кн. I. ВЕЛИКАЯ РЫБА. Кн. II и III. БО-
ЛОТНЫЙ МИРАЖЪ. Кн. IV. ДВА РАЗРЫВА. Кн. V. У ГОЛУБОГО МОРЯ. Кн. VI и VII. СКОБЕЛЕВЪ. Кн. VIII. ПОДЪ ГОРЯЧИМЪ
СОЛНЦЕМЪ Кн. IX. СТРАННИКИ. Кн. X. НА ДАЛЕКОМЪ СѢВЕРѢ. Кн. XI.
СЛУЧАЙНЫЯ ВСТРѢЧИ. Кн. XII. ВЪ ЗАХОЛУСТЯХЪ.

3) ежемѣсячное

12 КНИГЪ СЪ РИС. болѣе 2400 стран.
Собраніе сочиненій извѣстнаго совре- **БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ**
меннаго автора

Райдера Хаггарда Кн. I. КЛЕОПАТРА. Кн. II. ЭРИКЪ СВѢТ-
ЛОКІЙ. Кн. III. СЕРДЦЕ МІРА. Кн. IV.
ДОЧЬ МОНТЕЦУМЫ. Кн. V. ЛЮДИ ТУМАНА. Кн. VI. ОНА. Кн. VII. ЖЕМЧУ-
ЖИНА ВОСТОКА. Кн. VIII. МЕЧТА МІРА. Кн. IX. НАДА. Кн. X. АЛЛАНЪ БВА-
ТЕРМЕНЪ. Кн. XI. ЗАВѢЩАНІЕ МИСОНА. Кн. XII. Д-РЪ ТЕРНЪ.

4) ежемѣсячное

По поводу празднованія 200-лѣтія основанія Петербурга Петромъ Великимъ.
12 КНИГЪ БОЛЬШ. ФОРМ. 800 стр.
и до 200 гравюръ, портретовъ и рисунковъ. Сочин. всемірно-извѣстн. проф. русской
исторіи А. Г. Брикнера.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Первое изданіе (А. С. Суворина) стоило 15 руб., а въ настоящее время соста-
вляетъ библіографическую рѣдкость и стоитъ до 25 руб.

5) настольное роскошно иллюстрир. изданіе

Поэма Гете РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ

12 ПЪСЕНЪ до 20 печ. листовъ 160 страницъ большого формата. Полный переводъ
(безъ сокращеній) М. Достоевскаго, съ 62 рисунками художн. Каульбаха.
Заграничн. нѣмецкое изданіе стоитъ около 30 р., русск. (А. Ф. Маркса)—12 р.
Уплатившіе сполна подписную сумму получаютъ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ»

НЕМЕДЛЕННО (съ № 1 журнала).

Подписка принимается у издателя журнала «Природа и Люди» П. П. Сойкина.
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

Съ конца августа мѣсяца сего года будетъ выходить въ свѣтъ еженедѣльное изданіе Нижегородскаго Губернскаго Земства

„Нижегородская Земская Газета“.

Цѣли изданія ея—ознакомленіе населенія Нижегородской губерніи съ дѣятельностью земства во всѣхъ его направленіяхъ, освѣщеніе хозяйственныхъ нуждъ населенія, сообщеніе полезныхъ свѣдѣній и содѣйствіе подъему народнаго благосостоянія и образованія.

Программа „Нижегородской Земской Газеты“:

- I) Правительственныя распоряженія;
- II) Земское дѣло, продовольственное и страховое;
- III) Народное Образованіе;
- IV) Специальныя статьи: а) сельское хозяйство, б) медицина, в) ветеринарія;
- V) Отзывы о книгахъ по сельскому хозяйству и промышленности;
- VI) Хозяйственная жизнь губерніи и Россіи;
- VII) Сообщенія мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ;
- VIII) Обзоръ текущихъ общепользныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и промышленности.
- IX) Отвѣты на вопросы по сельскому хозяйству и промышленности;
- X) Свѣдѣнія о погодѣ;
- XI) Справочный отдѣлъ;
- XII) Объявленія.

Газета будетъ выходить ЕЖЕНЕДѢЛЬНО въ размѣрѣ 1—1½ печатнаго листа.

Подписная плата: съ сентября 1903 года по 1-е января 1904 года — 35 коп. для жителей Нижегородской губерніи и 70 к. для иногубернскихъ.

Въ розничной продажѣ цѣна номера 5 к., съ пересылкой 7 к.

Газета разсылается бесплатно гг. гласнымъ земствъ Нижегородской губерніи, въ народныя библіотеки-читальни, въ земскія школы, волостныя правленія, сельскохозяйственнымъ корреспондентамъ земства и проч. въ количествѣ до 300 экз.

Плата за объявленія впереди текста—20 коп. за строку петита. позади текста—10 к.; при повтореніяхъ уступка по соглашенію;

Подписка принимается въ Нижегородской Губернской Земской Управѣ. Статьи и корреспонденціи адресовать въ Нижній-Новгородъ, Предсѣдатель Управы, для „Земской Газеты“.

Отвѣтственный редакторъ,

Предсѣдатель Нижегородской Губернской

Земской Управы А. Савельевъ.

Открыта подписка на **1903** годъ (изд. XVIII годъ)

1 РУБ. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ **РУБ. 1**
За 2 мѣсяца съ дост. и перес.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ.

Подъ редакцію **А. И. ПОПОВИЦКАГО** и при участіи

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

52 №№ ЖУР. до 2000 СТОЛБЦ. ТЕКСТА и до 300 ИЛЛЮСТР. Очерки, рассказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и предан. русск. старины, отклики на вопросы современной жизни.

12 КНИГЪ до 2400 СТРАН. УБОРИСТОЙ ПЕЧАТИ, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, описаніе святыхъ и т. п.

и, кромѣ того, **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 КНИГЪ до 1000 стран. ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНАГО ТРУДА ДОСТОЧТИМАГО АВТОРА ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служить прекраснымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій пастырь апостольскимъ завѣтомъ: «Подражайте мнѣ, какъ и я Христу».

2 КНИГИ (Болѣе 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана)
**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА.**

Составилъ **А. А. Павловскій**, специально въ началѣ 1902 года командированный отъ редакціи «Русскаго Паломника» на Афонъ и въ Палестину.

Двѣнадцать кн., Русск. Пал. "Будутъ содержать:

1) Отецъ Герасимъ. Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ турецк. игомъ. *Д. Ильича.*

2) За братьевъ-славянъ. (По поводу 25-л. войны 1871—78 гг.). *И. В. Преображенскаго.*

3) Старецъ Серафимъ и Саровская пустынь. *С. А. Архangelова.*

4) Минувшій судьбы Петербургскаго края. Церковно-истор. оч. *Θ. В. Четверкина.*

5) Федосеевскій владыка. Повѣсть изъ исторіи раскола. XVIII в. *Н. Н. Алексѣева-Кулигуриева.*

6) Адеискій годъ. (Езуиты въ Россіи). Церковно-историческ. хроника. *Н. О. Лисарева.*

7) Богомъ отмѣченный. Быль изъ жизни старца-подвижника. *Г. Т. Стергичева.*

8) Жизненные вопросы. (По сочиненію Фомы Франка). *Н. П. Дзигубскаго.*

9) На стражѣ православія. Повѣсть изъ жизни украин. духов. XVIII в. *В. А. Радича.*

10) Сонъ великаго хана. Историческая повѣсть. *М. Н. Лебедева.*

11) «Господь воцарится». Десять картинъ славы Господа Іисуса Христа. *В. Моно. Переводъ С. Моложавого.*

12) Подъ гнетомъ уни. Историческая повѣсть изъ быта Вѣлороссіи XVIII вѣка. *Н. Стрѣшневца.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Спб. **пять** руб., съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **шесть** руб., за границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальные

Главная Контора: Спб., Стремянная ул., 12, собственный домъ.

„Tygodnik Illustrowany”

daje rocznie przeszło 1200 ilustracyi, nadto w r. 1903 ofiarowuje
prenumeratorom

4 PREMJA ARTYSTYCZNE

w reprodukcjach KOLOROWYCH albo DRZEWORYTNICZYCH, do
oprawienia. W Styczniu 1903 roku otrzymali wszyscy prenumeratorzy
KOLOROWĄ REPRODUKCYĘ obrazu Wacława Pawliszaka

«KSIAŻE JÓZEF POD RASZYNEM».

Tygodnik drukować będzie w 1903 między innemi nową powieść
Stefana Żeromskiego z cyklu historycznego «POPIOŁY», a w
dodatkach bezpłatnych niezależnie od przekładów.

12 tomów Sienkiewicza od N. R.

„KRZYŻACY”

Prenumerata Tygodnika Illustrowanego z dodatkiem po-
wieściowym i 12 tomami dzieł Sienkiewicza wynosi:

w Warszawie kwartalnie rb. 2, rocznie rb. 8, z przesyłką
pocztową rb. 3, rocznie rb. 12.

Adres: Krak. Przedm. № 17, w Warszawie.

Къ свѣдѣнію авторовъ и подписчиковъ.

1) Присылаемыя авторами и переводчиками подъ *заказными бандеролями* рукописи должны быть *четко* написаны, только на одной сторонѣ листа, съ оставленіемъ полей и нумераціею страницъ.

2) Рукописи могутъ быть измѣняемы и сокращаемы; если авторъ не желаетъ измѣненій, то долженъ упомянуть объ этомъ въ началѣ рукописи. Въ такомъ случаѣ, если, по редакціоннымъ соображеніямъ, безъ измѣненій рукопись печатаема быть не можетъ—она возвращается автору. Рукописи менѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа и стихотворенія не возвращаются и по поводу ихъ редакция не ведетъ переписки.

3) При всѣхъ сношеніяхъ съ редакціею и конторою необходимо прилагать на отвѣтъ марку, а если прислана рукопись, то для полученія ея обратно нужно прислать соотвѣтственное число марокъ на отправку *заказною* бандеролью; въ противномъ случаѣ стоимость пересылки взыскивается наложеннымъ платежомъ.

4) Каждая рукопись должна быть снабжена подписью автора или переводчика и его подробнымъ адресомъ; на переводахъ же, кромѣ того, нужно упомянуть названіе сочиненія въ оригиналѣ, имя автора и пр. Если оригиналъ данъ редакціею, переводчикъ долженъ возвращать все вмѣстѣ съ рукописью, чтобы не произошло задержекъ въ эличеніи оригинала съ переводомъ. Размѣръ присылаемыхъ статей желателенъ не болѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа.

5) Гонораръ выдается послѣ напечатанія одинъ разъ въ мѣсяцъ; отправка денегъ на счетъ получателя. *Авансы ни въ какомъ случаѣ не выдаются.*

6) Переводы поступаютъ въ полную собственность издателя. То же относится и къ статьямъ, помѣщаемымъ въ приложеніяхъ къ журналу, если не было особаго соглашенія.

7) Редакция ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять на себя обязательства сохраненія порядка даваемыхъ приложеній и оставляетъ за собою право замѣнять, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, одно сочиненіе другимъ приблизительно однороднымъ и равноцѣннымъ.

8) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 к. почт. марками; при перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р., а иногороднаго на городской—50 к.

9) При заявленіяхъ о неполученіи № журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать адресъ бандероли, по которому высылается журналъ, или сообщить его №. Безъ этого условія наведеніе справокъ и исполненіе просьбъ очень затруднительно.

Адреса просить писать четко, иначе часто совершенно *невозможно* исполнить просьбу подписчика.

10) Жалобы на неисправность доставки, согласно почтовымъ правиламъ, направляются въ контору редакціи не позже полученія слѣдующаго № журнала.

11) Контора не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій жел. дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

12) Всѣ заявленія, касающіяся подписки, необходимо адресовать въ контору «Вѣстника Знанія», С.-Петербургъ, Кузнечный пер., д. № 2, кв. 1, уголъ Владимірскаго проспекта. По литературнымъ же вопросамъ непосредственно ред.-изд. Вильгельму Вильгельмовичу ф.-Битнеру.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ“.

Редакторъ-Издатель В. В. БИТНЕРЪ.

Журналъ «Вѣстн. Знанія» является не специальнымъ, а общелитературнымъ и притомъ единственнымъ «толстымъ» (ежемѣс.) иллюстр. журналомъ. Стремленіе къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества, всестороннее освѣщеніе вопросовъ дѣйствительности—составляютъ задачи «Вѣст. Знанія», который, избѣгая доктринерства, явится строго прогрессивнымъ органомъ. Къ «Вѣст. Знанія» дается **36 кн. безпл. прилож. для самообразованія:**

12 книж. „Общедоступнаго Университета“ — систематич. курсъ природовѣдѣнія. Масса иллюстрацій и картинъ въ краскахъ.

12 книж. „Энциклопедической Библіотеки“ для самообразованія. Рядъ самостоятельныхъ популярно-научн. сочиненій. Рисунки, портреты, картины въ краскахъ.

12 книж. Читальни «Вѣст. Знанія» — рядъ сочиненій для легкаго самообразовательнаго чтенія, имѣющаго въ виду широкое образованіе.

Въ первомъ полугодіи въ „ОБЩЕДОСТ. УНИВЕРСИТЕТѢ“ помѣщено: „Вода въ природѣ“ въ 2 част.; „Атмосфера“ въ 3 част.; „Теплота“ въ 3 част., 1 и 2 част. Въ „ЭНЦИКЛОПЕД. БИБЛІОТЕКѢ“ дано: 1) „Панорама Вѣковъ“ очеркъ всемірн. исторіи Вебера; 2) Истор. міросозерцанія В. Бельше; 3) Руководство для собиранія коллекцій; 4) Истор. соврем. естествознанія В. Бельше; 5) Астрономическіе вечера Бреннера и Бельше; 6) „СИСТЕМАТИЧ. СЛОВАРЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ НАУКЪ“ въ 2 ч., ч. I.

Въ „ЧИТАЛЬНѢ“ помѣщено: 1) „Мультипли и его произведенія“; 2) Великія легенды человечества М. Д'Юмьякъ (Брама, Кришна, Прометей, Вѣчный жидъ, Амуръ и Психея, Фаустъ и др. съ рис.); 3) „Женщина“ Г. Мено; (съ рис.). 4) „Соврем. медицина и предѣлы врачевн. знанія“ Э. Бернацкаго; 5) „Соціальныя утопіи“; 6) Литературные портреты („Ибсенъ“—Брандеса, „Гауптманъ“—Маршалль и „Метерлинкъ“ Гартмана) (съ портр.).

Во второмъ по угодіи даются въ „ОБЩ. УНИВ.“ 3 часть „Теплоты“, „Свѣтъ“, „Звукъ“, „Лучи и волны“ проф. Шписа. Въ „ЭНЦИКЛ. БИБЛ.“: 7) „Истор. всемір. литературы“ Ф. Лопіе; 8) „Популярная химія“ съ прилож.: В. Битнера, „Общедост. химич. анализъ почвы“; 9) „Сист. словарь экономич. наукъ“, ч. II; 10) „Происхожд. органич. жизни“ Бельше; 11) „Исторія искусствъ“ Ру; 12) „Основы развитія органич. міра“, Бельше. Въ „ЧИТАЛЬНѢ“ 7) „Обществ. политич. и извъ Запада“ (съ рис.), 8) „Гипнотизмъ и родств. явленія въ наукъ и жизни“ В. Битнера; (съ рис.) 9) „Историч. загадки“, 10) „Современ. театр“ (съ рис.), 11) „Избранные парадоксы“ Нордау; 12) „Колыбель русскаго державства“ В. Битнера. Почти всѣ эти книги иллюстрированы многочисл. рис., частью даже въ краскахъ.

Изъ авторовъ, произведенія которыхъ уже помѣщены въ „Вѣстн. Знанія“ назовемъ: проф. Е. Аничкова, Бельмонта, Берачжэ, Броунинга, пр. доц. Бернацкаго, С. Васюкова, Юрія Веселовскаго, Л. Горскаго, П. Ге, А. Деграна, Ле-Дантека, проф. Дейчера, проф. Заборовскаго, проф. Ивановскаго, проф. Исаева, Л. Клейнборта, проф. Максима Ковалевскаго, проф. П. Ковалевскаго, пр.-доц. Д. Коропчевскаго, проф. Королькова, А. Ленессана, проф. Леба, д-ра Либиха, Вас. И. Немировича-Данченко, А. Николаева, свящ. Г. Петрова, Г. Пилипенко, пр. А. Радцига, Л. Рускина, проф. Сиджвика-Мино, проф. Струве, пр. Тамамшева, А. Такена, В. Тюрна, пр. К. Фламмаріона и мн. др. Общаны и частью*присланы статьи: проф. Апостола, проф. Гамбарова, проф. Де Грефефа, проф. Волкова, проф. Лесгафта, Н. Каразина, проф. Клейна, проф. Эли Реклю, проф. Шукича и мн. др. русскихъ ученыхъ и беллетристовъ, а также специально пишущихъ для „Вѣстн. Знанія“ иностранныхъ популяризаторовъ. Считаемо нужнымъ упомянуть, что профессора Парижской Русской Высшей Школы Обществ. наукъ принимаютъ въ „Вѣстн. Зн.“ близкое участіе. Кромѣ того редакція ставитъ себѣ цѣлью привлекать молодыя силы.

Подписная цѣна **(48 кн.)** 7 руб., съ достав. и перес. 8 руб. Разсрочка по 2 руб. на 1903 годъ за четверть года. За границу 11 руб. Первые четыре пробныя книжки высылаются за 1 р.; налож. платеж. дороже.

Адресъ редакціи „Вѣстн. Знан.“: С.-Петербургъ, Кузнецкий, 2, кв. 1.

Подписка принимается также во всѣхъ книжн. магаз. и конторахъ объявленій.

Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія ЛѢТ., начиная съ перваго.

Дозволено цензурою. 27 іюля 1903 года.

Типографія «Народная Полза», Коломенская, 39.

2015595711

